

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

№2(20)

2009

Москва 2009

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE
HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, Л.Е. Горизонтов, Е.Н. Евсеева, В.Д. Зимина,
А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Крушельницкий,
В.В. Минаев, В.А. Муравьев, А.С. Сенин, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, E. Evseeva, L. Gorizontov,
A. Kilichenkov, T. Krasovitskaia, A. Krushelnitskii,
V. Minaev, V. Muraviev, A. Senin, P. Shkarenkov, V. Zimina**

Publisher **S. Ippolitov**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:
6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat'»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2009
© by Russian State University for the
Humanities, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Ланской Г.Н.</i> Экономическая история России начала XX в. как проблема отечественной историографии	5
<i>Казаковцев С.В.</i> Вятская губерния в 1914–1917 гг.: война, власть и население	18
<i>Кулинич Н.Г.</i> Дальневосточные города в 1920–1930-е гг.: «пережитки прошлого» в жизни населения	25
<i>Залеская О.В.</i> Китайские колхозы на советском Дальнем Востоке (1930-е гг.)	37
<i>Осмаев А.Д.</i> Чеченская Республика в 1999–2000 гг.: война и политика	45

Сообщения

<i>Кубасов А.Л.</i> Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны	58
---	----

Антибольшевистская Россия

<i>Иоффе Г. (Канада)</i> Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова	66
<i>Карпенко С.В.</i> «Крамола на Кубани»: экономика и политика (1919 г.)	81
<i>Калугин Ю.</i> Пятая книга «Тихого Дона»	91

События и судьбы

<i>Кулаков В.О.</i> Грузинский царь Вахтанг VI в Астрахани: страницы истории тайной дипломатии России (первая треть XVIII в.)	99
<i>Паиков А.М.</i> С.А. Приклонский: от царского чиновника до народнического публициста	105
<i>Ревин И.А.</i> Крестьяне Могилевские: родословная семья и история Тихого Дона	115

У книжной полки

<i>Foglesong D.S.</i> The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881; <i>Крейд В.П.</i> Георгий Иванов; <i>Широкопад А.Б.</i> Великая речная война, 1918–1920 годы; <i>Пивовар Е.И.</i> Российское Зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии; <i>Кузнецов Н.А.</i> Русский флот на чужбине.	125
Содержание, авторы, аннотации	150
Contents, Authors, Summaries	155

СТАТЬИ

Г.Н. Ланской

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX в. КАК ПРОБЛЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Место и значение историографии как явления гуманитарной культуры принято оценивать в двух контекстах. Помимо контекста, связанного с написанием человеком истории своей жизни, существует вспомогательный контекст, связанный с методикой и практикой обращения исследователя событий прошлого к научному опыту своих предшественников. В нем историография выступает в качестве информационного ресурса, всегда применяемого при создании исторических исследований.

С конца 1950-х–начала 1960-х гг., когда восприятие любых свидетельств о прошлом в профессиональном и массовом сознании стало проникать через жесткие конструкции идеологизированного мышления, ученые немало сделали для легитимации обоих контекстов определения предметного поля историографии.

Во второй половине 1980-х гг. в связи с проникновением в общественное сознание более плюралистического восприятия социальной истории появилось более широкое определение для совокупности историографических фактов и, соответственно, для определения предметного поля историографии. В статье, опубликованной в 1990 г., С.О. Шмидт писал: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится все яснее, что историю исторической науки (и шире – развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, охватывающих воздействие и на последующие поколения»¹. В целом, в контексте широкого понимания информационно-познавательной основы историографии С.О.Шмидт пришел к выводу, что «историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений»².

На наш взгляд, корпус историографических источников действительно отличается значительной широтой и в его состав можно включить лю-

бые свидетельства о развитии исторических знаний, условиях их создания, распространения и восприятия в обществе. Соответственно в аспекте формирования культуры человеческой деятельности историографию целесообразно рассматривать как историю исторической мысли.

При формировании представлений о корпусе историографических источников в его состав целесообразно включать не только исследования ученых, содержащие значимые концептуальные представления или существенно дополняющие их, но также документы, отражающие влияние социальных институтов (в особенности государства) на развитие исторической науки, и материалы по обсуждению развивающихся исторических знаний представителями научного сообщества.

Именно эти компоненты формируют состав объекта нашего исследования – советской историографии экономической истории России начала XX века.

В условиях советской политической системы историографическое творчество было во многом подчинено решению задач строительства новой формы общественного развития. С этой точки зрения, советская историография, несомненно, представляла собой культурный феномен, на формирование которого воздействовали оба традиционных фактора формирования интеллектуальной истории – личностные свойства исследователей исторического прошлого и особенности общественного сознания. Чтобы понять значение данного феномена, в одинаковой мере необходимо оценивать состояние исторической мысли как с позиций периода, в который она формировалась, так и с точки зрения современного периода развития историографических исследований. Эта методологическая установка позволяет, на наш взгляд, сформировать объективное восприятие советской историографии, поскольку она раскрывает и условия ее развития в рамках существовавших в СССР политических режимов, и информационное значение созданных в ее рамках исследований для формирования современного социального и гуманитарного знания.

Этот подход уже получил необходимую апробацию в сознании профессионального сообщества и может быть использован при изучении трудов отечественных авторов по экономической истории России начала XX в., созданных в 1917–1956 гг., поскольку распространяется на характеристику советской историографии указанного периода в целом. Обоснование данного подхода было, в частности, представлено в работах С.О. Шмидта. Он указывал на то, что «историографические явления должны рассматриваться и оцениваться и с точки зрения уже наших современников. Это поможет определить их вклад, внесенный в поступательное развитие науки. 1920-е годы–начало 1930-х годов – время напряженного творческого поиска путей понимания исторических явлений, хода исторического процесса, освоения богатства марксистско-ленинской мысли, что стало школой исторического мышления для прославившихся позднее ученых». Сочетая дис-

курсивное восприятие развития советской историографии из современного интеллектуального контекста и одновременно с учетом обстоятельств развития духовной жизни российского общества в 1920–1930-е гг., С.О. Шмидт пришел к заключению, что «середина 1930-х гг. может по-прежнему оставаться вехой в периодизации истории исторической мысли даже при переоценке явлений тех лет. Ибо с того времени стал невозможен плюрализм мнений, утверждались цитатнический догматизм, комментирование цитат как форма “исследований” и история откровенно политизировалась»³.

Участие советских историков в обосновании прогрессивности и необходимости формирования социалистического общества и подчинение историографического творчества достижению этой цели воспринималось ими как несомненное достоинство их деятельности. Более того, несмотря на кажущуюся парадоксальность данного интеллектуального процесса, именно такая идеологическая детерминированность творчества воспринималась как компонент положительного образа советской исторической науки. Об этом, в частности, ярко свидетельствовали характеристики сущности и черт отечественной историографии, прозвучавшие на состоявшейся 6 октября 1948 г. сессии Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка, посвященной десятилетию со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Указав на преемственную связь этого труда с работой И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», а также с сочинениями К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, один из главных докладчиков сессии, академик Г.Ф. Александров, пришел к выводу: «Мы уверенно можем сказать, что именно это единство, неразрывность, слитность марксистско-ленинской философии и коммунизма выступает сильнейшей стороной большевистской идеологии и дает нашей партии мощное победоносное оружие в борьбе за победу нового над старым и вообще великие преимущества в борьбе со всеми классами и силами старого мира»⁴.

На заседаниях сессии этот вывод получил развитие в выступлениях представителей различных областей гуманитарного знания. Позиция историков была представлена в докладе А.М. Панкратовой. Ею было отмечено, что «за 70 лет до возникновения первого в мире советского социалистического государства, которое начало свой великий путь к коммунизму, Маркс и Энгельс, изучая законы общественного развития, обосновали неизбежность гибели капитализма и победы коммунизма. Продолжая изучение закономерностей общественного развития на новом этапе классовой борьбы, Ленин и Сталин еще более определенно показали громадное значение марксистской общественной теории для обоснования исторического процесса как закономерного движения к коммунизму»⁵.

Трудно сомневаться в том, что такое обозначение собственной интеллектуальной преемственности по отношению к теоретическим концептуальным представлениям основоположников материалистического и впоследствии большевистского подходов к осмыслению российской истории на-

чала XX в. было отражением внутренних убеждений и стремления выполнить гражданский долг перед обществом. Рассматривая в качестве примера профессиональную деятельность одного из создателей советской историографической концепции экономического развития России, А.Л. Сидорова, его ученица и последовательница С.В. Воронкова писала: «Важнейшей компонентой мировоззренческой и научной позиции историков, вышедших из стен ИКП (Института красной профессуры. – Г.Л.), был, безусловно, идеологический принцип. Устойчивая непримиримость к методологии буржуазной науки, фальсификации истории Октября, отступничеству от марксизма отличает их труды и жизненную позицию. Следует отметить искренность такого поведения, в нем не было двойной морали»⁶.

Отношение к советской историографической традиции, проявлявшейся в исследовании самых различных аспектов развития России, изменялось параллельно с переоценкой той канвы событий, которая была начата и обусловлена Октябрьской революцией. На наш взгляд, это было вызвано целым комплексом причин.

Во-первых, стал формироваться теоретический подход, выделяющий в качестве отдельного предмета изучения интеллектуальную историю. С одной стороны, он, конечно, помогает «очеловечивать» прошлое; с другой – он отличается очевидной метафизичностью, опираясь на сумму предположений, и поэтому способен уводить от объективного гуманитарного знания.

Во-вторых, многим исследователям в силу различных причин хотелось отстраниться от прошлого, от той духовной среды, в которой складывался начальный этап их творчества. Для этого нужно было сделать эту среду однородным для оценки, интеллектуальным явлением.

С этим обстоятельством связана, на наш взгляд, и третья причина. Она состояла в том, что строители новой российской историографической традиции естественно стремились к определению своей духовной идентичности в условиях новой политической системы, которая, по крайней мере в первой половине 1990-х гг., развивалась в русле ярко выраженного, демонстративно проявлявшегося антикоммунизма. Один из этих строителей, в то время ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев, в одной из концептуальных статей подчеркивал: «Сегодня не менее важно показать, что советская историческая наука – как и наука в целом! – была органической составной частью советской общественно-политической системы. Именно данное обстоятельство, будучи наиболее существенным, предопределило как многие внутренние процессы историографии, так и специфику взаимоотношений между историографией и другими государственными и общественными институтами»⁷. Развивая свою мысль, Ю.Н. Афанасьев констатировал тот факт, что «за десятилетия всестороннего, по существу тотального воздействия партии на историческую науку в ходе “партийного руководства” сформировался вполне определенный тип историка, научившегося воспринимать это руководство как нечто естественное и само собой разумеющееся. Более того,

сложился тип активного историка-партийца, жаждущего данного руководства и чувствовавшего себя крайне дискомфортно без него»⁸.

В рамках обличения советской историографии как интеллектуального явления и отречения от ее традиций, которые, конечно, не всегда располагали к свободному творчеству, одним из наиболее основательных критических аргументов была ограниченность проблематики исследований, детерминированность их концептуальных построений факторами развития производственных отношений и нарастания классово-борьбы. Даже авторы, выражавшие нейтральное отношение к марксистской методологии истории, отмечали отрицательное, сковывающее воздействие этой интеллектуально-односторонней системы концептуальных представлений на историографическую традицию. В качестве средства, сковывавшего мыслительную деятельность историков и догматизировавшего их историографическое мировоззрение, эти авторы в соответствии с традициями, определенными еще XX съездом КПСС, обозначали «Историю ВКП(б). Краткий курс».

В качестве одного из сторонников данного восприятия событий развития советской историографии выступил член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. Он, в частности, писал: «В XX веке, особенно во второй его половине, многофакторный подход к истории, нередко в весьма утрированной форме, с упором на великое множество порой случайных и преходящих факторов развития человеческого общества, разрабатывался и в зарубежной, в первую очередь западной (французской и американской), историографии, хотя применительно к истории России там в основном сохранялась классическая схема, разработанная С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. В нашей стране перерыв в этой, безусловно, научно оправданной линии наступил на исходе 30-х годов в связи с формированием идеологии сталинизма, доведшей до невежественного абсурда многие разумные положения К. Маркса и Ф. Энгельса, и с выходом в свет “Краткого курса истории ВКП(б)”»⁹.

Отрицательный характер влияния И.В. Сталина и некоторых его соратников, проявлявших интерес к особенностям русского исторического процесса, на развитие научных исследований признавался во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. практически всеми специалистами. Эта оценочная линия, по нашему убеждению, была столь акцентированной не только потому, что идеология сталинизма была чужеродна понятию свободы исследователяского мышления, но и в связи с желанием многих ученых представить общественному вниманию свое творчество начавшимся как бы с чистого листа, а свои выводы – свободными от прежних догматических установок. В тех случаях, когда речь шла просто о методологическом смещении оценочных характеристик с положительных на отрицательные в восприятии советской историографии, такие попытки выглядят вычурными. У читателей, знакомых с обстоятельствами развития прежней, допостсоветской исторической науки они были способны вызвать подозрение в своей обусловленности стремлением социализироваться, выжить и в новой интеллектуальной среде.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее глубоким, с точки зрения оценки советской историографии, является тот исследовательский подход, который рассматривает ее как источник развития определенного метода мышления, зародившегося в сознании профессионального сообщества историков и защищавшегося ими в качестве относительно удобной среды научного обитания.

Менее плодотворным и производящим искусственное впечатление выглядит стремление объяснить складывавшийся выбор тематики исследований, способ ведения дискуссий, отношение к процессу источниковедческой критики факторами административного и идеологического воздействия партийных и государственных институтов. Во-первых, при акцентировании данной причины возникавших творческих проблем сами деятели исторической науки выглядели людьми с машинально работающим сознанием, что не представляется по отношению к ним комплиментарной характеристикой. Во-вторых, очевидно, что любое, даже самое архаическое общество всегда находится во взаимодействии с социальными институтами; более того, оно формирует их сущность, механизм функционирования и источники их авторитетности. Важно учитывать и то обстоятельство, что без движения «снизу», без благодарственных или, наоборот, критических импульсов со стороны общественного сознания не может сформироваться ни одна политическая идеология. Противоположные характеристики этой связи, основанные на признании авторитарного, идущего от воли правящей элиты способа происхождения социальных норм поведения и мышления, выглядят с точки зрения современных знаний, антинаучными и нуждаются в преодолении. Наиболее близко к такому психологически непростому преодолению подошли, по нашему мнению, в своих фундаментальных исследованиях А.М. Дубровский и Б.Н. Миронов.

Точка зрения, высказанная А.М. Дубровским, еще не до конца свободна от укоренившегося в период отречения от пагубного воздействия культа личности И.В. Сталина этатистского подхода к пониманию факторов развития интеллектуальной истории, но она выдвигает наиболее адекватную интерпретацию советской историографии именно как своеобразного метода мышления. Обосновывая концептуальные черты исследования, А.М. Дубровский пишет: «В исторической науке аналогами социалистического реализма были методы материалистического, классового подхода, формационного анализа, теория развития и смены общественно-экономических формаций, которой обосновывалась неизбежная победа коммунизма во всемирном масштабе. Из всего разнообразия существовавших в исторической науке направлений в конце XIX – начале XX в. власть выбрала и превратила марксистское в единственное, имевшее право на жизнь и на то, чтобы считаться подлинно научным направлением. Историческая наука была сделана орудием идеологической борьбы в противостоянии с наукой буржуазной, с немарксистскими идеологиями, понимаемыми обычно как антимарксистские и антинаучные»¹⁰.

Представляется, что единственно историчной является та объяснительная модель, которая рассматривает исследовательское творчество как процесс целенаправленной, осознанной деятельности человека, наделенного личностными культурными свойствами и делающего на их основании выбор в пользу тех или иных духовных приоритетов. Напротив, довольно странным выглядит сочетание представлений о том, что, с одной стороны, исторический (в частности, историографический) источник есть «реализованный продукт человеческой психики», а с другой стороны, что советские историки формировали иногда недостоверные и часто односторонние теоретические конструкции по причине авторитарности государства и давления на их сознание политической идеологии.

Вероятно, именно это противоречие имел в виду Б.Н. Миронов, когда формировал достаточно полный и точный, на наш взгляд, перечень интеллектуальных недостатков (говоря мягче, проблем) советской историографии.

Он определил их состав так: «Советские историки справедливо критиковались и критикуются за такие недостатки в их подходе к изучению прошлого, как: 1) экономизм, который отдает приоритет экономическому фактору в ущерб другим и часто приводит к редукции многостороннего, многомерного социального объекта к одному экономическому аспекту; 2) априоризм, под влиянием которого факты подгоняются под заданные теории и схемы; 3) презентизм, который приводит к навязыванию людям прошлого мотиваций и представлений современных людей; 4) материализм, вынуждающий историка недооценивать в общественной жизни значение идей, например представлений об обществе, государстве и человеке, которых придерживались различные социальные группы, роли личности и других субъективных факторов истории; 5) объективизм, в соответствии с которым теоретические конструкции рассматриваются как объективная реальность; например, сконструированный исследователем класс считается реальным, объективно существующим классом, а социальные группы определяются по численности, членам, границам в ущерб отношениям внутри и между группами, при этом игнорируются групповые представления и самоидентификация; 6) универсализм, который приводит к недооценке значения национальных, культурных, религиозных особенностей в развитии отдельных стран; 7) идеологизация и политизация исторической науки»¹¹.

Разумеется, эти особенности не всегда встречались одновременно и в совокупности и их не вполне корректно «приклеивать» любым научным исследованиям, созданным советскими учеными. Вместе с тем задача, связанная с определением объяснительной и доказательной базы этих исследований, с выработкой методики ее объективного анализа, представляется чрезвычайно актуальной, тем более если речь идет о таком обусловленном многими внешними социально-институциональными факторами культурном явлении, как советская историография. Научная деятельность в данном направлении позволит ответить на вопрос об информационном качестве

создававшихся после Октябрьской революции профессиональным сообществом исторических знаний и о степени преемственности современной историографической традиции по отношению к той, которая складывалась в нашей стране до начала 1990-х гг.

На наш взгляд, в прошлом и настоящем развитии исторической науки содержание данных тенденций зависело от того, на какой объект направлялась мысль историка, какая сфера общественного развития и организации социальных связей оказывалась в пространстве интеллектуального творчества исследователя.

В качестве такого, обладающего в Советской России ярко выраженной спецификой объекта осмысления выступала экономическая история. Не умаляя значение других сфер общественного развития и организации социальных связей, нужно отметить, что пристальное внимание именно к этой предметной области было наиболее типичным для советской исторической науки.

Во-первых, творчество отечественных исследователей российской истории опиралось в 1920–1980-е гг. на принципы диалектического и исторического материализма, вычерчивавшие временно-пространственную шкалу оценки индивидуального и коллективного поведения людей по существу в любой конкретной исторической ситуации. Во-вторых, аксиоматический характер имело представление об экономической сущности базиса общественного развития и о том, что все остальные аспекты исторического развития – политический, духовный и т.д. – имеют только надстроечное значение и формируют дополнительные знания по отношению к главной информации – о состоянии производительных сил и производственных отношений. В-третьих, на развитие советской историографии решающее, детерминирующее воздействие оказывал формационный подход. В соответствии с этим подходом движение любого общества обозначалось как движение от одного уровня социально-экономического развития к следующему, как правило, более высокому.

Линейная схема хозяйственной трансформации, сформированная в рамках марксистской методологии, была воспринята и взята на вооружение не только советскими учеными, но и многими зарубежными исследователями, которые использовали ее при создании теории модернизации, отличительной чертой которой являлся, главным образом, универсализм в определении факторов исторического развития. Таким образом, экономическое развитие России представляло собой один из центральных объектов, на осмысление которого было нацелено историографическое творчество многих авторов в XX в.

Первым из исследователей истории советской исторической науки к этому выводу пришел К.Н. Тарновский. Он обозначил социально-экономическую историю России конца XIX–начала XX вв., определявшуюся в качестве части истории России периода империализма, как «комплексную про-

блему, включающую в себя, во-первых, историю монополистического капитализма и соответственно крупнокапиталистической промышленности, транспорта и банковского дела, во-вторых, аграрную проблематику, наконец, в-третьих, историю мелкого и среднекапиталистического производства»¹².

Эта историографическая проблема имела не только собственно научное, но и идеологическое значение. Ее освоение происходило на базе привлекаемых исторических источников, обращение к которым началось еще в период функционирования возглавлявшегося М.Н. Покровским семинара в Институте красной профессуры. Интерпретация сведений, извлекавшихся из этих источников, базировалась на необходимости проиллюстрировать действенность марксистской методологической концепции исторического процесса применительно к российской действительности начала XX в. и на доказательстве правильности учения В.И. Ленина о неизбежности построения социалистического общества после устранения всех черт капиталистической системы общественно-экономических отношений.

Многие исследователи, специализировавшиеся на изучении экономического развития России конца XIX–начала XX вв., отмечали, что период исследования данной проблематики имел целостные содержание и хронологическую динамику в течение почти сорока лет – с 1917 по 1956 гг. Такая точка зрения была особенно распространена во второй половине 1950–начале 1960-х гг. не только потому, что подчеркивала заслуги политического руководства СССР в области относительной по отношению к современности демократизации идеологической жизни страны, но и в той связи, что современники этого периода сами ощущали расширение собственных творческих возможностей после ревизии теоретических взглядов И.В. Сталина.

Вот как эти условия описал К.Н. Тарновский: «Во-первых, к середине 1950-х годов выросли кадры исследователей, занимавшихся проблемами аграрной истории империалистической России, с весьма значительным “заделом” проработанного материала, знанием источников и соответствующими навыками ведения научного исследования... Во-вторых, к этому же времени наметилась смена проблематики исследований по аграрному вопросу в России начала XX века. Начиная со второй половины 1950-х годов обозначилось стремление исследователей не к комплексному и преимущественно региональному, а расчлененному изучению вопросов, но зато в более широких территориальных и хронологических рамках... От выяснения специфики аграрных отношений в пределах губернии (зоны, района) исследователи пришли к установлению общих черт аграрной эволюции страны в начале XX в. на базе тематически ограниченного, но общероссийского по своему характеру материала»¹³.

Таким образом, при очевидной внутренней динамике, которую можно проследить в ряде специальных исследований¹⁴, период в развитии советской исторической мысли, начавшийся после Октябрьской революции и завершившийся решениями XX съезда КПСС, принятием постановления ЦК КПСС «О

культе личности И.В. Сталина и его последствиях» и последовавшими за этим организационными изменениями в развитии научных исследований, рассматривался как целостное интеллектуальное явление. Таким он предстает и в настоящее время именно в силу историчности такой периодизации, ее соответствия реальному восприятию современниками событий эпохи, имеющей литературно-художественное обозначение «оттепель».

В отношении любого обусловленного совокупностью объективных и субъективных причин процесса важно выбрать некоторую точку отсчета для его восприятия, своего рода методологическую платформу. Конечно, при таком выборе легко остановиться на каком-либо авторитетном мнении и дальше использовать его в качестве основания для интерпретации любых исторических фактов. Такой подход обычно отрицательно сказывается и на развитии историографического творчества, и через какое-то время на объяснительной репутации подобного времени. Именно такой результат наметился в отношении сталинского учения о полукOLONIALном типе российской экономики в начале XX в. и ленинского учения о протекании в России этого же периода двух социальных войн. Ревизия этих концептуальных представлений повлекла в 1990-е г. обвинение их адептов в догматизме.

Данная тенденция вообще является закономерной для развития исторического знания, что отмечали еще в 1980-х гг. исследователи развития ленинской концепции в отечественной историографии, воспринимавшие возвращение от различных теоретических заблуждений к методологическим положениям В.И. Ленина как путь к получению объективного знания об экономическом развитии России в начале XX в. В частности, этой позиции придерживались О.В. Волобуев и В.А. Муравьев. В своем исследовании они отмечали, что «оценка России начала XX в. как страны империалистической позволяла историкам возвратиться к упущенной историографией 20-х гг. ленинской мысли о перемещении революционного движения в Россию»¹⁵. Эта тенденция рассматривалась как отражение поступательного развития отечественной науки, направленного на получение объективных знаний и уточнение характеристик наиболее важных в плане концептуального восприятия исторических явлений. В качестве конкретного примера данных интеллектуальных поисков О.В. Волобуев и В.А. Муравьев привели дискуссию по вопросу о самодостаточности российской экономической системы накануне Первой мировой войны. Приход исследователей к правильному пониманию фактического материала и высказываний В.И. Ленина по данной проблеме они оценивали в исключительно положительном ключе, отмечая, что в конце 1920–начале 1930-х гг. «оценка социально-экономического уровня России конца XIX–начала XX в., как страны промышленного капитализма, сменялась представлением о самостоятельном, обусловленном внутренними закономерностями вступлении ее в стадию империализма»¹⁶.

На всем протяжении развития советской историографии экономической истории России начала XX в. обращение к теоретическим представлениям и конкретным оценкам, содержащимся в работах В.И. Ленина, рассматривалось как путь, приближающий любого исследователя к получению достоверных знаний. В особенности это было характерно для восприятия тех работ, которые были посвящены формированию предпосылок и определению задач Октябрьской революции.

Вполне очевидно, что представления историков об этих событиях могут и, вероятно, должны совпадать с представлениями о них В.И. Ленина, потому что именно он являлся организатором и ведущим проводником этой революции. Любые домыслы могут в данной ситуации только увести от получения адекватных исследовательских результатов. Допустимо вести дискуссии о степени прогрессивности событий октября 1917 г. для развития российской истории, но предельно ясно, что только организаторы этих событий могли четко обозначить те задачи, которые они решали в своей вполне осознанной и целенаправленной деятельности.

Именно этого подхода придерживались все без исключения советские историки, рассматривая события, происходившие до и после Октябрьской революции, в качестве соответственно ее причин и следствий. Оценки экономического развития России как базисного явления в формировании социальных процессов были детерминированы отношением к социалистической революции как к прогрессивному явлению, своего рода зеркалу, в котором отражались достоинства и недостатки исторических явлений, происходивших в сфере хозяйства страны и за ее пределами. Историографическая концепция, созданная В.И. Лениным, также рассматривалась как интеллектуальное явление, в абсолютной мере порожденное его руководящей политической деятельностью при подготовке и проведении Октябрьской революции. Поэтому ее объективность не вызывала сомнений у исследователей, обращавшихся к решению вопросов о предпосылках и направленности революционных событий 1917 г. Основные положения этой концепции выступали в качестве индикатора правильности тех выводов, к которым приходили последующие поколения авторов многочисленных научных трудов. На наш взгляд, с интеллектуально-исторической точки зрения, это было вполне естественным и закономерным явлением, поскольку созданная В.И. Лениным идеология, несомненно, вполне точно отражала духовную и социально-экономическую ориентированность Октябрьской революции.

Этот вывод легко подтверждается не только на основании еще проникнутых революционной идеологией и стремлением способствовать реализации революционных достижений научных трудов 1920–1930-х гг., но и теми методологическими положениями, на которые опирались монографии и статьи представителей последующих поколений советских историков. Эта приверженность ленинской концепции и убежденность в правильности сде-

ланного Россией в октябре 1917 г. социалистического выбора, в искренности которых нет оснований сомневаться, были частью мировоззрения создателей отечественной историографии экономического развития нашей страны применительно к началу XX в.

Если абстрагироваться – что, по нашему убеждению, абсолютно необходимо – от той негативной суммы оценок политической деятельности большевиков, которая сложилась в 1990-е гг., и избежать тем самым многих конъюнктурных оценок, то следует признать внутреннюю интеллектуальную органичность советской историографии даже в том случае, если создававшийся в ней образ социалистической революции имел, с позиций современного человека, мифический характер. Таким образом, само мышление отечественных исследователей наряду с системой формулировавшихся ими доказательств и выводов было сформировано убежденностью в закономерности и прогрессивности революционных событий октября 1917 г. В зеркале этих событий, с точки зрения советских историков, начиная с 1920-х и заканчивая 1980-ми гг., складывалась и сама картина событий экономической жизни России начала XX в., и необходимая система ее анализа и интерпретации в историографических источниках, и тот образ мыслей, который формировал и должен был формировать сознание ученых, занимавшихся данной проблематикой.

Достаточно точно и полно эту позицию сформулировал в своем исследовании, опубликованном в 1988 г., В.И. Бовыкин. В его вступительной части он писал: «Учение Ленина об объективных предпосылках социалистической революции, его концепция экономического развития России и места ее в мировой системе капитализма, прошедшие тем самым проверку на практике освободительной борьбы российского пролетариата, послужили основой ретроспективного изучения советскими историками процессов капиталистического развития России, обусловивших историческую необходимость социалистических преобразований. Начавшись по свежим следам событий Октябрьской революции, оно прошло ряд этапов. Каждый из них, решая свой круг проблем, на которых концентрировалось внимание исследователей, являлся своего рода ступенью в постижении истории Великого Октября. Но каждый такой этап, принося определенные достижения, имел и свои издержки. Проблемы и противоречия изучения социально-экономических предпосылок Октябрьской революции в советской историографии сами стали уже объектом исторического анализа»¹⁷.

Теоретические представления В.И. Ленина служили отправной точкой для оценки практически всех значимых явлений экономической жизни России в начале XX в. Они рассматривались в качестве базовой характеристики этих явлений. С другой стороны, все выявлявшиеся для обеспечения исследовательской работы источники непременно интерпретировались с учетом необходимости подчеркнуть закономерность происхождения и победы Октябрьской революции. В этом смысле показательным представля-

ется сделанный известным советским историком В.Я. Лаверычевым вывод о том, что «методологическая основа ленинских идей является первым непременным условием успешной разработки общих проблем государственно-монополистического капитализма в России. Вторым должно быть привлечение широкого круга исторических источников»¹⁸.

Очевидно, что изучение экономической истории России начала XX в., по крайней мере в трудах советских историографов, происходило в той системе координат, которая была задана представлениями о закономерном происхождении и положительном значении Октябрьской революции в России, о прогрессивном характере социалистического строительства, которое стремились осуществлять руководители большевистского государства, и о целесообразности выдвижения взглядов В.И. Ленина в качестве эталона достоверной интерпретации тех событий и процессов, которые происходили тогда в нашей стране.

В современной историографической традиции сохраняется признание ведущей роли социальных и экономических факторов в формировании предпосылок революционных событий 1917 г. в России. Цивилизационный подход, выдвигающий на передний план источников исторического процесса культурно-антропологический фактор, все равно не способен поколебать эту причинно-следственную конструкцию, потому что главным проявлением культуры всегда остается имеющая под собой материалистические основания человеческая деятельность.

Примечания

¹ Шмидт С.О. К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов // История и историки. М., 1990. С. 84.

² Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 92.

³ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка. С. 134.

⁴ Архив РАН. Ф. 457. Оп.1–48 г. Д. 105. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 42.

⁶ Воронкова С.В. Аркадий Лаврович Сидоров // Экономическая история. М., 1999. С. 446.

⁷ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 11.

⁸ Там же. С. 23–24.

⁹ Сахаров А.Н. Россия: Народ, Правители. Цивилизация. М., 2006. С. 29–30.

¹⁰ Дубровский А.М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2003. С. 10.

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России, XVIII–начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 14.

¹² Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России, начало XX в.: Советская историография середины 50-х–начала 60-х годов. М., 1990. С. 8.

¹³ Там же. С. 92–93.

¹⁴ См., напр.: Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х–конец 1950-х годов). М., 1982.

¹⁵ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905–1907 гг. в России и советская историография. М., 1982. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 139.

¹⁷ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 4.

¹⁸ Лаврычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 12.

С.В. Казаковцев

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1914–1917 гг.: ВОЙНА, ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ

После объявления России войны со стороны Германии Вятская губерния с 24 июля 1914 г. оказалась на положении чрезвычайной охраны. Сначала до 4 сентября 1914 г., а затем этот статус продлялся в ходе войны с предоставлением вятскому губернатору прав главноначальствующего¹.

После выражения населением верноподданнических чувств, волной прокатившегося по городам Вятской губернии, начались перемены в жизни согласно требованиям военного времени. Уже 31 июля вятский губернатор А.Г. Чернявский получил от МВД поручение с требованием максимально экономить денежные средства, исключать из бюджетов расходы, которые не являлись «особо настоятельными», выделять деньги на помощь детям, оставшимся без присмотра родителей. Во всех бюджетных статьях расхода требовалось соблюдать максимальную экономию². Властям вменялось в обязанность не допускать проявлений недовольства на почве дороговизны продуктов и товаров, их недостатка, предупреждать беспорядки всеми приемлемыми способами и самым решительным образом, хотя применение оружия при этом считалось нежелательным³.

В августе городским головам было разрешено созывать чрезвычайные собрания городских дум в тех случаях, когда требовалось немедленное рассмотрение конкретных вопросов, вызванных войной. При этом они освобождались от обязанности испрашивать со стороны губернатора разрешения на их проведение, достаточно было по закрытию собраний немедленно сообщить об их проведении⁴. Эта вынужденная мера давала возможность органам местного самоуправления оперативно решать возникавшие вопросы.

Война заставила ужесточить меры против подпольных революционных организаций. 23 сентября начальник вятского губернского жандарм-

ского управления полковник Г.Г. Битепаж в обращении к вятской полиции отметил, что противоправительственная агитация в военное время недопустима. Был усилен контроль за доставкой периодических изданий в госпитали и лазареты, а особое внимание уделено вокзалу, так как именно там было возможно «вложение в газеты пропагандистских листовок с целью доведения их революционного содержания до адресата» – раненых и больных воинов⁵.

1 июня 1915 г. губернатор Чернявский издал распоряжение, по которому любые шествия, демонстрации и манифестации, включая патриотические, запрещались. Исключение могло быть сделано только для патриотических шествий, вызываемых особыми обстоятельствами. Всякое, даже минимальное сопротивление толпы должно в самые кратчайшие сроки подавляться. Полиция усиливалась: дополнительно направлялись вспомогательные и сверхплановые силы стражников в города и крупные фабричные поселения. Ужесточалась охрана тех предприятий и заводов, которые обслуживали армию и производили военную продукцию, в таких местностях повсеместно вводилось секретное наблюдение. Неспособность справиться с беспорядками объявлялась преступной⁶.

Из Вятки были высланы все освободившиеся воры-рецидивисты. Под особый контроль были взяты лазареты и госпитали губернии, широкое открытие которых началось с первых дней войны. Здесь полиция активно боролась с пропагандой, не допускала побегов из лечебных учреждений больных и раненых воинов во время прогулок.

В годы войны в губернию выслали иностранных военнообязанных, которых расселяли по уездным городам. Местное население спокойно отнеслось к прибывавшим подданным враждебных государств. Но наличие иностранцев было чревато погромами. Подобно Москве, где угроза антинемецких погромов стала реальностью, в Вятке также нельзя было исключать их. 15 июня 1915 г. Чернявский получил от начальника Вятского губернского жандармского управления донесение, в котором утверждалось, что проживавший в Вятке по Николаевской улице германский подданный Кюххе встретил неизвестного русского подданного, который спросил его, где тот живет, и, получив ответ, сказал: «Передайте Стратоновым (Владельцы дома, в котором проживал Кюххе. – С.К.), что сегодня ночью начнется погром немцев с их дома, а затем аптеки Берман, магазина «Проводник», аптеки Бока и других». Это была не угроза, а предупреждение⁷.

Секретно были отданы распоряжения полиции и конной страже группироваться у мест возможного возникновения беспорядков, в городе были размещены дополнительные силы полиции, а под видом учений полурота нижних чинов должна была находиться на губернской площади, где всегда собиралось самое большое число жителей Вятки. Погромов немецких подданных в городе так и не произошло. Отдельные стычки остались исключениями.

Так, в самом начале войны, 5 августа 1914 г., в 8 вечера у кинематографа «Прогресс» за двумя германскими военнопленными увязалась огромная толпа воинственно настроенных горожан. Однако грамотные действия вятского полицмейстера А.В. Румянцева позволили избежать трагедии⁸.

Летом 1915 г. в губернии, особенно в Вятке, возникали слухи о погромах немцев. Но они были всего лишь проявлением массовых настроений. По оценкам вятской полиции, настроение населения было спокойным, а до ноября 1915 г. даже оставалось «приподнятым и переполненным патриотическими чувствами». Жители Вятки с большим вниманием относились к новостям с фронта, переживали успехи и неудачи «вполне хладнокровно». Общий же вектор настроений, по полицейским сводкам, состоял в желании довести войну до победного конца, серьезного недовольства призывами в армию не было, так как население в своей массе осознавало, что потребности вооруженных сил велики, а война – «занятие дорогостоящее»⁹.

Однако отношение населения к военнопленным и военнообязанным из враждебных стран зачастую менялось, отражая поведение последних. Так, сильное недовольство вызывало у местного населения то, что рост цен на продукты питания вызывался в том числе и наличием большого количества иностранных подданных, многие из которых обладали достаточными средствами для приобретения товаров даже по высоким ценам. А в беднейших слоях местного населения, как правило, рабочих, у которых родственники ушли на войну, это вызывало раздражение. К тому же многие иностранцы вели себя вызывающе, ходили в увеселительные заведения. Полиция отмечала, что жители высказывались насчет них так: «Что их кормить даром, нужно заставлять их что-нибудь работать», «Как волка ни корми, все в лес смотрит»¹⁰.

Наличие военнообязанных-иностранцев и военнопленных в Вятской губернии имело и положительный эффект: повсеместная нехватка рабочих рук и вздорожание работ частично ослаблялись присутствием множества людей, которые могли выполнять хотя бы часть их. При этом делалось все возможное, чтобы иностранные подданные максимально были отдалены от местного населения: военнообязанным запрещалось бывать у местных жителей, а тем – у военнообязанных под угрозой заключения в тюрьму или крепость на три месяца, арестом на тот же срок или штрафом до 3 тыс. руб.¹¹ Военнообязанным Германии, Австро-Венгрии и Турции запрещалось вести любые разговоры с нижними чинами гарнизонов, а также с ранеными и больными воинами. Тем не менее сами военнообязанные нередко вели себя вольно, особенно по отношению к девушкам, стремились завязать разговор, зачастую вступали в интимную связь с русскими женщинами¹². Вплоть до осени 1916 г. военнопленными или военнообязанными неприятельских государств с утра по повышенным ценам скупались продукты питания, что лишало часть местных жителей возможности приобрести мясо, яйца, молоко, масло, овощи по нормальным ценам. По этой причине городские упра-

вы запретили утреннюю продажу в руки иностранцев, а вскоре начали определять объемы продаж для каждого иностранного подданного¹³. Однако торговцы всячески пытались обойти эти запреты.

Немало усилий власти приложили для воплощения в жизнь правительственного запрета продажи алкоголя. 12 ноября 1914 г. вышло обязательное постановление губернатора, по которому запрещалось приобретавшим спирт, вино или другие крепкие напитки для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических или лечебных надобностей употреблять их в качестве напитков или заниматься их перепродажей¹⁴. Санкции и наказание за нарушение этих норм были суровыми. Сама процедура отпуска алкогольной продукции строго регламентировалась: в Вятской губернии снабжением и распределением спиртосодержащих напитков можно было заниматься только с разрешения вятского полицмейстера.

В полицейских сводках отмечалось, что «население с радостью встретило правительственное распоряжение о прекращении виноторговли..., теперь замечается полный достаток и довольство своим положением, и является возможность... труженику делать сбережения на черный день»¹⁵. В действительности же население не прекратило употреблять спиртное. Так, из отчетов городских управ видно, что после запрета продажи алкогольной продукции распространение получило (в том числе и среди детей!) употребление различных суррогатов («бражки»), которое «расползлось и вширь, и вглубь»¹⁶.

Полицейская статистика отметила снижение числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Тем не менее нетрезвые ратники и солдаты нередко встречались на улицах Вятки. В сентябре 1914 г. пристав 2-й части доносил вятскому полицмейстеру Румянцеву: «В дом терпимости ежедневно приходят нижние чины пулеметной команды 333-го Глазовского полка и позволяют себе здесь всевозможные дебоширства, поют песни, ругаются сквернословием, матерной бранью и не обращают никакого внимания на содержательниц домов терпимости и постового городского. В ночь на 22 сентября 1914 г. они изрезали салфетку на столе и изорвали шторы в сенях»¹⁷.

Осенью 1914 г. на имя вятского губернатора пришло письмо от неизвестной женщины: «Сообщаю Вам... как власть имеющему, что какой-то виноторговец продает коньяк, хотя это ведь запрещено. Я так счастлива, что муж мой (алкоголик) прекратил свое пьянство, а вместе с тем и буйства в семье... дети стали поправляться от бессонных ночей... и что же – опять началась та же пьянка. Он является безобразно пьян, да еще приносит на дом коньяк, говорит, где покупает, но не говорит, у кого. Выходит – стало еще хуже: коньяк слишком дорог, чтобы пить его как водку. Это разорение! Вас все хвалят за Вашу гуманность и за Вашу деятельность. Вы окажете доброе дело – не одной мне, если сделаете покупку спиртных напитков совершенно невозможной. Прошу Вас от лица всех женщин, имеющих несча-

стве быть замужем за алкоголиками, принять все зависящие от Вас меры»¹⁸. 20 декабря полицейскому приставу пришло письмо от неизвестной женщины, в котором было указано, что «в домах терпимости пьянствуют и ничего не боятся, потому что полиция... вся задарена взятками. 9 декабря 1914 г. запасные солдаты пьянствовали в домах терпимости и пропили 87 рублей, потом когда же проспались, то смогли просить хозяйки, чтобы она отдала им половину денег пропитых. Она ничего не дала, сказал, идите куда угодно, жалуйтесь. Они пошли... и даже ходили в полицию... И пристав с них допросы взял. А хозяйку дома терпимости, Бакулеву, даже и не вызывали, так все и замяли»¹⁹.

14 марта 1915 г. в Вятке «проходило пьянство и карточная игра. Для проверки этого факта на место выехали городовые и дежурный чиновник. Они столкнулись с тремя чиновниками управления вятского уездного по воинской повинности присутствия и еще тремя незнакомыми мужчинами. Старший чиновник Попов при этом демонстративно приставал к представителю власти, хватал его за рукав и грубо кричал: “Ты какое имеешь право заходить сюда и беспокоить нас, нам и свое начальство разрешает играть в карты на деньги. Ты знаешь, что Вятка находится на военном положении и начальством в ней являемся мы!.. Я до сих пор смотрел на полицию снисходительно, а теперь знаю, что нужно делать, вы теперь мне навстречу не попадитесь”. А в управлении Попов заявил: “Вашей бумажкой здесь жопу подотрем”»²⁰.

В апреле крестьянка О. Головкова жаловалась вятскому воинскому начальнику полковнику И.Н. Вулиевичу на унтер-офицера Глазовского полка Андрея Хлебникова. Прибыв в Вятку для поправки здоровья, тот, будучи пьяным, ночью сильно избил ее и разбил ей нос, утром разорвал два платья, три наволочки и оторвал кусок сукна от пальто, а когда она пошла к городовому, то догнал ее и начал бить пряжкой от ремня. Через несколько дней он ночью бросил камень в окно и попал ей в нос, разбил лампу²¹.

В мае нижние чины и унтер-офицер 106-го запасного пехотного батальона в пьяном виде пели песни и были задержаны городовым. В июне служащие психиатрического отделения, напившись, «учинили буйство» и набрасывались на душевнобольного²².

Сами гласные городской думы неоднократно указывали, что все в городе знают, где можно приобрести вино, и что тайных торговых точек в Вятке предостаточно.

Вятская городская дума и городской голова Н.А. Пестов, богатый купец, неоднократно возбуждали ходатайства перед губернатором и министром финансов о воспрещении продажи алкоголя не только на время войны, но и на неопределенный срок. Так, в телеграмме на имя императора Николая II и главноверха русской армии вел. кн. Николая Николаевича от имени жителей говорилось: «...Мы, местные люди, единодушно свидетельствуем о благодетельных последствиях для населения дарованной народу... милости воспрещением продажи вина...»²³.

23 марта 1915 г. вятская городская дума постановила «повергнуть по телеграфу к стопам Его Императорского Величества Государя Императора всеподданнейшее ходатайство о воспрещении торговли вином и пивом навсегда»²⁴. 10 мая вятский губернатор указал вятскому городскому голове о том, что «Государь Император собственноручно начертать соизволил “Прочел с удовольствием» о постановлении вятской городской думы по поводу мер против пьянства и за трезвость”»²⁵.

Вятская городская управа, договорившись с Нижегородской управой, совместно выступали за ослабление вреда от пива путем снижения его крепости до 3 %, а также за запрет выносной торговли пивом. Особо ратовали они за полный запрет продажи пива в определенных местностях, круг которых должен был определяться местными властями. А сам спирт должен был отпускаться только для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических, косметических и подобных нужд. В аптеках все спиртосодержащие лекарства можно было бы приобретать только по рецептам врачей или по удостоверениям врачебных управлений. Все это делалось, как заявлялось, для того, чтобы «обновленная Россия пошла бы по пути славного будущего»²⁶.

В годы войны в Вятской губернии росли цены практически на все товары и услуги. Порой цены завышались торговцами искусственно, нередко в зависимости от количества народа на рынках. Быстрее других росли цены на белый хлеб, свинину, муку, масло, сахар-рафинад, рыбу, овес, ячмень²⁷. На некоторые продукты цены колебались в зависимости от сезона, в том числе и в сторону снижения (картофель и отдельные сорта мяса). Рост цен вызывал недовольство горожан: многие не имели средств для приобретения жизненно необходимых продуктов. Это порождало доносы, анонимные письма в полицию. Так, в 1914 г. неизвестный детально представил в письме вятскому полицмейстеру Румянцеву перечень товаров, продающихся одним из торговцев, с указанием цен на них до и после повышения. Свое письмо он закончил так: «Надеюсь, что вы в скором времени обратите внимание на это нечеловеческое обстоятельство, и поставите торговлю господина Фоминых согласно законам»²⁸.

Торговцы, однако, думали исключительно о своей прибыли. Так, торговая фирма «З.А. Платунов и Н-ки», имея значительные запасы сахара в уездном городе Слободском, при его продаже заставляла приобретать «в нагрузку» испорченный чай и гнилой нюхательный табак «с прошлого столетия»²⁹.

Поначалу власти пытались устанавливать «твердые» цены на жизненно необходимые продукты питания. Однако установление «твердых» цен на продукты местного происхождения (картофель, ржаную муку, овес и прочие) приводило лишь к сокращению подвоза в города и, как следствие, еще большему повышению цен. Вместе с тем до 9 часов утра запрещалась любая скупка жизненно необходимых продуктов питания всем перекупщикам³⁰.

Торговцы, со своей стороны, сопротивлялись установлению «твердых» цен. Так, в декабре 1915 г. торговцы Вятки обратились с просьбой в город-

скую думу о пересмотре таксы на сахар-рафинад, ссылаясь на то, что в условиях, когда заводчики продают его по высоким ценам, привоз и торговля им на рынках губернии попросту стала невыгодной и даже убыточной. Аналогичные прошения поступили и от торговцев хлебом в марте 1916 г.³¹

Затормозить рост цен власти пытались путем создания специальных запасных фондов в городах продуктов первой необходимости, а также дров. С начала войны дрова в Вятке значительно подорожали, тогда как торговцы ими начали сокращать их длину с 12 до 8 вершков. По этой причине городская управа еще с начала войны установила «твердые» цены на все виды дров, а при сокращении их длины требовала уменьшать цену. Была запрещена оптовая торговля дровами. Эти меры применялись на протяжении всего военного времени³².

В условиях дороговизны горожане все чаще писали прошения о понижении цен на товары и об увеличении жалованья и заработной платы. Так, в июне 1917 г. служащие городской орловской электростанции просили у городской управы повысить оклады на 35–80 %, мотивируя просьбу «крайней дороговизной и невозможностью жить на такие жалкие гроши». В сентябре о том же просили служащие орловской городской пожарной команды, указывая на необходимость увеличения жалованья на 50 % ввиду их «материального положения, при котором при настоящей дороговизне жизни, существовать положительно невозможно». В октябре преподаватели орловских училищ писали начальству: «Получаемых нами 30–40 рублей в месяц не хватает на самое необходимое, из-за чего покорнейше просим инспектора народных училищ, чтобы он ходатайствовал перед орловской городской думой о выдаче прибавок на время дороговизны»³³.

Некоторые оказывались просто не в состоянии содержать семьи. Так, 7 февраля 1917 г. вдова Матрена Трапезникова, мать семерых детей в возрасте от 1 года до 12 лет, жившая на 12 руб. в месяц, просила принять в открываемые приюты двух ее девочек и двоих мальчиков³⁴.

Таким образом, в годы Первой мировой войны в условиях быстрой инфляции неуклонно падал уровень жизни населения, возникли трудности в снабжении городов продовольствием, обострились другие социальные проблемы. В массе населения стало быстро распространяться недовольство. В этой ситуации губернские власти ужесточили полицейский контроль, прибегли к изданию многочисленных ограничительно-регулирующих распоряжений, однако эффективность этих мер оказалась невысокой.

Примечания

¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 115.

² ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 481. Л. 20–20об.

³ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1307. Л. 4, 78.

⁴ ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 481. Л. 2.

⁵ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1202. Л. 290.

⁶ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1257. Л. 34–34об.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Вятская речь. 1914. 8 авг.

⁹ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1257. Л. 50об.–52об.

¹⁰ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1203. Л. 62–64об.; ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1257. Л. 50.

¹¹ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1255. Л. 54.

¹² ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1255. Л. 230; ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1190. Л. 1040–1043об.

¹³ ГАКО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 21. Л. 90–90об.

¹⁴ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 703.

¹⁵ ГАКО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 303. Л. 4–4об.

¹⁶ ГАКО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 2833. Л. 186.

¹⁷ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1188. Л. 116–116об.

¹⁸ Там же. Л. 266–268.

¹⁹ Там же. Л. 1122–1123об.

²⁰ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1190. Л. 387

²¹ Там же. Л. 513–513об.

²² Там же. Л. 587–587об., 771–771об.

²³ ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 652. Л. 2–5, 10–11, 17–19.

²⁴ ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 481. Л. 40; ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 661.

²⁵ ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 652. Л. 24, 34.

²⁶ ГАКО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 102. Л. 14–15.

²⁷ ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 655. Л. 49–50.

²⁸ ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1188. Л. 332–332об.

²⁹ ГАКО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 2833. Л. 189–189об.

³⁰ ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 641. Л. 50–51об., 97–98об.

³¹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 641. Л. 251; Д. 655. Л. 11–12об.

³² ГАКО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 21. Л. 9; Ф. 628. Оп. 6. Д. 641. Л. 1–2, 14–15, 27–30об., 107–107об.; Д. 655. Л. 7.

³³ ГАКО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 20а. Л. 38, 151; Д. 27. Л. 45.

³⁴ ГАКО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 20а. Л. 24.

Н.Г. Кулинич

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ГОРОДА В 1920–1930-е гг.: «ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО» В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

После установления Советской власти все негативное в поведении людей, не соответствовавшее идеализированной модели «усовершенствованного коммунистического человека», объявлялось «пережитками прошлого». Одним из наиболее злостных «пережитков» было признано пьянство. Советская власть не являлась зачинщиком этой борьбы. Отрицательное отношение к употреблению спиртного в русской культуре издавна соседство-

вало с широким распространением этой пагубной привычки. Однако Советская власть подошла к этому явлению с классовых позиций. Объявив пьянство «пережитком прошлого», партия большевиков первоначально предполагала, что справиться с ним можно будет путем простой замены «прошлого» «настоящим». Однако действительность не оправдала этих надежд. Завершение Гражданской войны и переход к мирной жизни не только не уменьшили, а привели даже к увеличению потребления алкоголя.

В Дальневосточном крае (ДВК) рост пьянства уже в первые месяцы после установления Советской власти побудил Дальневосточный революционный комитет 17 апреля 1923 г. принять обязательное постановление о борьбе с пьянством¹.

Опасность рецидива пьянства и алкоголизма в Дальневосточном регионе была особенно высока в связи с масштабами этого явления в дореволюционный период. Абсолютная неустроенность быта жителей, помноженная на суровые климатические условия, способствовала чрезмерному распространению здесь пьянства. Любые формы досуга военного и гражданского населения дальневосточных городов, независимо от социального положения, обязательно были связаны с употреблением спиртного, позволявшего хотя бы на время «избавиться от мертвящей тоски города, куда письма приходили самое раннее через два месяца, а иногда и через пять». В результате за неподолжительный срок пребывания в регионе значительная часть приезжих спивались. На страницах местной прессы неоднократно обсуждалась эта проблема: «Бесхарактерный ли русский человек, но с Амура еще недавно только немногие уезжали, не потеряв облика человеческого»².

«Винная порция» стала главным средством спасения от переохлаждения и поддержания бодрости рабочих. Проведенное в 1914 г. анкетирование по этому вопросу среди работников торгово-промышленных предприятий Хабаровска выявило, что количество постоянно пьющих или алкоголиков составляло 37,3 %, умеренно пьющих – 50,6 % и только 12,2 % были признаны непьющими. В среднем на приобретение спиртных напитков пьющие рабочие тратили 40 % заработка, на стол, квартиру, обувь, одежду и прочее – 60 %³. Не удивительно, что в 1920-е гг. весьма распространенным преступлением стало «приготовление и сбыт спиртных напитков». Более склонны к нему были жители крупных губернских городов (8 из 100 совершенных правонарушений), менее – небольших уездных городков (5,5 из 100)⁴.

В отличие от Центральной России, где основная часть преступлений такого рода была связана с самогонованием, в Дальневосточном регионе преобладала торговля контрабандным спиртом, поступающим из соседнего Китая через слабо охранявшуюся границу. В отчете Дальревкома за 1925 г. говорилось: «Самогонщина развита только в тех отдаленных районах, куда не поступает контрабандой дешевый спирт из Китая. Более развито так называемое шинкарничество – тайная продажа спиртных напитков без документов на право продажи». Торговля контрабандным спиртом, или «хар-

бинкой», была очень выгодна осуществлявшим ее русским и китайским дельцам, так как приносила баснословные барыши⁵. Купить этот контрабандный спирт в дальневосточных городах в 1920-е гг. было «проще простого». Его было много, и стоил он намного дешевле продававшейся в магазинах водки. Газета «Амурская правда» писала, что в Благовещенске что «ни базар, то с десяток шинков, торгующих харбинкой». Пьянство в выходные, в праздники и дни получки стало неотъемлемой частью повседневной жизни горожан, что нашло отражение в популярном стихотворном фельетоне «Во субботу день ненастный»: «Во субботу день ненастный. Мужа ждет жена напрасно. День получки – день с изъяном. Ждет жена, а муж уж пьяный. В день ненастный во субботу тонут многие в вине. Сгнивший строй, царизма годы – во субботнем пьяном дне»⁶.

Жертвами спиртного становились не только беспартийные трудящиеся, но и коммунисты. В 1926 г. по инициативе Далькрайкома ВКП(б) в городских и районных парторганизациях прошло обсуждение проблемы пьянства, давшее весьма неожиданный для власти результат. Рядовые члены партии не видели в употреблении алкоголя ничего предосудительного, заявляя, что «не пить совершенно нельзя, не беда, если коммунист с усталости от работы и выпьет», «пить можно, но осторожно». Однако при этом признавалось, что «необходимо создать такие условия, чтобы в глазах беспартийной массы не дискредитировать партию». Вердикт многих членов партии, принявших участие в дискуссии, гласил: «Пить можно, но нельзя пить с беспартийными». Привыкшие за годы Гражданской войны к решительным действиям, коммунисты выдвигали требование: «Надо сегодня же решить, где и как пить. Нельзя требовать, чтобы партиец знал только производство, бюро ячейки и дом – при таких условиях человек быстро изнашивается».

Некоторые члены партии даже высказывались за «легализацию пьянки». Так, в выступлении одного из участников собрания партячейки завода «Дальдизель» (Хабаровск) было заявлено: «Нужно легализовать пьянку специальным постановлением партийного съезда». Возмущение членов низовых партийных организаций вызывало и известное ханжество руководства. По их мнению, несправедливо, что в качестве примера в письме Далькрайкома ВКП(б) приводились только «низы». Выступая в прениях, коммунисты говорили, что «верхи» тоже пьют, «что пьют почти все партийцы, но видят только рабочего, так как ему негде скрыться». Признавая тщетность собственных усилий по борьбе с пьянством, некоторые партячейки принимали решение: «Следить каждому члену партии одним за другими и о тех или других ненормальностях, сделанных членом или кандидатом в члены партии, сообщать в бюро ячейки». Однако подобные решения были осуждены Далькрайкомом ВКП(б) как «неправильные постановления»⁷.

Масштаб пьянства в городах края был в два раза выше, чем в сельской местности. По данным Далькрайсовпрофа, в это время потребление алкоголя составляло в среднем за год в городе 1 ведро на человека, в селе – 0,5 ведра.

Сложившаяся ситуация побудила Далькрайком ВКП(б) в феврале-марте 1927 г. организовать «противоалкогольную кампанию» под лозунгом «Борьба за новый, здоровый, трудовой быт»⁸. Однако эффект от ее проведения был незначительным и, главное, непродолжительным.

Накануне V пленума Далькрайкома ВКП(б), в марте 1928 г., на заседании бюро ДКК ВКП(б) в очередной раз был поднят вопрос о пьянстве среди партийцев и комсомольцев как «нездоровом явлении». На случаи пьянства приходилось 32 % дел, рассматриваемых окружными партийными контрольными комиссиями. Особое возмущение вызывал факт употребления спиртного членами партии в «престольные праздники, свадьбы и т.п.». Главными пороками комсомольцев городов региона были признаны «бильярд и пьянство». На заседании бюро признавалось, что комсомольцы «глушат пиво и водку», при этом многие из них мотивировали такое поведение «нежеланием держаться в стороне от рабочего класса»⁹.

И в мае 1928 г. на V пленуме Далькрайкома ВКП(б) пришлось опять ставить вопрос о необходимости борьбы с пьянством. Эта проблема по-прежнему в большей степени касалась горожан. Согласно официальным данным в 1927 г. «город выпил» в среднем на душу населения, включая младенцев, по 18,5 бутылок спирта (деревня – по 5 бутылок). «Есть рабочие районы, – говорилось на пленуме, – где пропивается до 20 % фонда заработной платы»¹⁰.

Наиболее склонной к пьянству оказалась пролетарская среда. Употребление алкоголя в ней, согласно общероссийским статистическим данным, выросло с 1924 г. по 1928 г. в 8 раз¹¹. Основным методом борьбы с пьянством среди рабочих была антиалкогольная пропаганда. В среднем в месяц дальневосточные профсоюзы организовывали до 70 лекций и докладов на эту тему, число их слушателей доходило до 7 тыс.¹² Однако существенного воздействия на пьяниц антиалкогольная пропаганда не имела. Требовались более решительные меры. В мае 1928 г. было принято специальное постановление бюро Далькрайкома ВКП(б) о борьбе с пьянством среди рабочих. В нем констатировался рост употребления алкоголя в городах и рабочих поселках ДВК, борьба с которым представлялась чрезвычайно затруднительной. Главной причиной этого был контрабандный спирт и низкие цены на спиртоводочные изделия. Чтобы приостановить рост пьянства, бюро ДКК ВКП(б) приняло решение: а) ограничить количество запасов водки в винных магазинах, расположенных в рабочих районах и вблизи их, в особенности в дни выплаты зарплаты; б) урегулировать часы торговли водкой с тем, чтобы прерывать торговлю спиртным во время обеденного перерыва на предприятиях; в) ограничить норму продажи водки в рабочих районах на одного покупателя 5 бутылками¹³.

В то же время, обладая монополией на производство и торговлю виноводочной продукцией, приносившей огромный доход, государство занимало весьма противоречивую позицию по вопросу потребления населением

алкоголя. С одной стороны, оно всячески поощряло активную борьбу с пьянством, с другой – постоянно наращивало выпуск в стране спирта. Эта двойственность вызывала недоумение среди дальневосточного населения и, естественно, порождала вопросы, адресованные политпросветработникам, выступавшим с докладами о борьбе с «пережитками прошлого» и строительстве «нового советского быта»: «Почему все же Советское государство торгует водкой? Почему винзаводы увеличивают свою продукцию?»¹⁴.

Во многом склонность к пьянству дальневосточников усугублялась крайне тяжелыми жилищно-бытовыми условиями. Основной формой жизни горожанина в этот период стало «общежитие», представлявшее собой, как правило, постройку барачного типа, лишенную элементарных бытовых удобств. В дальневосточных новостройках это были времянки, сараи, палатки или «матязы» (примитивные постройки китайского типа). Характерными чертами общежития являлись скученность, антисанитария, отсутствие даже минимальной возможности организовать индивидуальный быт. Все это вызывало естественное раздражение и порождало тягу к спиртному. Она усиливалась чувством одиночества, оторванности от родных, стремлением вернуться назад, в центральные районы страны. Анализируя причины, вызывавшие неуклонный рост пьянства среди рабочих, члены завкомов и парткомов дальневосточных предприятий напрямую связывали их с плохо налаженным бытом работников и неудовлетворенными культурными потребностями: «В свободное время рабочий не имеет условий культурного отдыха, предоставлен самому себе, и свободное время он проводит в пьянстве»¹⁵.

В 1930-е гг. дополнительным фактором, усиливавшим пьянство среди дальневосточников, стал существенный рост зарплаток в сочетании с острейшим дефицитом самых необходимых товаров и неразвитостью культурной инфраструктуры. Так, в Комсомольске в 1937 г. годовой фонд заработной платы рабочих и служащих составил 227,2 млн руб., а годовой товарооборот – 133,7 млн руб. Товарными фондами город был обеспечен только на 58,8 % от потребности¹⁶. Участники пленума Комсомольского горсовета в один голос заявляли, что главная причина пьянства и хулиганства в «городе юности» общеизвестна: «Всем нам не секрет, что в Комсомольске свирепствует отъявленное хулиганство, весь корень зла в том, что здесь рабочие материально обеспечены хорошо, а деньги расходовать им на культурные мероприятия негде, массовой борьбы с пьянством и хулиганством не ведется. Иногда и хороший, честный рабочий попадает в эту яму, не зная, как провести свой досуг»¹⁷.

Увеличивавшийся разрыв между заявлениями руководства страны и реальным положением дел усиливал недовольство. Рабочие, выступавшие на расширенном пленуме Комсомольского горсовета 1936 г., говорили: «Товарищ Сталин учит нас бережно, заботливо относиться к каждому трудящемуся, чего, к сожалению, у нас в Комсомольске не чувствуется. Квартиры неблагоустроены, грязно, душно, большая скученность, не ведется ника-

кой массовой и культурной работы, имеют место частые случаи пьянок, драк и т.д. Милиция не следит за порядком, а иногда и сами милиционеры принимают участие в этих пьяных скандалах. В силу этого городские стройки нередко теряют ценных рабочих и служащих»¹⁸.

Не предпринимая решительных мер по борьбе с пьянством, власть все чаще перекладывала эту проблему на плечи руководства предприятий и общественности. Значительная роль отводилась создававшимся с 1929 г. товарищеским судам, в 1931 г. переименованным в производственно-товарищеские. Судебные решения предусматривали такие наказания, как, предупреждение, общественное порицание и возбуждение перед администрацией вопроса об увольнении¹⁹. Последняя мера в дальневосточных условиях, где главной проблемой была острая нехватка рабочих и хроническая текучесть кадров, применения не находила. К участию в борьбе с пьянством привлекались партийцы, комсомольцы, инженерно-технические работники, участницы женских собраний и т.п. На городских предприятиях создавались бригады из комсомольцев «для специальных налетов по общежитиям, особенно в предвыходные, выходные дни и дни получки». Кроме того, они должны были проводить наглядную агитацию с лозунгами и карикатурами на пьянствующих рабочих, устраивать «культурно-бытовые конференции». В качестве наиболее радикальной меры дирекции предприятия разрешалось «организовать изъятие дебоширов, мешающих отдыхать ночью в общежитии, и отправить в отрезвитель».

Среди мер антиалкогольной борьбы, предлагавшихся общественностью, встречались весьма оригинальные. Так, на заседании парткома одного из хабаровских заводов было принято решение «провести специальную работу по вовлечению молодых рабочих, часто пьянствующих, в кружок танцев», а взрослых часто пьющих рабочих «специально приглашать на вечеринки, собрания и в театр»²⁰.

Советская действительность не только не устранила традиционные социальные причины, порождавшие пьянство, но и создала новые. В первую очередь они были связаны с начавшимися репрессиями и сопутствовавшей им психологической атмосферой. Став жертвой подозрений в проступке или связи с «врагами народа», многие впадали в отчаянье и прибегали к пьянству, заявляя: «Я пью... Я не нахожу в себе сил... Когда я напиваюсь, я могу спать, а одному сидеть – ум за разум заходит»²¹. Кроме того, в 1930-е гг. в условиях кампании «массового самозакрепления» населения в дальневосточном регионе коммунисты стали заложниками ситуации. Даже на выезд за пределы Дальнего Востока на время отпуска требовалось специальное разрешение вышестоящей парторганизации. Ответ далеко не всегда был положительным. Получив очередной отказ в столь долгожданном отпуске, потеряв возможность повидать оставленных в центре страны близких, некоторые члены партии пытались забыться при помощи алкоголя²². Рост пьянства среди коммунистов Дальнего Востока носил повсеместный характер. Участники 1-й Николаевской-на-Амуре городской партконферен-

ции 1937 г. назвали пьянство одной из основных «болезней» парторганизации²³. Радикальной мерой борьбы с распространением этого явления стало исключение из рядов ВКП(б)²⁴.

К «пережиткам прошлого», по мнению большевиков, относилось и такое социальное явление, как преступность. Сохранившийся и после установления Советской власти высокий уровень правонарушений, как правило, списывался на последствия затянувшейся Гражданской войны и интервенции. Особенно беспокоили власть преступления, обусловленные наличием в составе населения дальневосточных городов значительной доли китайских подданных. В направлявшихся в центр отчетных документах краевое руководство сообщало, что в целом состояние преступности в регионе соответствовало средним показателям по стране. Но при этом в ДВК «имеется целый ряд социально-опасных аномалий, присущих в особенности этому краю, – все виды наркомании, особенно опикурение и морфизм, китайские притоны-банковки и прочее, приобретающие в некоторых случаях угрожающий характер»²⁵.

Борьба с ними началась сразу после установления Советской власти. Уже 6 мая 1923 г. Дальревком принял обязательное постановление о борьбе с опикурением²⁶. Однако распространению наркомании способствовала прозрачность границ с Китаем. В любом дальневосточном городе, где имелись китайские слободки, в первую очередь во Владивостоке и Благовещенске, в любое время дня и ночи легко можно было «достать все средства вдохновения, необходимые для преступников, – кокаин, морфий и опий». По свидетельству очевидцев, над китайскими кварталами всегда плыл «ужасный, тошнотворный запах бобового масла, грязного жилья, бедности и вместе с ним мягкий, пьяный аромат опиума». О распространении этого явления в крае говорило и местное прозвище, данное наркоманам, – «наркотик»²⁷.

Борьба с распространителями и потребителями наркотиков велась преимущественно силами местной милиции. Однако органы власти ДВК признавали: «Каких-либо радикальных мер к полному искоренению наркомании не предусматривается, ибо основное развитие это зло имеет среди китайского населения, трудно поддающегося учету и легко переходящего китайскую границу»²⁸. Таким образом, снижение уровня наркомании среди дальневосточников власть напрямую связывала с сокращением доли китайцев в составе населения.

Еще одним «пережитком прошлого» была объявлена проституция, являвшаяся до революции распространенным явлением в дальневосточных городах. Развитие проституции на Дальнем Востоке отличалось от центральных районов страны. Первоначально функцию «жриц любви» здесь выполняли «каторжные женщины», пробивавшиеся «жалованьем по таксе от офицеров и чиновников, которое пропивали». Они же служили для «временного сожительства с чернью в кабаках и притонах»²⁹. Позже их вытеснили профессиональные проститутки-иностранки, преимущественно японки.

Ввиду близости границ это обстоятельство вызывало естественную обеспокоенность городских властей и привело к усилению контролю над домами терпимости. С началом революционных событий 1917 г. основная часть проституток-иностранок вернулась на родину. В годы Гражданской войны в связи с ужесточением общих мер воздействия на правонарушителей продажная любовь практически исчезла. Однако вновь возродилась после ее окончания, чему способствовал высокий уровень женской безработицы. После установления Советской власти борьба с проституцией была возложена на правоохранные органы и велась карательными методами. В отчете Дальстатуправления за 1925 г. говорилось, что борьба с проституцией органами милиции ведется путем искоренения сводничества и притоносодержательства³⁰.

В 1920-е гг. рост проституции в регионе носил умеренный характер. Наибольшее распространение она получила в крупных губернских городах, где на долю проституции приходилось 1,1 из 100 зарегистрированных правонарушений. Значительно меньшее развитие продажная любовь имела в небольших уездных городках – всего 0,3 из 100 правонарушений. Услугами «жриц любви» пользовались преимущественно мужчины-китайцы, поэтому уровень проституции в отдельных городах напрямую зависел от их доли в составе населения. Так, в граничащем с Китаем Благовещенске в 1927 г. органами милиции было обнаружено 147 притонов, в которых процветала проституция, а вместе с нею наркомания и азартные игры³¹. Много подобных заведений было на территории знаменитой «миллионки» – китайского квартала Владивостока. Чаще всего содержателями притонов были китайские подданные, а проститутками – китайки и безработные россиянки, потерявшие кормильца (мужа или отца) в годы Гражданской войны.

Кроме милиции, к борьбе с проституцией привлекалась и общественность. В 1924 г. при городских венерических диспансерах были организованы комиссии по борьбе с проституцией. Перед уголовным розыском и венерическими диспансерами была поставлена задача – выявить общее число проституток, определить их социальный облик. Общий вывод комиссии был таким: «Большинство проституток вынуждено заниматься проституцией вследствие нужды и безработицы. Биржи труда работы не дают. Проститутки в большинстве своем больны, но нет отделения для острозаразных венерических больных»³².

После принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР летом 1929 г. «О мерах по борьбе с проституцией» началось насильственное уничтожение института продажной любви³³. Этому также способствовало сокращение числа китайцев в составе горожан. В 1930-е гг. проституция не получила широкого распространения в крае, где в условиях катастрофической нехватки женщин не только девицы, но и вдовы и разведенные имели возможность выйти замуж.

Еще одним «пережитком прошлого» было объявлено хулиганство, особенно распространенное среди городской молодежи. Питательной средой

для хулиганских действий в 1920-е гг. стали переход от продолжительной войны к мирной жизни, массовая безработица, нехватка учебных заведений и учреждений культуры и, как следствие, невозможность выплеснуть избыточную энергию. Хулиганство, или нарушение общественно порядка, в 1925 г. составляло 31,2 % от всех правонарушений, совершавшихся в городах ДВК. Наиболее склонны к хулиганским действиям были жители крупных губернских городов, на которые приходилось 18,9 % случаев нарушения общественного порядка, и только 12,3 % – на прочие местности³⁴. Так как подобного рода преступления чаще совершали молодые рабочие и подростки из рабочих семей, отношение власти к ним было снисходительным.

Однако в 1930-е гг. хулиганство стало оцениваться по-другому. В «Комсомольской правде» в начале 1935 г. была опубликована статья под хлестким заголовком «Хулиган – враг трудящихся», перепечатанная многими местными газетами. В ней говорилось: «Классовая сущность хулиганства в нашей стране очевидна. Хулиган – союзник и пособник классовых врагов. Очевидно и то, что остатки классово чуждых элементов вдохновляют, а нередко и прямо организуют нарушения хулиганскими общественно порядка. У нас еще немало мест, где продолжает ютиться хулиганство – этот отвратительный пережиток капиталистического прошлого». В итоге случаи хулиганства все чаще стали рассматриваться с политических позиций. Борьба с ними вменялась в обязанность не только правоохранным органам, но производственно-товарищеским судам, а также комсомолу, призванному проводить все виды «воспитательной работы в каждой комсомольской организации»³⁵.

Особенно распространено было хулиганство в городах-новостройках, где скапливались большие массы молодежи, преимущественно мужского пола, предоставленные самим себе, не имевшие возможности культурно организовать свой досуг. Главную причину роста этого явления в 1930-е гг. чаще всего связывали с проникновением на стройки «чуждого элемента»³⁶. Газета «Ударник Комсомольска» в 1935 г. писала: «Комсомольск – быстро растущий город. Из года в год прибывают сюда новые рабочие, служащие и ИТР. Под маркой подлинных рабочих и служащих, мобилизованных к нам проникают кулаки, жулики, хулиганы. Это подтверждается той преступностью, которую мы имеем в настоящее время. Случаи простого хулиганства сплошь и рядом переходят в открытую поножовщину, в результате чего бывают ранения и убийства»³⁷.

Дополнительным фактором, усугублявшим криминальную обстановку, по мнению городских властей, стало наличие исправительно-трудовых лагерей. Они располагались прямо на территории городов-новостроек и имели свободное содержание заключенных, привлекавшихся к работе на стройках. Случаи преступлений, совершавшихся как заключенными, так и охранниками ИТЛ в отношении гражданского населения, неоднократно обсуждались на заседаниях Комсомольского горисполкома. Однако только

в январе 1941 г. было принято решение горисполкома «О режиме для заключенных в городе», в котором с целью «надлежащего обеспечения безопасности городского населения» начальникам управлений Нижне-амурского и Ново-тамбовского лагерей предлагалось навести порядок в охране заключенных с тем, чтобы прекратить все связи с населением города. Руководителямстроек и предприятий, получавшим рабочую силу из лагерей НКВД, предписывалось «немедленно обеспечить создание отдельных участков работы для заключенных, не допуская ни в коем случае смешения их с вольнонаемными рабочими»³⁸.

Как «пережиток прошлого» рассматривались и самоубийства, порождавшиеся, как считала власть, исключительно социальными причинами. Советская действительность, по их «логике вещей», не должна была создавать таких причин, однако самоубийства не прекращались. Поэтому отношение к самоубийцам было отрицательным. В период революции и Гражданской войны количество самоубийств повсеместно снизилось, что вполне соответствовало психологии человека в экстремальных условиях. Переход к мирной жизни в условиях затянувшегося восстановительного периода привел к росту числа самоубийств. Уровень суицида в городах ДВК был несколько выше, чем в центре страны. В 1926 г. в расчете на 100 тыс. жителей в Чите и Благовещенске он составил 45 случаев, во Владивостоке – 39, в Хабаровске – 30³⁹. Более склонны к добровольному уходу из жизни были мужчины, ими совершалось 76,7% самоубийств, женщинами – только 23,3%⁴⁰. Главной причиной самоубийства женщин стала свобода отношений между полами. На заседании бюро Далькрайкома ВКП (б) в марте 1928 г. говорилось: «Отношения с девушками в быту нездоровые, что приводит к самоубийствам девушек»⁴¹.

В 1930-е гг. официально зарегистрированный уровень самоубийств оставался таким же. В 1936 г. в расчете на 100 тыс. жителей во Владивостоке было зарегистрировано 26 случаев, Уссурийске – 30, Николаевске-на-Амуре – 33, Биробиджане – 37, Хабаровске – 51. Большую склонность к самоубийствам проявляли жители наиболее отдаленных от центра городов – Петропавловска-Камчатского – 46, Южно-Сахалинска – 66. Менее подвержены суицидным наклонностям были молодые строители Комсомольска – 17⁴². Естественно, официальная статистика отражала далеко не все самоубийства, совершенно не фиксировались неудавшиеся попытки, число которых было более значительным.

Вопреки навязывавшейся общественности мысли о том, что самоубийцами становились лишь социально неполноценные люди, значительный процент среди них составляли коммунисты. В информационной сводке ЦК ВКП(б) от 1 июня 1927 г. говорилось: «Самоубийства среди коммунистов выше, чем среди всего населения». Согласно приведенным данным количество самоубийств в расчете на 100 тыс. человек населения РСФСР в 1926 г. составляло 12,3 случая, а в расчете на 100 тыс. коммунистов этот показа-

тель был в три раза выше – 37 случаев. При этом число погибших в результате самоубийства к общему числу умерших среди коммунистов составляло 6,5 %, а среди всего населения РСФСР – только 0,58 %⁴³.

Высокий уровень самоубийств среди членов ВКП(б) сохранялся и в 1930-е гг. На 1-й городской партконференции Николаевска-на-Амуре говорилось о частых случаях самоубийств среди коммунистов. Все чаще мотивация суицидального поведения была связана с производственными проблемами. В объяснениях причин самоубийства того или иного члена партии нередко описывались ситуации, в которых столкнувшийся с ними человек «ходил по всем организациям, просил помощи, никто не помогал, и он пришел к мысли о самоубийстве»⁴⁴.

Начавшиеся в крае в 1937 г. массовые репрессии стали еще одним фактором всплеска самоубийств, особенно среди руководящих работников разного уровня. Только в апреле 1937 г. в крае совершили самоубийство член бюро Далькрайкома ВКП(б), начальник Дальневосточной железной дороги Л.В. Лемберг, член Приморского обкома ВКП(б), управляющий трестом «Дальтрансголь» И.Н. Котин, начальник АКО И.А. Адамович и другие⁴⁵. Кроме страха за свою судьбу многие коммунисты, попавшие под подозрение или обвиненные в связях с «врагами народа», испытывали жгучее чувство стыда, что усиливало тягу к самоубийству. Об этом на партийном заседании открыто заявил председатель Дальневосточного краевого комитета радиовещания А.Л. Ткаченко: «Нечестно я чувствую себя перед товарищами. Мне стыдно на вас всех смотреть. У меня дело дошло до того, что я напился для того, чтобы зарезаться»⁴⁶.

Так опыт Дальневосточного региона в очередной раз показал, что объявленные большевиками «пережитками прошлого» девиантные формы поведения стали неотъемлемой частью «социалистического настоящего». Советская действительность не только не уничтожила причины, их вызывавшие, но и создала новые. В условиях дальневосточных городов особо широкое распространение получили пьянство, наркомания и хулиганство. Этому способствовали особенности формирования городского населения, состоявшего преимущественно из мигрантов из центральных районов России и соседнего Китая, чувствовавших себя временными жителями региона. Большинство приезжих испытывали чувство одиночества и глубокое разочарование, порожденное конфликтом между ожиданиями и действительностью.

Примечания

¹ ГАХК Ф. 58. Оп. 1. Д. 44. Л. 99об.

² Владивосток: штрихи к портрету. Владивосток, 1985. С.32.

³ *Галямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX–начале XX в. Владивосток, 2000. С. 185–186.

КИТАЙСКИЕ КОЛХОЗЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1930-е гг.)

В 1929 г. в Дальневосточном крае (ДВК) СССР проживало 55 тыс. китайских мигрантов. Они были заняты в различных отраслях промышленности, в торговле. Сельским хозяйством занималось около 3 тыс.¹

Земледелие традиционно было одним из основных видов занятий китайских подданных на российском Дальнем Востоке. По данным переписи 1897 г., земледелием занималось около 33 % китайского населения в Амурской области и 11,5 % в Приморской. С увеличением числа русских переселенцев в крае распространенными явлениями стали аренда китайцами земли у русских крестьян и казаков, а также использование наемного труда китайских сельскохозяйственных рабочих. При особенностях почвы и климата на Дальнем Востоке для русских земледельцев было выгоднее сдавать землю китайцам или нанимать китайских рабочих, чем самим вести хозяйство, осваивая новые способы обработки земли. Русские крестьяне, арендуя землю у казны и частных лиц, выплачивали за нее в среднем по 2 руб. 50 коп., а китайцам сдавали по 5 руб. 63 коп.² В условиях Дальнего Востока китайские приемы земледелия оказались более продуктивными, поэтому сдача китайцам земли в аренду была широко распространена.

Революционные преобразования и гражданская война на Дальнем Востоке усилили зависимость экономики края от труда китайских подданных, поэтому обработка земли китайцами продолжалась. В Чите на состоявшихся 15 октября 1919 г. торгах в аренду китайским подданным было сдано разработанных огородов – 61,5 дес. городской земли (сроком на два года), неразработанных участков под огороды – 111,86 дес. городской земли (сроком на три года)³.

После «советизации» Дальнего Востока практику предоставления земли китайцам продолжили органы Советской власти. Так, только в черте Читы на огородный сезон 1925/26 г. китайцам было сдано в аренду 103 огородных участка для выращивания овощей, на сезон 1926/27 г. – уже 150 участков, на которых работали 500 человек⁴. Был создан Союз восточных рабочих-огородников Читы, финансируемый как отделение Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. В 1926 г. он объединял 200 китайцев Читы и Читинского округа. На балансе союза всегда имелось от 200 до 600 руб. В рабочем комитете союза за счет членских взносов был организован фонд безработных и касса взаимопомощи. Союз занимался страхованием рабочих, оказывал помощь в заключении трудовых договоров и решении различных вопросов охраны труда, бесплатно распространял среди огородников газету «Рабочий путь» на китайском языке, направлял неграмотных в ликпункты⁵.

⁴ ГАХК Ф. 58. Оп. 1. Д. 73. Л. 16–16об.

⁵ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.; Д. 73. Л. 44об.

⁶ Амурская правда (Благовещенск). 1926. 8 апр.; 22 апр.

⁷ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л.10–11.

⁸ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 94; Д. 40.Л. 76.

⁹ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 88. Л. 212–213, 225.

¹⁰ V пленум Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) 20–23 мая 1928 г. Стенографический отчет. Хабаровск, 1928. С. 37.

¹¹ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997. С. 248.

¹² ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 94.

¹³ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 423–423об.

¹⁴ ГААО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

¹⁵ ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

¹⁶ ГАХК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 2. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 40.

¹⁸ КнаАГА Ф. 2. Оп. 13. Д. 2. Л. 41.

¹⁹ В помощь работникам товарищеских судов. Владивосток, 1937. С. 9.

²⁰ ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 64–64об.

²¹ ГАХК. Ф. 125. Оп. 1. Д. 6. Л. 100–110.

²² ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 5. Л. 85.

²³ ГАХК. Ф. 1803. Оп. 3. Д. 10. Л. 54.

²⁴ ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 32об.

²⁵ Материалы к перспективному плану развития народного хозяйства и культуры Дальневосточного края на пятилетие 1927/28 – 1931/32 гг. Хабаровск, 1927. С. 138.

²⁶ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 44. Л. 99об.

²⁷ Амурская правда (Благовещенск).1926. 23 июня, 24 июня.

²⁸ Материалы к перспективному плану развития народного хозяйства и культуры... С. 138.

²⁹ Владивосток: штрихи к портрету. С. 25.

³⁰ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.

³¹ ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 58. Л. 30–31.

³² Амурская правда (Благовещенск).1926.2 июня.

³³ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. С. 262.

³⁴ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

³⁵ Ударник Комсомольска (Комсомольск-на-Амуре). 1935. 30 янв.

³⁶ КнаАГА. Ф. 2.Оп. 13. Д. 2. Л. 42.

³⁷ Ударник Комсомольска (Комсомольск-на-Амуре). 1935. 16 янв.

³⁸ КнаАГА Ф.2. Оп. 13. Д. 12. Л. 7–8.

³⁹ Дальневосточное статистическое обозрение.1929. № 5-6. С. 4.

⁴⁰ ГАХК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 49–50.

⁴¹ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 88. Л. 225.

⁴² ГАХК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 17. Л. 19–20об.; Д. 32. Л.40–41об.; Д. 33. Л. 18–19об., 66–66об.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 18.

⁴⁴ ГАХК. Ф. 1803. Оп. 3. Д. 10. Л. 54; Д. 7. Л. 10, 13.

⁴⁵ Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20-е–30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики). Благовещенск, 2005. С. 254.

⁴⁶ ГАХК. Ф. 125. Оп. 1. Д. 6. Л. 100–110.

В 1929 г. в Читинском округе насчитывалось уже 6 артелей огородников-восточников, где совместно трудились китайцы и корейцы, – «Москва», «Кантонская коммуна», «Свободный Китай», «Восточник», «Интернационал», «1-е Марта»⁶. Члены артелей принимали участие в общественной жизни края. На государственный заем «Первый год второй пятилетки» артелями было сдано более 31 тыс. руб.; в пользу китайских красных партизан – более 1 тыс. руб.; 640 руб. было собрано на постройку самолета «Максим Горький»⁷.

В январе 1930 г. были созданы плодоовощные артели под Хабаровском – «имени Блюхера», «Кантонская коммуна» и «имени Карла Маркса», – в которые вошли исключительно китайцы. Эти артели в первый же год своего существования внесли весомый вклад в снабжение рабочих края овощами: посевная площадь в 1930 г. составила 234 га⁸.

Развернувшаяся в ДВК кампания принудительного вовлечения огородников-китайцев в колхозы вызвала их непонимание и недовольство. Китайцы указывали на то, что, в отличие от корейского населения, они должны обеспечивать свои семьи в Китае и не намерены обосноваться в СССР, поэтому их объединение в колхозы неразумно и бессмысленно. На эти протесты последовали санкции: китайцам стали отказывать в выделении земли для посевов, принимали у них выращенную продукцию по самым низким ценам, особо недовольных высылали за пределы их мест поселения. В 1930–1931 гг. из 24 тыс. китайских и корейских хозяйств были коллективизированы 11 тыс., а 9 тыс. подлежали отселению в другие районы⁹.

Для вовлечения китайцев в колхозы арендную плату за землю стали снижать, а в дальнейшем китайским колхозам были вручены акты на вечное пользование землей¹⁰. Согласно постановлению Дальневосточного краевого исполнительного комитета (Далькрайисполкома) от 8 мая 1930 г., за китайскими колхозами на несколько лет на условиях аренды закреплялись огородные участки. Арендная плата взималась в размере не более 50 %, колхозы должны были своевременно снабжаться продуктами питания¹¹.

При составлении отчетности в графу «колхозы» партийные и советские работники зачастую включали и простейшие производственные объединения с минимальным количеством хозяйств. Так, в конце 1929 г. в ДВК был организован один китайский колхоз (45 хозяйств) и 32 объединения с общим количеством хозяйств 352. Согласно плану коллективизации китайского населения было намечено организовать китайских огородников в «колхозы специального направления по огородничеству» и довести количество этих колхозов в крае до 17-ти, объединив в них в общей сложности 897 хозяйств¹². Кроме того, «смешанные» колхозы, объединявшие китайцев, корейцев и русских, нередко считали как китайские. Так, в начале 1931 г. в ДВК было организовано 6 китайских колхозов и 18 «смешанных». В 1932 г. в крае насчитывалось 16 китайских и «смешанных» колхозов. Из них собственных китайских 13 с общим количеством 675 хозяйств и 2287 едоков¹³.

В 1931 г. лучшие огородники-китайцы овощных артелей Хабаровского района – «имени Карла Маркса», «имени Блюхера» и «Кантонская коммуна» – объединились в колхоз «Кантонская коммуна», председателем которого был избран Ли Фу. В 1932 г. в колхозе насчитывалось 130 хозяйств, общая площадь посевов составляла 245 га¹⁴. Сначала земли колхоза находились в черте города. Пользование землей осуществлялось на правах ежегодной аренды, и из-за частых отчуждений городской земли под застройку колхоз терпел большие убытки. В 1934 г. пахотных земель «Кантонской коммуне» выделено не было и существование колхоза оказалось под угрозой. В связи с этим городскими властями Хабаровска было принято решение вывести китайский колхоз за пределы городской черты и закрепить за ним участки в бессрочное пользование. Колхозу был отведен участок в 8 км от Хабаровска, признанный в результате почвенного обследования полностью пригодным к сельскохозяйственному использованию. Более того, участки хабаровских научных работников, находящиеся на этих землях, были также переданы в пользу «Кантонской коммуны». В 1935 г. в «Кантонской коммуне» насчитывалось 120 хозяйств¹⁵. Партийная ячейка колхоза состояла из 7 коммунистов, занятия политкружка посещали 25–30 человек, открытые партийные собрания – 20–30¹⁶.

Колхоз с названием «Кантонская коммуна» существовал и в Благовещенском районе. В 1932 г. 8 китайских артелей огородников по 10–15 чел. в каждой объединились в колхоз, состоящий из 85 хозяйств¹⁷. К декабрю 1933 г. колхозники были поделены на 9 бригад. Все бригадиры были неграмотны, и учет трудодней не проводился, как не был налажен и контроль над прогулами. Вместо планируемых 9 765 ц овощей было собрано только 6 556 ц. Дополнительные трудности создавало и то обстоятельство, что колхоз фактически не имел своей земли. Земля колхоза общей площадью 63 га была разделена на 28 участков, находившихся в отдалении один от другого. До ноября 1933 г. в колхозе не было своей партиячейки. Ликпункт посещали только 10 человек, а в весенне-осенний период работа ликпункта останавливалась полностью¹⁸. В «красном уголке» была устроена столовая. Основной формой просветительной работы был выпуск стенгазеты 2 раза в месяц. В 1935 г. задолженность по зарплате колхозникам составила 25 тыс. руб.¹⁹, китайцев в колхозе оставалось только 35²⁰.

В колхозе «Советский Китай», расположенном в городской черте Читы, в районе слияния речек Читинки и Ингоды, совместно трудились русские и китайцы. Основным направлением их работы было выращивание овощей. В колхозе была создана парторганизация в составе 8 китайских огородников. Было развернуто обучение политграмоте, проводились громкие читки газет и беседы о социально-экономической ситуации в СССР и о международной обстановке, работали «красные уголки». Была начата работа по организации кружков и ликбезов, внедрялось социалистическое соревнование²¹. 26 февраля 1936 г. прошло совместное собрание крестьян колхоза «Советс-

кий Китай» и китайских рабочих-стахановцев госпредприятий Читы, на собрании был сделан доклад о стахановском движении²².

В 1930 г. в с. Гильчин Тамбовского района Амурской области был организован китайский колхоз «Восточный рабочий», в составе которого насчитывалось 10 % середняков, 25 % бедняков и 65 % бывших батраков. В 1931 г. колхоз объединял 28 хозяйств. В том же Тамбовском районе в 1931 г. в с. Волкове был организован колхоз «имени Сунь Ятсена» (к 1932 г. – 27 хозяйств), а в 1932 г. в с. Толстовке – колхоз «Восточный ударник» (в 1934 г. – 25 хозяйств).

В ходе проводившихся в 1933 г. «чисток» полевод колхоза «имени Сунь Ятсена» был отдан под суд по обвинению в воровстве колхозного зерна. При рассмотрении дела было особо отмечено, что подсудимый являлся в прошлом владельцем частной биржи и постоянного двора. Председателю колхоза, завхозу и нескольким бригадирам колхоза «Восточный рабочий» были предъявлены обвинения в том, что они активно занимались контрабандным промыслом и, имея постоянные связи в Сахалине (нынэ Хэйхэ), сбывали колхозные продовольственные запасы и колхозных лошадей «на китайскую сторону»²³. В колхозах не имелось красных уголков, клубов, политической литературы, радио. Районный китайский работник по латинизации китайского алфавита не вел никакой работы, за что был исключен из партии. Многие колхозники-китайцы были неграмотны и практически не разбирались в происходящих политических событиях²⁴.

В китайских колхозах с каждым годом увеличивалось количество посевных площадей. Так, в колхозе «Восточный рабочий» оно возросло с 208 га в 1931 г. до 340 га в 1933 г., в колхозе «имени Сунь Ятсена» – со 160 га в 1931 г. до 508 га в 1933 г. Весной 1933 г. колхоз «имени Сунь Ятсена» получил красное переходящее знамя за ударную работу²⁵. В 1933 г. в Ивановском районе Амурской области был организован китайский колхоз «Имени 2-й пятилетки». В 1934 г. колхоз приобрел 2 плуга, 2 сенокосилки с конными граблями, 4 телеги, 4 арбы, 1 дом, 4 амбара, 2 сарая и одно помещение для бани. Посевные площади колхоза с 71,5 га в 1933 г. увеличились до 373 га в 1936 г., а валовой доход с 25 тыс. руб. в 1934 г. возрос до 42 тыс. руб. в 1935 г.²⁶

Вместе с расширением площади посевов изменялся и состав культур. В колхозе «Восточный рабочий» в 1930 г. было засеяно всего 30 га, в том числе 15 га табака, 2 га сои, 4 га подсолнечника и 9 га пшеницы. В 1936 г. тот же колхоз засеял 229 га пшеницы, 107 га овса, 9,6 га сои, 5 га картофеля и 2 га овощей. Таким образом, удельный вес, в частности, пшеницы, возрос в посевах с 30 до 65 %²⁷.

Однако поскольку бухгалтерское дело в колхозах не было удовлетворительным, цифры посева нельзя считать верными. Увеличение количество посевных площадей происходило и за счет использования продовольственных запасов зерна. Проверки обнаруживали практически полное отсутствие

продовольственного хлеба в колхозах после проведения ударных посевных кампаний.

В колхозах были приняты производственные планы, регулярно проводились общие собрания. Для грамотных колхозников выписывались районные газеты «Амурская правда», «Тихоокеанская звезда» (на русском языке), «Рабочий путь» (на китайском языке). В колхозы регулярно приезжали кинопередвижки. Так, в колхозе «имени Сунь Ятсена» за 1936 г. колхозники посмотрели 17 кинофильмов²⁸. Действовали избы-читальни. Широкое распространение получила организация детских яслей.

Во Владивостоке с 15 декабря 1933 г. начались занятия на курсах по подготовке председателей и бригадиров китайских колхозов. Продолжительность курсов составила три месяца, и 15 марта 1934 г. 35 курсантов, как знаменитые «двадцатипятипятисычники», были направлены в китайские колхозы. Расходы по проведению курсов были возложены на Дальневосточное краевое земельное управление и Дальневосточный комитет «Нового алфавита». В учебный план, насчитывавший 576 учебных часов, были включены следующие дисциплины: родной язык (236 часов), политграмота (80 часов), арифметика (80 часов), политика партии в сельском хозяйстве и земельное законодательство (50 часов), агротехника (60 часов), организация колхозного производства (70 часов)²⁹.

Хотя китайские колхозы активно снабжали овощами города и районы ДВК, планомерной работы по их укреплению не велось. Зачастую земля им нарезалась самая худшая. Более того, работники райкомовские по культурмассовой работе подвергали сомнению право китайских мигрантов пользоваться советской землей³⁰. Случалось, что при возникновении земельного спора огороды китайцев самовольно перепахивались по распоряжению председателей русских колхозов. Из китайских колхозов постоянно и повсеместно исключали колхозников, другие уходили сами. Нередко китайцев исключали за то, что их жены отказывались работать в колхозе. Проводимые в колхозах «чистки» обескровливали хозяйство и зачастую приводили его к развалу. Так, в колхозе «Имени Сунь Ятсена» (Бикинский район) после проведенной в августе 1934 г. «чистки» было избрано новое руководство. Новый актив составляли бедняки, неграмотные китайцы, никогда не занимавшиеся даже простейшей счетной работой. В результате большая часть урожая погибла. Общее собрание колхозников возложило вину на парторга колхоза Чу Шуфа. Через день Чу Шуфа покончил жизнь самоубийством³¹.

Жилищные условия китайцев-колхозников были совершенно неудовлетворительными: обычно они жили по 4–8 человек в полуразвалившихся, грязных фанзах. Не была организована работа по ликвидации неграмотности. Выдача зарплаты происходила через «старшинок» – бригадиров. Председатели колхозов продавали колхозное имущество без согласия общего собрания. Бывало, что трудодни в течение нескольких месяцев не записы-

вали в трудовые книжки колхозников либо записывали бесконтрольно. Относительно правомочности вступления в колхозы иностранных граждан областные и районные власти не имели никаких директив, поэтому часть колхозов принимала китайцев в колхозы на правах членов, а часть нанимала на кабальных условиях. На колхозных землях сеяли опиум. Единичными были случаи вступления китайских колхозников в ВКП(б) или ВЛКСМ.

На 1 ноября 1935 г. в ДВК насчитывалось 14 китайских колхозов: 5 колхозов – в Амурской области («Восточный ударник», «имени Сунь Ятсена» и «Восточный рабочий» – в Тамбовском районе; «имени 2-й пятилетки» – в Ивано-Амурском районе; «Кантонская коммуна» – в Благовещенском районе), 2 колхоза – в Хабаровской области («Кантонская коммуна» в Хабаровском районе и «имени Сунь Ятсена» в Бикинском районе), 7 колхозов – в Уссурийской области («Красный Восток» в Ворошиловском районе; «имени Ленина», «имени Бубнова», «День Красной Армии» в Молотовском районе; «имени Сталина» в Гродековском районе; «Красный Восток» в Шмаковском районе; «Красный Восток» в Шкотовском районе). Кроме того, имелось 4 китайских бригады в русских и корейских колхозах (в Шкотовском районе – 2, в Молотовском – 1, в Нанайском – 1), которые занимались исключительно огородничеством. Общее же количество китайцев-колхозников в ДВК составляло 1 200, большинство из них были жены на русских и украинках. Для детей от подобных браков родным языком был русский, и лишь в редких случаях они говорили на китайском³².

В 1936 г. китайские консульства в городах ДВК проводили учет китайского населения и всем китайцам, не имевшим никаких документов, но живших в СССР по 10 и более лет (многие работали в колхозах), выдавали китайские паспорта. В колхозе «имени Лазо» Шкотовского района из 48 китайцев только один являлся гражданином СССР, остальные хотя и работали в колхозе несколько лет, оставались китайскими подданными, некоторые вообще не имели документов. В конце июня 1936 г. председатель колхоза Сердюк, руководствуясь указанием Шкотовского райкома ВКП(б), предложил всем колхозникам-китайцам принять советское гражданство, пригрозив в противном случае исключить их из колхоза. Соответствующее решение было принято на собрании колхоза. В результате все китайцы, за исключением одного бригадира, советского гражданина, работать в колхозе отказались и заявили, что уезжают в Китай. По указанию Приморского обкома партии Шкотовский райисполком отменил постановление собрания колхоза об исключении из колхоза всех китайцев, но китайцы в колхоз не возвратились. Так в колхозе «имени Лазо» остался один китаец³³.

По разным причинам в 1936 г. китайцы стали выходить и из других колхозов. Так, в колхозе «Парижская коммуна» из 11-ти осталось 2, в колхозе «имени Шварца» из 14-ти осталось 7.

В отношении же китайцев-единоличников зачастую проводились такие мероприятия, которые вынуждали их возвращаться в Китай. Так, в

с. Ново-нежине Шкотовского района единоличниками-китайцами (32 чел.) были посажены огороды на земле, отведенной колхозу в пользование по акту (ранее эти участки в течение нескольких лет использовались этими единоличниками). Ни сельсовет, ни правление колхоза весной никак не прореагировали на посадку огородов единоличниками, а накануне уборки урожая правление вынесло решение об изъятии у единоличников урожая с огородов. Райисполком санкционировал это решение. Расчет за обработку огородов колхоз с единоличниками не произвел.

В совхозе Морфлота насчитывалось более 200 китайских сельхозработчиков. Но к концу лета 1936 г. их осталось только 4. По словам китинструктора Ван Иншана, тех китайцев, у которых закончился вид на жительство, просто рассчитали, ссылаясь на распоряжение НКВД, а огороды у них отобрали. На заседании бюро Владивостокского горкома ВКП(б) 16 августа 1936 г. удаление китайцев из совхоза было признано правильным; отмечалось, что большинство покинувших совхоз являлись «нарушителями паспортного режима и преступными элементами»³⁴.

Всего к 1936 г. в ДВК осталось 11 китайских колхозов (в Амурской области – 4, Уссурийской – 5, Хабаровской – 2), с общим количеством хозяйств 550³⁵.

К концу 2-й пятилетки коллективизация на Дальнем Востоке была завершена. Но репрессии против китайских мигрантов не прекратились. Изменение геополитической ситуации в Дальневосточном регионе в 1930-е гг. в связи с агрессией Японии в Корею и Китае, потребовало кардинального укрепления дальневосточных границ. Из пограничной зоны советского Дальнего Востока началось выселение «неблагонадежных» социальных групп (кулаков, казаков, бывших служащих иностранных фирм), а также китайских мигрантов (в том числе и занимавшихся сельским хозяйством), которые отныне воспринимались как возможные японские либо китайские шпионы. Депортация китайцев имела превентивный характер, она готовилась под лозунгом необходимости защиты Родины, усиления охраны ее рубежей. Был взят на вооружение тезис о «неблагонадежности» китайских мигрантов.

10 июня 1938 г. вышла директива НКВД о депортации китайцев из Дальнего Востока в Синьцзян. В июне–июле 1938 г. в четырех эшелонах со ст. Эгершельд (Владивосток) через ст. Аягуз (Казахстан) в Синьцзян было выселено 7 130 китайских мигрантов и членов их семей. В двух эшелонах находились не подвергшиеся арестам китайские граждане (1 379 и 1 637 соответственно), в двух – освобожденные из тюрем (1 613 и 1 560). Китайцы, не пожелавшие вернуться на родину, а также принявшие советское гражданство (941), были выселены в Кур-Урмийский район Хабаровского края³⁶.

Всего в ходе проведения операций по переселению были арестованы 11 тыс. и депортированы 8 тыс. китайцев³⁷. Если в марте 1938 г. колхоз «Красный Восток» (Шкотовский район) был отмечен за ударную работу³⁸, то к осени того же года этот колхоз прекратил свое существование. На засе-

дании президиума Шкотовского райисполкома 4 октября 1938 г. было принято решение передать пасеку, оставшуюся после переселения китайских граждан колхоза «Красный Восток», колхозу «Победа»³⁹. В дальнейшем вся собственность китайских колхозов была перераспределена между колхозами с русским населением.

Примечания

¹ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 47.

² Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX—начало XX вв.). Омск, 1999. С. 49, 58.

³ Государственный архив Читинской области (ГА ЧО). Ф. 344. Оп. 2. Д. 108. Л. 106.

⁴ ГАЧО. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–11.

⁵ Там же. Л. 15–18.

⁶ ГАЧО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 29. Л. 14об.

⁷ ГАЧО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.

⁸ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1744. Л. 124–125.

⁹ Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 9. Д. 73. Л. 24.

¹⁰ Государственный архив Амурской области (ГА АО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 931. Л. 20.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1744. Л. 39.

¹² ГА ХК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 13. Л.Л. 65-66.

¹³ Там же. Ф. П-2. Оп. 9. Д. 73. Л. 126.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 429. Л. 55.

¹⁵ Там же. Ф. 99. Оп. 3. Д. 95. Л.Л. 9-10.

¹⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 592. Л. 32.

¹⁸ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 440. Л.Л. 142-148.

¹⁹ ГА АО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 643. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ ГА ЧО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 649. Л.Л. 197-198.

²² Там же. Д. 648. Л. 71.

²³ ГА АО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 134. Л. 18.

²⁴ Там же. Л.Л. 19-20.

²⁵ Там же. Л. 19об.

²⁶ Там же. Д. 931. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 21.

²⁹ ГА ХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 431. Л. 43, 108.

³⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1770. Л. 21.

³¹ ГА ХК. Ф. П-399. Оп. 1. Д. 32. Л.Л. 183-184.

³² Там же. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 592. Л. 33.

³³ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1292. Л. 277.

³⁴ Там же. Д. 757. Л.Л. 244-245.

³⁵ Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики). Благовещенск, 2005. С. 294.

³⁶ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приамурья (1938 г.) // Тезисы докладов и сообщений междунауч. конф. Вып. 2. Владивосток, 1993. С. 81.

³⁷ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 20.

³⁸ Государственный архив Приморского края (ГА ПК). Ф. Р-114. Оп. 6. Д. 35. Л. 94.

³⁹ Там же. Д. 38. Л. 65.

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1999– 2000 гг.: ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Три года, прошедшие с момента заключения Хасавюртовского соглашения 31 августа 1996 г., не принесли устойчивого мира в отношениях между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. «Соглашение о принципах взаимоотношений между федеральным центром и Чеченской Республикой», подписанное А.А. Масхадовым и В.С. Черномырдиным, «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия» от 12 мая 1997 г., подписанный президентами РФ и ЧРИ, остались на бумаге.

С другой стороны, трехлетний «мирный» период не привел ни к консолидации чеченского общества, ни к международному признанию ЧРИ. Политический раскол, ставший после окончания боевых действий все более зримым, начал усугубляться религиозным противостоянием, а непосредственность и отсутствие четкой позиции у президента Масхадова катастрофически ослабляли официальную власть. Религиозные споры служили только прикрытием борьбы за политическую власть, которая приводила к кровавым столкновениям с человеческими жертвами, как это было в Гудермесе летом 1998 г. Однако раскол и борьба за власть не привели к полномасштабной гражданской войне в Чечне несмотря на попытки некоторых политических сил как в ЧРИ, так и за ее пределами, развязать такую войну.

В январе 1999 г. ряд влиятельных политических и военных деятелей ЧРИ фактически предъявили Масхадову ультиматум, а 3 февраля указом Президента ЧРИ было введено шариатское правление¹. Этот шаг Президента ЧРИ был продиктован исключительно политическими соображениями, но сколько-нибудь существенно положение Масхадова не укрепило: парламент ЧРИ выступил против указа, а Ш.С. Басаев и его соратники потребовали отставки президента именно в связи с введением шариатского правления, создали свой совет (шура) и объединенный военный штаб при нем. С резким заявлением против действий оппонентов Масхадова выступил муфтий А.А. Кадыров.

Серьезно осложнило взаимоотношения с Россией похищение генерала Г.Н. Шпигуна 5 марта в грозненском аэропорту, а к лету 1999 г. напряженность как внутри ЧРИ, так и во взаимоотношениях с РФ усилилась. На границе ЧРИ, хотя ее продолжали называть административной, все чаще происходили стычки с применением не только стрелкового оружия, но и вертолетов. Президент РФ Б.Н. Ельцин, выступая в Кремле на встрече с высшими офицерами российской армии в июле, сказал: «Бандитам на Северном Кавказе надо дать адекватный отпор, но только до войны не доводить». Однако ход событий, как оказалось, неумолимо приближал войну.

Попытки урегулирования ситуации на уровне Масхадов – Ельцин не находили отклика, и вице-премьер правительства ЧРИ К.Д. Махашев 25 июля заявил, что организация встречи двух президентов тормозится Москвой. Чуть позже МИД ЧРИ сделал заявление о нанесении превентивных ударов по России, если ее руководство будет продолжать политику применения силы. Это заявление расходилось с обращением Масхадова, где он говорил о провокациях западных и арабских спецслужб, деятельности олигархов и партии войны в России, то есть пытался оставить поле для политического маневра. Но это обращение не имело сколько-нибудь серьезного результата, так как вооруженные отряды Басаева и Хаттаба, в которых, по разным оценкам, находилось до 4 тыс. человек, Масхадову не подчинялись.

Российские спецслужбы были в курсе готовившегося «вторжения в Дагестан», тем более что в отрядах боевиков были внедренные агенты. 2 августа начались бои в Цумадинском районе Дагестана. Скорее всего это было частью плана дагестанских ваххабитов по захвату власти, который провалился еще до начала реализации, так как о нем знали российские спецслужбы и приняли превентивные меры. 4 августа начались перестрелки в Ботлихском районе Дагестана, а по высокогорному чеченскому селу Кенхи был нанесен вертолетный удар. Официальные Москва и Грозный по поводу дагестанских событий утверждали прямо противоположное: Москва говорила, что в Дагестан перебрасываются отряды чеченских боевиков, а Грозный опровергал какое-либо участие чеченцев в этих событиях.

В Москве тем временем, правительство С.В. Степашина было отправлено в отставку, а 9 августа Ельцин премьер-министром назначил В.В. Путина и назвал его своим преемником на посту Президента РФ. 10 августа Масхадов на пресс-конференции заявил, что «монголо-татарское нашествие на Дагестан со стороны Ичкерии – это обман зрителя». 13 августа В.В. Путин на пресс-конференции в Томске заявил, что удары по бандитам будут наноситься везде, где они появляются, в том числе в Чечне, так как Чечня – это российская территория.

В ходе летних событий 1999 г. особенно остро проявилось отсутствие сформировавшегося гражданского общества в Чечне, реальных политических партий. Чувствовалось приближение войны, абсолютное большинство народа Чечни было против нее, но у него не было организаций, выражающих его волю, возможности предотвратить негативное развитие событий. В Грозном собирались митинги против новой войны, но они были малочисленны: люди не верили, что их мнение способно что-либо изменить, да и война нужна слишком влиятельным силам за пределами Чечни как инструмент большой политики, и на нее сделаны большие ставки.

Вечером 25 августа российские самолеты бомбили села Сержень-юрт, Беной, Кенхи и Веденское ущелье. 27 августа В.В. Путин прилетел в Махачкалу и оттуда направился в райцентр Ботлих Республики Дагестан, где награждал дагестанских ополченцев, а 29 августа началась операция в Кадарс-

кой зоне (с. Карамахи, Чабанмахи, Кадар) в основном силами МВД РФ. В начале сентября основную тяжесть операции в Кадарской зоне взяли на себя подразделения Министерства обороны РФ, командующим был назначен генерал Г.Н. Трошев². Ночью 4 сентября был взорван жилой дом в Буйнакске, где проживали семьи военнослужащих, а 5 сентября несколько сотен боевиков, прорвавшиеся из Чечни, овладели рядом сел Новолакского района и именно в месте прорыва почему-то не оказалось подразделений российской армии, хотя ранее они там дислоцировались.

В ночь на 6 сентября российская авиация бомбила села Ножай-Юртовского и Гудермесского районов, десятки человек были убиты и ранены. 9 сентября В.В. Путин встретился с муфтиями Северного Кавказа. На встрече присутствовал и муфтий ЧРИ А.А. Кадыров, который до этого резко осудил провокацию в Дагестане.

Ни августовские, ни сентябрьские бои в Дагестане не вызвали у российского общества поддержки идеи ввода войск в Чечню, но взрывы домов в Москве 7 и 13 сентября, приписанные чеченцам, сдетонировали взрыв античеченской истерии, новые бомбежки и артобстрелы Чечни, аресты чеченцев в Москве и других российских городах. 14 сентября В.В. Путин на заседании Государственной думы заявил о временном карантине по всему периметру чеченской границы.

Немаловажную роль в этом сыграл российский генералитет. Генерал Трошев вспоминал, что «после отражения агрессии бандитов в Дагестане он (генерал А.В. Квашнин, начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ. – *О.А.*) поставил перед Казанцевым задачу на подготовку ввода войск в Чечню... Именно он убедил Путина и Ельцина в необходимости проведения контртеррористической операции на территории Чечни»³. Уже 18 сентября В.В. Путин заявил, что Чечня – это террористическая зона, где необходимо проводить хирургические операции и активнее работать с чеченской диаспорой, вплоть до формирования правительства в изгнании.

20 сентября в столице Ингушетии Магасе прошла встреча Р.С. Аушева, Масхадова и Президента Республики Северная Осетия–Алания А.С. Дзасохова, которые призвали организовать встречу Ельцина и Масхадова, но решительных шагов со стороны руководства РФ по реализации этого призыва сделано не было. Правда, представитель Ельцина заявил, что встреча возможна, если Масхадов откестится от бандитов и сам или с федеральными силами примет меры к их задержанию.

23 сентября была нанесена новая серия бомбовых ударов по территории ЧРИ, в том числе по аэропорту, и в этот день прозвучала фраза В.В. Путина, что «террористов будем мочить и в сортире». Масхадов пытался предпринять еще какие-то шаги, в частности встретиться с председателем Госсовета Дагестана М.-А.М. Магомедовым, но 30 сентября им якобы не дали встретиться возмущенные жители Дагестана, перекрывшие дороги. Маховик войны был запущен, и все, что могло помешать ему, отсекалось.

Уже в сентябре начался массовый поток беженцев из Чечни, и к концу месяца только в Ингушетии их насчитывалось около 10 тыс. В другие регионы России беженцев не принимали.

2 октября в Грозном, в Доме культуры химиков, состоялся Съезд чеченского народа, созданный Масхадовым. На съезде была принята резолюция с осуждением терроризма, выражением соболезнования по погибшим в результате взрывов в Москве и других городах, предложениями по мирному урегулированию ситуации. Если же, было решено, эти предложения не будут приняты, то президент Масхадов должен сформировать Государственный комитет обороны, объявить военное положение и готовиться к войне. Однако именно 2 октября началась наземная операция: подразделения российской армии вошли в станицу Бороздиновская, а в Ногайских степях продвинулись на 8–10 км в глубь ЧРИ.

Масхадов обратился по радио «Свобода» за помощью к мировому сообществу, чьи представители продолжали призывать к мирному разрешению конфликта. 5 октября он подписал указ о введении военного положения с 6 октября.

Министр юстиции РФ Ю.Я. Чайка заявил, что против чеченских руководителей, выбранных не по российским законам, будут возбуждены уголовные дела, а предприниматель М.М. Сайдуллаев стал руководителем созданного в Москве Государственного совета Чечни. Тем временем продолжалось нанесение авиационных и артиллерийских ударов по населенным пунктам Чечни. Генерал В.Л. Манилов сообщил, что российские войска готовы использовать любое оружие, кроме ядерного, в том числе, ракеты класса «земля–земля». Как бы в подтверждение этих слов 7 октября подверглось бомбардировке с. Элистанжи Веденского района погибли и умерли от ран 48 человек, а 21 октября по Грозному, в том числе по роддому и Центральному рынку, были нанесены ракетные удары сотни убитых и раненых⁴.

12 октября был обнародован указ Масхадова об освобождении от занимаемой должности муфтия А.А. Кадырова, который развернул активную деятельность на востоке республики – организовывал митинги, призывал бороться с ваххабитами.

Российские военные и политики продолжали говорить о поясе безопасности, санитарном кордоне вокруг Чечни на фоне ежедневных десятков и сотен боевых самолетовылетов, продолжающихся боев, приводили совершенно фантастические цифры численности вооруженных отрядов ЧРИ (от 20 до 30 тыс. и более).

Уже в середине октября Москва пыталась решить вопросы, связанные с органами гражданского управления на подконтрольных ей территориях. Для этого 15 октября был назначен специальный представитель правительства РФ в Чеченской Республике в ранге вице-преьера Н.П. Кошман. Возглавляемое им представительство было органом исполнительной власти, и

здесь работали в основном те, кто были в правительстве ЧР при Д.Г. Завгаеве. В конце октября из заключения был освобожден Б.С. Гантамиров, приступивший с помощью российских военных к формированию отрядов чеченской милиции, которые должны были участвовать в штурме Грозного.

К концу декабря вся равнинная часть Чечни была под контролем российских военных, а 26 декабря началась операция по взятию Грозного, в которой участвовали 20 тыс. бойцов.

31 декабря 1999 г. президент Ельцин ушел в отставку, передав полномочия премьер-министру В.В. Путину. Президентские выборы были назначены на 26 марта 2000 г.

К 3 января 2000 г. большая часть Старопромысловского района была взята под контроль российскими подразделениями, но стало ясно, что штурм не удался и силами внутренних войск и милиции город не взять. Одновременно продолжались бои практически во всех районах Чечни, за исключением северных. 9 января вооруженные формирования ЧРИ предприняли попытку контратаки и вошли в населенные пункты Шали, Аргун, Герменчук и Мескер-юрт. По центру Шали был нанесен ракетный удар, в результате которого погибли около 150 человек, в основном мирные жители. Все занятые боевиками населенные пункты в ходе боев российскими войсками были разблокированы.

11 января генерал В.Г. Казанцев заявил, что через административные границы Чечни будут пропускаться только женщины и мужчины до 10 лет и старше 65 лет, но резкая критика этого намерения западными и российскими правозащитниками заставила российских военных отказаться от него.

К исходу января российские войска контролировали большую часть Грозного, превращенного в руины ракетными ударами, авиацией и артиллерией, но сопротивление вооруженных формирований ЧРИ, хотя и носившее очаговый характер, не было подавлено. В ночь с 31 января на 1 февраля большинство чеченских отрядов предприняли попытку вырваться из окруженного Грозного в направлении сел Алхан-юрт и Алхан-кала. Российские генералы (Трошев, Шаманов) утверждают, что это была операция федеральных спецслужб, которые сумели завести их в западню: погибли около тысячи боевиков и многие известные чеченские командиры. Однако большей части чеченских отрядов удалось уйти через Алхан-калу – Закан-юрт – Шаами-юрт – Катыр-юрт – Гехи-чу, на которые российские войска обрушили мощные удары авиации и артиллерии, включая системы ТОС-1 (тяжелая огнеметная система) «Буратино», что привело к многочисленным потерям среди мирного населения.

В этих населенных пунктах, как и по всей Чечне, было задержано много мужчин в возрасте 16 – 50 лет по подозрению в причастности к «незаконным вооруженным формированиям». В связи с этими задержаниями внимание российской и мировой общественности было приковано к фильтрационному лагерю в Чернокозове Наурского района, где применялись

пытки, избияния, бессудные казни. Всего же, по данным средств массовой информации, в Чечне и на прилегающих к ней территориях имелось не менее 20 лагерей, где содержались задержанные жители республики, – интернат в Урус-Мартане, склад в Толстой-юрте, железнодорожные вагоны в Кадииюрте, на территории 1-го и 2-го пассажирских автотранспортных предприятий Грозного, в Моздоке, Георгиевске и Пятигорске.

В начале февраля российские подразделения провели операции в поселках Алды и Катаяма города Грозного, в ходе которых были убиты более 100 мирных жителей, в том числе дети, женщины, старики. Нарастающая критика нарушения прав человека в Чечне привела к указу и.о. президента В.В. Путина «О спецпредставителе президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в ЧР» и назначению на эту должность В.А. Каламанова – бывшего руководителя миграционной службы⁵.

Во второй декаде февраля Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело по обвинению в организации и участии в вооруженном мятеже против президента ЧРИ Масхадова⁶, который до этого российскими политиками воспринимался, во всяком случае на словах, как избранный на выборах руководитель республики, с которым можно договариваться.

В феврале продолжались интенсивные боевые действия, а число боевых вылетов авиации в отдельные дни достигало 150-ти. 29 февраля министр обороны РФ И.Д. Сергеев доложил В.В. Путину, что «завершена собственно военная часть операции». Но буквально через несколько дней на окраине Грозного, попав в засаду федеральных сил, погибли сотрудники Подмосковского ОМОНа, которых приняли за боевиков, а у села Улус-керт погибла рота Псковской воздушно-десантной дивизии, преградившая путь многократно превосходящим ее силам боевиков. В селе Саади-хутор (Комсомольское) Урус-Мартановского района начались крупномасштабные боевые действия, длившиеся до 20 марта. Там применялись ТОС-1 «Буратино», установки разминирования УР-77 «Змей Горыныч», оперативно-тактические ракеты «Точка-У». По разным оценкам, в этих боях погибли от 600 до 1 500 боевиков и около 120 российских солдат, село было полностью разрушено. Это было последнее крупное боевое столкновение, после которого чеченские вооруженные формирования перешли к тактике партизанской войны.

Вместе с тем 22 февраля правительство РФ приняло распоряжения о выделении МЧС России до 200 млн руб. в целях обеспечения мероприятий по первоочередному жизнеобеспечению и обустройству временных пунктов проживания пострадавшего населения Чеченской Республики и до 7,5 млн руб. для оплаты расходов по приему, хранению, доставке и распределению иностранной гуманитарной помощи⁷.

Одновременно с ходом боевых действий формировались органы власти в тех районах Чечни, которые перешли под контроль российских войск. В рамках представительства правительства РФ в Чеченской Республике была

сформирована Временная администрация ЧР во главе с Х.А. Мусалатовым, не обладавшая, однако, сколько-нибудь реальными полномочиями и просуществовавшая восемь месяцев, до июня 2000 г. Некоторое время рядом высокопоставленных российских чиновников ставилась под сомнение необходимость восстановления Грозного (Кошман, Трошев), но 15 марта на встрече с главами районных администраций Чечни В.В. Путин пообещал восстановить Грозный, заверив, что вопрос о переносе столицы решит сам народ⁸.

На фоне резкой критики политики, проводимой в Чечне, российское руководство приняло решение о проведении в республике выборов президента РФ. Делегация ОБСЕ, побывавшая в Чечне, пришла к выводу, что в республике отсутствуют общепринятые условия для выборов и предвыборной деятельности, но выборы были организованы и официально сообщено, что в них приняли участие 79,41 % общего количества избирателей республики и более 50 % проголосовали за В.В. Путина. На второй день после президентских выборов, 27 марта, было совершено 90 самолетовылетов, В.В. Путин вновь заявил, что боевые действия в Чечне будут продолжаться.

За две недели до президентских выборов российскими спецслужбами был задержан бывший полевой командир С.Б. Радуев, не принимавший участия в боевых действиях. В конце марта был арестован командир 160-го танкового полка полковник Ю.Д. Буданов по обвинению в изнасиловании и убийстве 18-летней жительницы села Танги-чу Урус-Мартановского района. В это же время в засаду боевиков в Веденском районе попал Пермский ОМОН, понесший тяжелые потери, а несколько его бойцов оказались в плену у боевиков. Басаев предложил обменять пленных на полковника Буданова, на что, естественно, российская сторона не пошла.

В течение марта действующими и отставными российскими политиками не раз ставился вопрос о введении в Чеченской Республике «прямого президентского правления». С призывом ввести такое правление 27 марта обратились к В.В. Путину главы администраций и коменданты районов Чечни. Поначалу Кремль склонялся к этому решению, но скорее всего поняв, что этим можно поставить президента под огонь критики, отказался от этой идеи. В начале апреля российское руководство заговорило о новой вертикали власти в Чечне, что заставило активизироваться различных политиков, претендовавших на роль лидера чеченского народа. Так, в зарубежные поездки с министром иностранных дел РФ И.С. Ивановым ездил А.А. Кадыров, представляемый как будущий руководитель Чечни. 9 апреля в Москве собрание представителей чеченской общественности выбрало своим лидером Р.И. Хасбулатова и выдвинуло его на роль руководителя Государственной комиссии по урегулированию ситуации в ЧР, но это предложение Кремль проигнорировал.

15 апреля было объявлено о завершении военной фазы «контртеррористической операции», а в российских и зарубежных средствах массовой информации активно пропагандировалась идея переговоров с Масхадовым.

Радиостанция «Свобода» даже арест бывшего руководителя Администрации Президента ЧРИ А.А. Баталова представила как подготовку к переговорам. Возможно, катализатором подобных слухов послужило решение апрельской сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы, лишившей российскую делегацию права голоса в связи с политикой, проводимой в Чечне. Независимо от того, была ли это подготовка к переговорам или дезинформация, генерал Квашнин 21 апреля прилетел в Чечню, чтобы, как сообщала пресса, успокоить войска из-за слухов о начавшихся переговорах с бандитами. «Переговоры будут только с тем, кто признает, что Чечня – субъект России», – заявил генерал, давая понять, что у военных своя точка зрения на политику в Чечне и они будут ее отстаивать.

Весь май происходили мелкие стычки российских подразделений с чеченскими формированиями, практически ежедневно газеты, телевидение и радиостанции со ссылкой на военных сообщали о потерях среди боевиков, которые исчислялись десятками, об 1–2 убитых и раненных российских военнослужащих и о «зачистках», в ходе которых задерживались десятки молодых мужчин «по подозрению в причастности к бандформированиям». В ходе одной из таких «спецопераций» 17 мая был задержан председатель парламента ЧРИ Р.Ш. Алихаджиев. 1 июня программа «Вести» РТР сообщила, что он дает показания. Позже его заместитель С.С.-Э. Бишаев заявил, что он убит в тюрьме, но до настоящего времени нет достоверных известий о его судьбе. В мае военные сообщили о гибели А.А. Мовсаева, бывшего руководителя Департамента государственной безопасности ЧРИ, и не менее 10-ти боевиков из его отряда. Это стало одним из результатов широко-масштабной операции, которая проводилась на юго-востоке Чечни⁹.

К июню отряды боевиков смогли оправиться от тяжелых потерь, понесенных зимой – весной 2000 г., наладить связь и координацию своих действий. Участились обстрелы блокпостов и комендатур, подрывы фугасов практически во всех районах Чечни. 30 мая было совершено покушение на мэра Грозного С.А. Махчаева.

3 июня на фугасе была подорвана БМП на 27-м километре трассы Грозный – Шатой, а 8-го в селе Алхан-юрт у места дислокации отряда Омского ОМОНа двумя смертниками, одним из которых была женщина, был взорван автомобиль, начиненный взрывчаткой. Взрывы, аналогичные этим, скоро стали распространенным явлением в Чечне и причиной гибели сотен людей.

Одновременно с боевыми действиями, «зачистками», авиационными и артиллерийскими обстрелами Москва искала сильного и лояльного Москве лидера, пользующегося поддержкой большинства населения. Еще 29 мая помощник В.В. Путина С.В. Ястржембский заявил, что нет лидера, способного объединить все тейпы и районы, но возможно, что он появится в скором времени.

Еще с конца 1999 г. многократно звучали утверждения о начале восстановления экономики и социальной сферы Чечни, но реальные результа-

ты на май 2000 г. были скромными. В бюджете Российской Федерации 2000 г. не было статей расходов на Чечню в полном объеме, кроме как на выплату детских пособий (516 млн руб.), создание фонда поддержки завоза нефтепродуктов и продовольственных товаров (58 млн руб.), выплату компенсаций за утраченное жилье и имущество (428 млн руб.). Финансирование Чечни в течение 2000 г. велось на основе перераспределения средств по некоторым плановым статьям федерального бюджета и внебюджетных средств. Мэр Грозного Махчаев сообщил в конце мая, что город пострадал на 70 %, но на его восстановление не выделено ни копейки. Кошман на следующий день заявил практически то же самое, добавив, что во внушительные суммы по Чечне, называемые премьер-министром М.М. Касьяновым (2,5 млрд руб. ежемесячно), входит и содержание армии и МВД, а деньги выделены пока только на зарплату работникам бюджетной сферы, на ремонт школ, больниц и культурных учреждений.

Успехи, и значительные, все же были – в восстановлении электроснабжения (кроме Грозного) и газоснабжения. Налажена была работа большинства школ, впрочем, они никогда не прекращали учебный процесс, за исключением периода боевых действий. Вузы возобновили работу именно в Грозном во многом благодаря настойчивости их ректоров и позиции, занятой Кошманом.

8 июня президент РФ В.В. Путин подписал указ и положение «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике», и в тот же день в Государственную думу был внесен проект закона. Этим указом не был назначен глава администрации Чеченской Республики, хотя в средствах массовой информации широко обсуждалось возможное назначение на этот пост А.А. Кадырова, Гантамирова, Хасбулатова, Трошева. В пользу возможного назначения А.А. Кадырова свидетельствовало то, что только он из числа чеченцев, могущих претендовать на роль лидера, был приглашен на инаугурацию В.В. Путина 7 мая. Выдержав паузу, президент России 12 июня подписал указ о назначении А.А. Кадырова главой администрации Чеченской Республики. В.В. Путин сказал: «...Мне нелегко было назначить его главой республики. В России это назначение оценивают по-разному. Пришлось повлиять лично». В соответствии с указом от 8 июня, хотя главу администрации ЧР назначал и увольнял президент РФ, деятельность его должен был контролировать полномочный представитель президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе, что существенно урезало власть главы администрации ЧР.

Назначение А.А. Кадырова было неоднозначно воспринято как в Чечне, так и среди московской чеченской диаспоры, но получило, по крайней мере, словесное одобрение генералов, в том числе Трошева, Казанцева, Н.П. Патрушева. Гантамиров сразу заявил, что не считает для себя возможной работу с Кадыровым¹⁰, а Сайдуллаев назвал назначение Кадырова «глубокой ошибкой» и заявил, что не видит разницы между Кадыровым и Масхадо-

вым или Басаевым.¹¹ Ряд глав администраций районов ЧР и руководящих сотрудников аппарата полпреда обратились к В.В. Путину с письмом, в котором заявили, что считают «невозможным для себя работать и находиться рядом»¹² с Кадыровым. Позднее, во время представления Казанцевым А.А. Кадырова на должность, которое один раз сорвалось, исполнявший обязанности мэра Грозного Я.И. Дениев даже отказался пожать руку новому главе Чечни. Известные братья С.Б. и Р.Б. Ямадаевы также далеко не сразу приняли назначение А.А. Кадырова¹³. Однако все это было несущественным, поскольку, согласно газете «Коммерсант», В.В. Путин, подписывая указ о назначении А.А. Кадырова, сказал: «Муфтию доверяет народ, он осознает важность стоящих перед ним задач». Он не собирался отказываться от своего выбора. Сам же новый глава Чечни, комментируя срыв своего вступления в должность, заявил, что «будет жестко и последовательно пресекать любые действия, приводящие к дезориентации доведенных до отчаяния жителей республики»¹⁴.

Ситуация же в самой Чеченской Республике была далека от стабильной и мирной, несмотря на то что еще 15 апреля Кремль объявил о завершении военной фазы «контртеррористической операции». Продолжались боевые столкновения, авиационные и артиллерийские удары по различным районам республики, «зачистки» с блокированием по периметру населенных пунктов. В Грозный чаще всего можно было проехать только отстояв много часов в очереди на въезд. Начали находить массовые захоронения на месте дислокации российских подразделений или вблизи них. Начались убийства религиозных деятелей: в 3 часа утра 16 июня у себя дома был убит имам урус-мартановской мечети У. Идрисов. 3 июля в городах Аргуне, Гудермесе, Шали, поселке Новогрозный, в местах дислокаций российских силовых структур, боевики-смертники взорвали грузовики с взрывчаткой.

Наконец, средства массовой информации сообщили о совещании руководства Чеченской Республики Ичкерия, на котором Масхадов был наделен дополнительными полномочиями до окончания войны, а любые решения всех ветвей власти должны были быть завизированы им и согласованы с Государственным комитетом обороны. Это решение было скорее всего продиктовано необходимостью обезопасить Масхадова от импичмента со стороны парламента ЧРИ, с депутатами которого уже работали сторонники А.А. Кадырова.

Ситуация еще больше осложнялась тем, что различные политические и силовые структуры Российской Федерации пытались каждая проводить в Чечне политику, отвечающую своим узким интересам, опираясь при этом на различные политические силы и деятелей из числа чеченцев. В ряду этих попыток – назначение Гантамирова в июле первым заместителем А.А. Кадырова, куратором силовых структур. Не прошло и недели после назначения Гантамирова, как между ним и А.А. Кадыровым возник конфликт из-за того, что глава администрации ЧР сменил руководителей администраций

районов Грозного. В конфликт, наделавший много шума, вынужден был вмешаться представитель президента в Южном федеральном округе Казанцев, который «помирил» А.А. Кадырова и Гантамирова, обвинив в возникновении конфликта некую «третью силу».

Не известно, что имел в виду Казанцев, но то, что Гантамиров пользовался поддержкой начальника Генерального штаба Квашнина и его подчиненных¹⁵, в Чечне знали многие. Скорее всего конфликт был инспирирован с целью разузнать, насколько прочны позиции вновь назначенного главы республики и заодно дискредитировать саму идею управления Чечней чеченцами.

Одновременно с «зачистками», боями, артобстрелами, авианалетами в Чеченской Республике шла кампания по выборам депутата Государственной думы. Решение об организации этих выборов было принято Москвой в мае, и проведение выборов должно было продемонстрировать всем как в России, так и за ее пределами, что благодаря стараниям Кремля ситуация в Чечне настолько стабилизировалась, что народ смог принять участие в свободных выборах. При проведении думских выборов не имело большого значения, кто их выиграет. Главным было то, чтобы они состоялись.

По результатам выборов депутатом Государственной думы стал А.А. Аслаханов, и уже 29 августа его принял президент В.В. Путин¹⁶.

Августовская трагедия с атомной подводной лодкой «Курск» и оказанная государством помощь семьям погибших членов его экипажа одновременно вызвали вопрос о скудости подобной помощи военным, погибающим в Чечне¹⁷. А также – об отсутствии какой-либо помощи семьям десятков тысяч жителей республики, погибших и продолжающих погибать в результате обстрелов, перестрелок, «зачисток», бессудных казней.

Во второй половине 2000 г. по Чечне, особенно в равнинной ее части, от правого берега Терека до Черных гор, прокатилась волна «зачисток», в ходе которых задерживались сотни людей. Они подвергались бесчеловечному обращению, издевательствам, пыткам. Часто после «зачисток» находили захоронения с трупами задержанных накануне людей. По всей видимости, это циничное игнорирование российскими военными закона, новых властей Чеченской Республики заставило А.А. Кадырова в сентябре заявить, что теряется доверие народа, приобретенное с трудом.

Жители Чечни страдали не только от произвола военных, но и от боевиков, которые от имени шариатского суда расправлялись с главами администраций населенных пунктов, имами мечетей, просто неугодными им людьми, приклеивая им ярлык национал-предателей. Так, в селе Старые Атаги в ночь на 17 сентября неизвестными в камуфляжной форме были убиты 5 человек в возрасте от 17 до 73 лет, среди которых был и один из неформальных лидеров и авторитетов не только села, но и республики, М. Абубакаров. Молва упорно приписывала это преступление боевикам-ваххабитам, тем более что спустя несколько недель в селе были разбросаны листовки с

«приговором» в отношении убитых и фамилиями тех, по ком ждуть решения шариатского суда. 12 октября боевики взорвали у здания Октябрьского РОВД в Грозном машину, начиненную взрывчаткой, в результате чего погибли и были ранены десятки человек. В ноябре были убиты 3 мужчины и 2 женщины в селе Алхан-Кала, а в Урус-Мартане – 10 человек, семеро из которых были сотрудниками милиции.

В октябре состоялось очередное примирение А.А. Кадырова и Гантамирова в Ростове-на-Дону при участии Казанцева. Гантамиров вновь стал заместителем А.А. Кадырова, начальником милиции и мэром Грозного. Через несколько дней он заявил, что наведет железный порядок в Грозном, который находится в критическом положении.

Об обстановке в республике ясное представление давал и факт обстрела одним из российских подразделений вечером 31 октября кортежа А.А. Кадырова, в ходе которого никто не пострадал только благодаря случаю¹⁸. Практически ни один день осени–зимы 2000 г. не проходил без сообщений о боевых столкновениях, «зачистках», артиллерийских и авиационных ударах, облавах на центральном рынке, которые перетекали в организованный грабеж, против чего горячо, но безуспешно выступал Гантамиров.

2000 г. завершился гибелью 5 студентов Чеченского госпединститута, учащегося средней школы № 8, ранениями жителей близлежащих домов в результате неспровоцированного минометного обстрела одним из российских подразделений.

Таким образом, военные и политические события 1999–2000 гг. в Чеченской Республике и вокруг нее позволяют сделать вывод о том, что после того, как стал очевидным факт краха идеи построения независимой Чеченской Республики Ичкерия, здесь стало усиливаться экстремистское течение, подпитываемое из-за рубежа. Масхадов практически не контролировал ситуацию в республике. Противоречия внутри политических и военных сил ЧРИ, политический кризис в Российской Федерации обусловили начало военных действий.

Реальные шаги по политическому урегулированию ситуации в Чеченской Республике начали предприниматься с середины 2000 г., когда указом президента РФ была сформирована временная система органов исполнительной власти и главой администрации был назначен А.А. Кадыров. Поначалу они не имели реальных полномочий, но пользуясь поддержкой В.В. Путина и опираясь на своих сторонников, смогли стать реальной силой в республике.

Примечания

¹ Сборник указов и распоряжений Президента Чеченской Республики Ичкерия. С 3 февраля 1995 года по 1 июня 1999 года. Кн. 3, 4, 5. Джохар, 1999. С. 336.

² Трошев Г. Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. М., 2002. С. 236–237.

³ Там же. С. 252, 255.

⁴ «Точечные удары»: Неизбирательное применение силы федеральными войсками. Сентябрь–октябрь 1999 г. Вып. 1. М., 1999. С. 7–18.

⁵ Сегодня. 2000. 18 февр.

⁶ Сегодня. 2000. 19 февр.

⁷ Российская газета. 2000. 29 февр.

⁸ Коммерсант. 2000. 16 марта.

⁹ Независимая газета. 2000. 31 мая.

¹⁰ Сегодня. 2000. 14 июня.

¹¹ Независимая газета. 2000. 14 июня.

¹² Коммерсант. 2000. 17 июня.

¹³ Коммерсант. 2000. 14 июня.

¹⁴ Коммерсант. 2000. 17 июня.

¹⁵ Коммерсант. 2000. 22 июля.

¹⁶ Коммерсант. 2000. 23 авг.

¹⁷ Комсомольская правда. 2000. 26 авг.

¹⁸ Независимая газета. 2000. 3 нояб.

СООБЩЕНИЯ

А.Л. Кубасов

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Понятие «концентрационный лагерь» широко применялось уже в ходе Первой мировой войны. Под ним понималось место содержания военнопленных. Лица, помещенные в концлагеря, использовались на различных, в том числе тяжелых, физических работах. В частности, в лагере на Кольском полуострове содержались пленные австро-венгерской армии, в суровых северных условиях строившие Мурманскую железную дорогу между побережьем Баренцева моря и Петроградом для доставки вооружения, поступавшего из Великобритании и Франции¹.

В ходе Гражданской войны как большевики, так и их непримиримые враги создавали концентрационные лагеря для изоляции своих противников.

После антибольшевистского переворота и высадки войск Антанты в Архангельске контрразведывательный отдел штаба союзных интервенционистских сил и военно-регистрационная служба при штабе командующего русскими войсками Северной области организовали розыск коммунистов, руководителей и служащих советских учреждений, членов комитетов бедноты, командиров и бойцов Красной армии². Задержанные доставлялись в архангельскую тюрьму, другие места временного содержания. Часть из них впоследствии была расстреляна, как, например, захваченный в плен член городского комитета РКП(б) С.Н. Ларионов и сдавшиеся белым пятеро красноармейцев возглавлявшегося им отряда. В качестве меры наказания применялось направление на каторжные работы³.

Представители Советской власти, попавшие в руки белых, рассматривались ими как заложники. Уже 13 августа 1918 г. руководство Северной области передало в Москву радиограмму в адрес Совнаркома, что в случае применения репрессивных мер против видных деятелей-антибольшевиков такая же мера немедленно постигнет и большевиков, арестованных в Архангельске и Мурманске. Впоследствии это заявление было напечатано в газетах⁴.

Интервенты образовали на безлюдном северном острове Мудьюг концлагерь для арестованных сторонников Советской власти. Когда в марте

1919 г. управляющий отделом внутренних дел Временного правительства Северной области В.И. Игнатьев по согласованию с англо-французским командованием посетил концлагерь, он обнаружил там свыше 200 заключенных, проживавших в холодном бараке. Среди них находилось множество больных цингой⁵. Отчет о поездке В.И. Игнатьева был опубликован в правительственной прессе, в нем фактически было признано бедственное положение заключенных.

В дальнейшем концлагерь на Мудьюге был передан в управление русским властям и переименован в ссыльно-каторжную тюрьму. В сентябре 1919 г. правительство организовало концлагерь на берегу Северного Ледовитого океана вблизи становища Йоканьга. С августа 1918 по февраль 1920 г. общее количество заключенных, прошедших через тюрьмы и лагеря Северной области, составило 50 800 человек⁶.

Первые упоминания о советских концлагерях относятся к осени 1918 г. и связаны с объявлением «красного террора». 2 сентября ВЧК направила в губернские чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией телеграмму: «...Арестовать как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных Советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать. При всякой попытке сорганизоваться, поднять восстания, напасть на караул – немедленно расстреливать»⁷. Этот приказ подлежал неукоснительному выполнению, а виновные в его разглашении подлежали привлечению к «революционной ответственности». В постановлении Совнаркома от 5 сентября предписывалось «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»⁸.

К весне 1919 г. концлагеря существовали во всех контролировавшихся Красной армией северных губерниях России. Организацией этих объектов занимались губернские ЧК. В дальнейшем места содержания заключенных передавались в ведение губисполкомов. В качестве помещений для концлагерей начали использовать здания, ранее принадлежавшие Русской православной церкви. Так, в Северо-Двинской губернии концлагерь был размещен в помещении Михайло-Архангельского монастыря⁹.

11 апреля 1919 г. президиум ВЦИК издал постановление, в котором вместо понятия «концентрационный лагерь» употреблялся новый термин – «лагерь принудительных работ»¹⁰. Но изменение в терминологии носило временный характер. Так, в приказе ВЧК № 196 от 27 августа 1919 г. снова говорилось о «концентрационных лагерях для заложников, осужденных и иностранцев»¹¹. В дальнейшем в документах органов ВЧК концлагеря именовались по-разному. В частности, лагерь при Вологодском губисполкоме

назывался то «концентрационным лагерем», то «лагерем принудительных работ», то «концентрационным лагерем принудительных работ». Заключение в концлагеря осуществлялось на основании постановлений народных судов, революционных трибуналов, ЧК, исполкомов Советов. Направление заключенных на работы велось по запросам советских органов.

Весной 1920 г. с занятием Красной армией Архангельска и Мурманска перед советскими властями встала задача очистки территории от скрывавшихся белогвардейцев. Для организации этой работы на Север в качестве представителя ВЧК прибыл видный чекист М.С. Кедров, первый руководитель Особого отдела ВЧК. Под его руководством в Архангельске были проведены повальные обыски, в ходе которых особое внимание обращалось на «буржуазные кварталы»¹². Розыск осуществлялся во всех уездах, освобожденных от белых.

Особые отделы 6-й и 7-й армий, Архангельская, Вологодская и Олонекская губернские ЧК проводили фильтрацию военнопленных и лиц, подозревавшихся в причастности к антибольшевистскому режиму. Виновные в «активных контрреволюционных действиях» привлекались к ответственности как по суду, так и во внесудебном порядке. Как следует из отчета Архангельской губернской ЧК за 1920 г., после освобождения края от белогвардейцев коллегия губчека вынесла постановления о смертной казни в отношении 258 человек. Сведения о расстрелянных публиковались в местной прессе. Так, газета «Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома Р.К.П.» № 76 от 29 мая 1920 г. напечатала список из 34 казненных по решению ГубЧК. Список из 48 расстрелянных был помещен в приложении к «Известиям Архангельского губернского ревкома» № 137 от 7 августа 1920 г. Арестованные за совершение «контрреволюционных преступлений», избежавшие высшей меры наказания, направлялись в концентрационные лагеря на срок от 6 месяцев до года либо до окончания Гражданской войны.

Военнопленные, в отношении которых в процессе фильтрации не было получено компрометирующих материалов, предназначались для пополнения Красной армии¹³. При этом по распоряжению управляющего делами ВЧК Г.Г. Ягоды в документах бывших офицеров ставился штамп о периоде службы у белых. Губернские и окружные военкомы обязаны были сообщать в Особые отделы о прибытии лиц данной категории и об их дальнейшем передвижении¹⁴.

Согласно документам, сохранившимся в Центральном архиве ФСБ России, в 1920 г. именно М.С. Кедров стал создателем советских концентрационных лагерей в Архангельской губернии. В автобиографии, находящейся в его личном деле, он писал о себе: «1919 год. С января председатель Особого отдела ВЧК, образовавшегося из слияния военного отдела ВЧК и военного контроля РВСР (члены Коллегии: Павлуновский и Эйдук). Член

ВЦИК. По совместительству: член коллегии НКВД, заведующий лагерями принудит. работ Республики... 1920 год. С мая месяца полномочный представитель ВЧК по Архангельской (освобожд. от белых), Вологодской и Северо-Двинской губернии. Член коллегии НКВД (организатор Холмогорского, Пертоминского, Соловецкого лагерей)»¹⁵.

Весной 1920 г., приехав в Архангельск, М.С. Кедров предпринял экспедицию на Соловецкие острова. После ухода в 1919 г. войск интервентов, Временное правительство Северной области намеревалось создать там базу на случай поражения на фронте и эвакуации. По прибытии на Соловки большевики сразу обнаружили 8 трехдюймовых орудий, 2 пулемета, 600 винтовок и берданок, большое количество снарядов и патронов. Кроме того, в монастыре оказалось много серебра, мехов, шелка и других тканей, 2 500 п муки, 250 п сахара. Тогда-то возникла идея организовать там трудовой лагерь. Вот как сообщала об этом газета «Известия Архангельского Губернского ревкома и Архгубкома Р.К.П.»: «Условия для этого очень подходящие: суровая природная обстановка, трудовой режим, борьба с природой будет хорошей школой для всяких порочных элементов»¹⁶.

Официальная советская точка зрения относительно предназначения создававшихся лагерей была сформулирована в докладе Архангельского ревкома на 4-м губернском съезде Советов, состоявшемся в июле 1920 г.: «Лагеря принудительных работ организуются для заключения в них военнопленных гражданской войны и лиц, осужденных на принудительные работы. Основным принципом режима лагерей является трудовое начало. В советских местах лишения свободы нет места лени, разгильдяйству и ничегонеделанию. Всякий заключенный обязан работать установленное для всех трудящихся время. Для поднятия большей производительности труда в лагерях параллельно с репрессивными мерами установлены следующие меры поощрения: лицам, добросовестно относящимся к возложенному на них труду, ослабляется режим заключения, увеличивается продовольственный паек, комендантам лагерей дано право возбуждать ходатайство, при наличии признаков исправления, о досрочном освобождении из лагеря»¹⁷.

В июле 1920 г., по данным отдела принудительных работ Архангельского губернского ревкома, в его ведении находились Архангельский лагерь принудительных работ № 1, созданный 30 апреля 1920 г. (заключенные работали в Архангельске и Архангельском порту), Архангельский лагерь принудительных работ № 2 на ст. Исакогорка, выделенный 4-го июня из лагеря № 1 в целях использования труда заключенных на железной дороге; лагерь на Соловках, учрежденный 25 мая 1920 г. (заключенные привлекались к сельскохозяйственным работам, рыбной ловле, работе в мастерских), лагерь в Холмогорах, организованный 7 июня 1920 г.

Кроме того, до 12 июня в Архангельской губернии существовал Шенкурский лагерь принудительных работ¹⁸.

В 1920 г. северные лагеря стали местом, куда начали свозить пленных белых офицеров из других регионов страны.

В 1922–1923 гг. в русской эмигрантской печати появились сообщения о трагических событиях в концентрационных лагерях Архангельской губернии. В изданном в 1922 г. центральным бюро партии эсеров сборнике «Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» сообщалось о массовых расстрелах противников большевистского режима в концлагере в окрестностях села Холмогоры¹⁹. В вышедшей в 1923 г. книге С.П. Мельгунова «Красный террор в России» говорится о ликвидации вблизи деревни Косково, в 10-ти верстах от Холмогор, нескольких тысяч пленных белых офицеров, направленных в местный концентрационный лагерь с Дона, Кубани и из Крыма. По его утверждению, до мая 1921 г. лагеря в Холмогорах фактически не существовало. Местонахождение направленных туда людей невозможно было установить, а представители органов ВЧК в частных беседах сообщали, что их уже нет в живых. Это было место, где производились расстрелы²⁰.

Авторы эмигрантских изданий не могли пользоваться советскими архивными материалами. Основу зарубежных публикаций, как правило, составляли свидетельства людей, бежавших из России, а также анализ отрывочных сообщений прессы. С.П. Мельгунов, стремясь к объективности, писал, что, ручаясь за достоверность общих оценок, он не может поручиться за полную точность приводившихся им данных, поскольку индивидуальные показания свидетелей и очевидцев субъективны и в силу этого ошибки в отдельных конкретных случаях неизбежны²¹. Он писал в предисловии к своей работе: «Я не имел, конечно, возможности проникать в тайники органов, отправляющих так называемое «революционное правосудие». Это сможет сделать историк в будущем и то постольку, поскольку сохранится материал об этой страшной странице современной русской действительности»²².

В этой связи особую ценность представляет переписка должностных лиц органов ВЧК о Холмогорском лагере. 28 ноября 1920 г. председатель Архангельской губчека Т. Смирнов докладывал в Президиум ВЧК: «С моим приездом в Архангельск тов. Кедровым мне было посвящено по секрету, что в Холмогорах находится лагерь ВЧК, о котором знает только тов. Кедров, предархисполкома тов. Попов и сейчас по своей службе должен знать я. С отъездом в Москву тов. Кедров оставил весь надзор за этим лагерем за мной»²³. Далее сообщалось о расстреле в Холмогорах свыше тысячи из 1 300 пленных офицеров, доставленных с Кубани. Тогда же было условлено при поступлении запросов от родственников в отношении казненных офицеров отвечать, что «указанное лицо» после фильтрации было направлено в лагерь на Печоре, откуда «сбежало в тундру» и, очевидно, «примкнуло к белогвардейцам».

16 марта 1921 г. начальник Особого отдела охраны Северной границы РСФСР, председатель Архангельской губернской ЧК З.Б. Кацнельсон, председатель Архангельского губисполкома Куликов и секретарь губкома Савельев обратились к председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «В связи с остро тревожным положением Архангельска, где ведется среди моряков и рабочих упорная контрреволюционная работа за поддержкою Кронштадта, наличие в концентрационных лагерях более 1 000 кубанских, уральских, денкинских офицеров, настроенных активно контрреволюционно, отсутствие охраны и достаточно реальной силы заставляет президиум Губисполкома, президиум Губкома и коллегия Губчека и Особотдела Охрсеваграниц настаивать перед Президиумом ВЧК о необходимости ликвидации означенного белого офицерства (вынужденного)... Громадное большинство их сражалось в рядах Белой Армии, начиная с Корниловщины и Калединщины, и заслуживает, несомненно, высшей меры наказания, являясь нашим непримиримым врагом, ждущим удобного момента для открытого выступления. Просим срочного ответа, так как время не ждет, и надежды белого офицерства растут, базируясь на событиях Кронштадта и появлении белосибирских банд на границе Обдорского Архгубернии»²⁴.

В марте-апреле 1921 г. на основании распоряжения Ф.Э. Дзержинского в районе Холмогор были расстреляны 422 белых генерала и офицера. Списки «кровных» белогвардейцев, подлежащих казни, готовила коллегия Особого отдела охраны Северных границ республики и Архангельской губчека. Утверждали их президиум губисполкома и губернский комитет партии²⁵.

В январе 1921 г. к председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому с письмом на польском языке обратилась жена пленного белого офицера Н.А. Малютина, проходившего, согласно имевшейся у нее информации, фильтрацию в Архангельской губернии и отправленного в концлагерь в Холмогорах. В этой связи 8 марта управляющий делами ВЧК Г.Г. Ягода направил в Архангельскую ГЧК телеграмму: «Сообщите местонахождение Малютина Николая Александровича, приговоренного фильтркомиссией лагерь, подлежащего освобождению амнистии»²⁶.

5 апреля 1921 г. председатель Архангельской губчека З.Б. Кацнельсон сообщил в ВЧК: «Мною получена нешифрованная депеша следующего содержания. Предлагаю сообщить, кому был подведомствен Холмогорский лагерь принудительных работ, где содержался Николай Малютин и куда распределены заключенные после ликвидации... Поскольку мне известно, холмогорский лагерь был организован КЕДРОВЫМ, повторяю: КЕДРОВЫМ, секретно исключительно для массовой ликвидации белого офицерства, подчинен был ему, а после его отъезда предархчека СМИРНОВУ. Заключенных там не было и привозились лишь для ликвидации и никуда оттуда не распределялись,

кроме тех, кто был освобожден работавший фильтркомиссией. Малютин, очевидно, был ликвидирован, ибо списков ликвидации нам не оставили, они были увезены в Москву»²⁷.

15 апреля после случая с Н.А. Малютиным Г.Г. Ягода подписал телефонограмму председателю ВЦИК М.И. Калинину, секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе и управляющему делами СНК РСФСР Н.П. Горбунову: «ВЧК просит Вас все справки относительно белых офицеров, заключенных в Архангельском лагере, направлять не непосредственно в Архангельск, а в ВЧК, где всякая справка будет немедленно сообщена»²⁸.

Вряд ли исследователям когда-нибудь удастся в полном объеме документально воспроизвести картину создания и развертывания концентрационных лагерей в период Гражданской войны. Но имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что их образование стало одной из трагических страниц отечественной истории. Содержавшиеся в них лица фактически рассматривались в качестве заложников. В условиях острой нехватки продуктов питания, дров, угля, медикаментов они испытывали лишения (голод, холод, болезни), привлекались к непосильному труду. В 1920–1921 гг. в советских концлагерях на Севере России происходили казни пленных белых офицеров. Решения об этом принимались во внесудебном порядке. Их причиной стал страх властей перед новыми вооруженными мятежами. В сложившейся обстановке на белогвардейских офицеров смотрели как на непримиримых врагов, которые представляли опасность в случае новых выступлений антибольшевистских сил.

Примечания

¹ Симонова Т.М. Российские военнопленные и интернированные в лагерях Германии и Австрии в 1914–1922 гг. // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006. С. 334.

² РГВА. Ф. 40313. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–247.

³ Летопись города Архангельска, 1584–1989. Архангельск, 1990. С. 151–153.

⁴ Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 27 окт.

⁵ Вестник Временного правительства Северной области. 1919. 16 марта.

⁶ Потылицын А.И. Белый террор на Севере, 1918–1920. Архангельск, 1931. С. 22.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.

⁸ СУ РСФСР. 1918. № 65. С. 710.

⁹ Великоустюгский филиал Государственного архива Вологодской области (ВФ ГАВО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 80. Л. 28.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 69.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 141.

¹² Кедров М.С. О массовых обысках // Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома Р. К. П. 1920. 25 апр.

¹³ ВФ ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 512. Л. 17, 24, 28, 35.

¹⁴ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер: тайное сотрудничество, 1922–1933. М., 1992. С. 36–37.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Личное дело Кедрова М.С. № 120265/52. Л. 11–12.

¹⁶ Известия Архангельского Губернского ревкома и Архгубкома Р.К.П. 1920. 4 мая.

¹⁷ Известия Архангельского Губернского ревкома и Архгубкома Р.К.П. 1920. 8 июля.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 242.

²⁰ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 60–61.

²¹ Там же. С. 16–17.

²² Там же. С. 15.

²³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 22. Л. 33.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 53. Л. 2.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 22. Л. 32.

²⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 493. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 18.

Г. Иоффе

РЕВОЛЮЦИОНЕР ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ БОРИСА САВИНКОВА*

Комиссар

Когда Наполеону говорили, что перемена в его жизни – это судьба, он отвечал: «Не говорите мне о судьбе. Политика – вот судьба».

Политика изменила и судьбу Савинкова.

9 апреля 1917 г. он вернулся из эмиграции в Россию, где был встречен с большим торжеством. Еще бы! Савинкова встречала не старая, а совершенно новая, революционная Россия, свергнувшая царя и провозгласившая полную свободу. Звучали оркестры, играя «Марсельезу» и «Интернационал», развивались на ветру красные знамена и говорились, говорились пламенные, вдохновляющие речи.

Савинков предстоял теперь перед своими прежними товарищами и соратниками не как писатель, чуть ли не осуждавший революционеров и террористов, а как бесстрашный руководитель Боевой террористической организации, борец с павшим, наконец-то, царским режимом, сражавшийся с ним, не щадя своей головы. Такой человек, естественно, должен был стоять в первых революционных рядах.

Обычно считается, что должность армейских комиссаров была введена большевиками при создании Красной армии. На самом деле это нововведение Временного правительства. Не доверяя царским генералам, продолжавшим командовать войсками и после Февральской революции, Временное правительство «приставило» к ним своих правительственных комиссаров, поручив им ведение политической работы. Комиссарами становились в основном выходцы из партий эсеров, меньшевиков, кадетов. Как правило, это были люди мужественные, с твердым характером, так как их деятельность сопрягалась с немалой опасностью. Например, будущий известный литератор В. Шкловский (в 1917-м – эсер) поднял и повел в атаку боевую часть, когда ее командира убили. Шкловский сам получил ранение, и командующий 8-й армией генерал Л.Г. Корнилов лично приехал в госпиталь, чтобы

* Продолжение. Начало в № 1 (19) за 2009 г.

вручить Шкловскому Георгиевский крест. А вот другой комиссар, Ф. Линде, поплатился жизнью за то, что призывал солдат продолжать войну с Германией до победы.

Савинков, несомненно, по всем статьям подходил на роль армейского комиссара. 8 мая 1917 г. А.Ф. Керенский (после ухода А.И. Гучкова в отставку он стал военным министром) назначил Савинкова комиссаром 7-й армии Юго-Западного фронта. Назначение не было случайным. Еще с весны задумано было наступление на этом фронте (главнокомандующий армиями фронта – генерал А.Е. Гутор), где русским войскам противостояла австро-венгерская армия. Предполагалось мощным ударом разгромить ее и в случае удачного исхода вывести Австро-Венгрию из войны, лишив Германию ее главного союзника. Имелась в виду и еще одна, чисто политическая цель – победой поднять боевой и патриотический дух на фронте и в тылу, остановить революционную анархию.

Савинков активно взялся за работу. Матери он писал: «Я работаю 16 часов в сутки и не успеваю сделать всего. 10 последних дней возился с крупными волнениями в одном из корпусов, не прибегая к вооруженной силе, добился успокоения. Главнокомандующий меня благодарит»¹. В другом письме не без тщеславия сообщал, что Керенский «при всех» сказал: «Там, где Савинков, там победа»².

Деятельность Савинкова приобрела такой размах, что некоторые генералы увидели в ней превышение комиссарских прав: он не должен был касаться вопросов чисто военных. Последовали протесты верховного главнокомандующего русской армией А.А. Брусилова и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Гутора. Но хода им не давалось. Керенский, по-видимому, рассчитывал удерживать «баланс» между бывшими царскими генералами и «революционными комиссарами» при них. Еще важнее было то, чтобы не обострить ситуацию, в которой находилось командование именно Юго-Западного фронта, ведь ему предстояла сложная боевая операция.

Будучи комиссаром 7-й армии, Савинков сблизился с комиссаром соседней, 8-й, армии М. Филоненко, командующим которой был Корнилов. Этот генерал был довольно широко известен в русской армии. Весной 1915 г., командуя 48-й пехотной дивизией, в ходе боев в Карпатах он попал в плен, но летом 1916-го сумел бежать, что, несомненно, являлось подвигом. С этого времени началось быстрое продвижение Корнилова по службе. «Калибр» Филоненко, конечно, не был сопоставим с савинковским, и очень скоро началось сближение Корнилова с Савинковым. Рассказывают, что при знакомстве с Савинковым Корнилов как бы полушутя сказал:

– А если, Борис Викторович, я прикажу вас завтра повесить?

Савинков ответил тоже шуткой:

– Нет, Лавр Георгиевич, я сумею опередить вас.

Так, обменявшись «милыми шутками», бывший царский генерал и бывший революционный террорист начали совместно работать.

Увы, несмотря на первоначальные успехи, наступление Юго-Западного фронта, которое началось в июне, окончилось провалом. Положение было близко к катастрофе. В «верхах» начались крутые перемены. Гутор был освобожден, главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта был назначен Корнилов. Савинков же был назначен комиссаром Юго-Западного фронта, а уже в середине июля – управляющим Военным министерством при министре Керенском. Наверх продвинули и Филоненко: он стал верховным правительственным комиссаром. Однако эта должность большого значения в развернувшейся политической борьбе не играла: Филоненко был тенью Савинкова. Наконец, головокружительная карьера Корнилова увенчалась назначением его вместо Брусилова верховным главнокомандующим русской армией.

Теперь Корнилову, премьер-министру Керенскому и его заместителю по Военному министерству Савинкову предстояло решить труднейшую задачу – стабилизировать положение в армии, положить предел ее разложению и тем самым укрепить тыл. В этом они, казалось бы, сходились все трое. Но решение этой, в общем, чисто военной задачи упиралось в сложную политическую проблему. Возрождение боевой мощи армии напрямую зависело, как они были убеждены, от ограничения деятельности революционно-демократических партий и групп (большевиков, меньшевиков, эсеров и других), стремившихся демократизировать армию, то есть искоренить ее традиционные, регулярные основы ее организации и дисциплины. Их заменяли выборными солдатскими Советами и комитетами, предоставлением военным гражданских прав, выборами командиров и т.п. Для генерала Корнилова все эти совершенно не свойственные армии «вещи» были ни чем иным, как прямым подрывом вооруженных сил, сознательно проводимым «революционной демократией», прежде всего большевиками, за спиной которых, как он думал, стоят германские агенты. Не так далек от этой точки зрения был и Савинков: он считал, что пока партии, заседающие в Советах, особенно в Петроградском Совете, не прекратят преступной агитации и пропаганды в войсковых частях, пока Временное правительство и Ставка полностью не освободятся от влияния Советов и других общественных организаций, развал армии со всеми катастрофическими последствиями не будет прекращен. Как и Корнилов, Савинков был сторонником введения в армии самых суровых мер для установления «порядка», вплоть до смертной казни.

Наиболее сложная позиция была, пожалуй, у Керенского. Он оказывался как бы сидящим между двумя стульями. С одной стороны, он разделял позицию Корнилова и Савинкова, поскольку Советы и комитеты оказывали мощное давление на Временное правительство и на него лично, и это

мешало ему упрочить власть Временного правительства. Но с другой стороны, Советы являлись той силой, которая блокировала правых, видевших во Временном правительстве и в нем самом, Керенском, «плод революции» и жаждавших реванша. Поэтому Керенский проявлял колебания.

Так, остро нуждаясь в политической связке между собой, члены «триумvirата», Керенский, Савинков и Корнилов в то же время не доверяли друг другу, подозревая в тайных замыслах. Керенский подозревал, что в своей генеральской амбициозности и боевом ажиотаже Корнилов сметет Временное правительство, уничтожит российскую демократию и установит свою диктатуру. Он был согласен на ликвидацию большевиков, но остановится ли Корнилов на этом? Он страшился за Февральскую революцию и установленную ею демократическую республику.

Для Корнилова Керенский был всего лишь слабый премьер-министр, влюбленный в ценности западной демократии чуть ли не как в женщину, и он боялся, что эта любовь приведет Керенского к капитуляции перед левыми партиями и в конце концов сделает Россию легкой добычей Германии. На первом плане для Корнилова стояли не революция и республика, а Россия.

У Савинкова было свое понимание ситуации. Он на самом деле не верил ни Керенскому, ни Корнилову. Керенский, по его убеждению, – слабый государственный деятель («женпремьер» – звал он его про себя), не способный защитить и сохранить Февральскую революцию, но вместе с тем искренне преданный ей. Поэтому он должен быть сохранен во главе правительства, держа в руке «красный флаг революции». Но один выполнить эту задачу он не в состоянии. Савинков считал, что к руке Керенского «с красным флагом» должна быть присоединена сильная, твердая рука Корнилова. Вместе они спасут и революцию, и Россию³. «Родина и революция» – такова была политическая формула Савинкова. Какое место отводил он себе лично в ее осуществлении, сказать трудно. Не исключено, что, видя в Керенском «слабого политика», а в Корнилове – лишь «храброго солдата», он полагал, что при перемене ситуации сможет играть одну из самых ведущих ролей.

Реализация плана действий «триумvirата» была намечена на конец августа: 26-го должна была отмечаться полугодовщина Февральской революции. В правительстве имелись сведения, что в этот день большевики могут предпринять свою вторую (как в начале июля) попытку демонстраций и митингов с целью захвата власти Советами. Чтобы предупредить ее, предполагалось перебросить в окрестности Петрограда кавалерийские части, ввести военное положение на определенной территории и в случае необходимости произвести «зачистку» столицы, нанеся удар по большевистским организациям и частично по Советам. Это должно было позволить Временному правительству обрести полную самостоятельность и заняться созидательной деятельностью в стране.

22 августа Савинков по указанию Керенского прибыл в Ставку (Могилев) для уточнения задуманного плана. Уже сами условия, которые обсуждались Корниловым, другими генералами Ставки и Савинковым, действовавшим по поручению Керенского, обнаруживают расхождения в замыслах участников и исполнителей. Если границы вводимого для Петрограда и его окрестностей военного положения разногласий не вызвали, то этого нельзя сказать о других вопросах. Так, Савинков настаивал, чтобы 3-й конный корпус, намеченный для переброски в Петроград, вел кто-нибудь другой вместо его командира генерала А.М. Крымова. Этот боевой генерал, известный своими монархическими убеждениями, отличался особой решительностью: когда-то он доверительно сказал военному министру Гучкову, что берется за несколько дней «расчистить» Петроград от революционных организаций. Керенский, конечно, знал об этом. Крымова, как видно, побаивались: он мог так «зачистить» Петроград, что и существование самого Временного правительства во главе с Керенским оказалось бы под вопросом. Как свидетельствует Савинков, Корнилов обещал ему не посылать Крымова на Петроград во главе 3-го конного корпуса. Еще одно условие Керенского и Савинкова состояло в том, чтобы Кавказская туземная конная дивизия (в просторечье – «дикая»), сформированная из горцев Кавказа, не участвовала в движении на столицу. Они хотели заменить ее регулярной конницей. Здесь была тоже политическая причина: в Петрограде предстояли аресты и другие, возможно, еще более суровые репрессии, и Савинков не желал, чтобы впоследствии утверждали, будто русских громили и разгромили кавказцы. И с этим Корнилов согласился.

Принял Корнилов и требование Савинкова удалить из Ставки «Союз офицеров», переполненный реакционно настроенными офицерами и даже тайными заговорщиками против Временного правительства. Савинков выражал опасение, что эти люди оказывают давление на генералов Ставки и даже на самого Корнилова. «Союз офицеров» решено было перевести в Москву.

Согласовав все вопросы, Савинков уехал в Петроград.

А 26 августа развернулись поистине драматические события, решившие без преувеличения судьбу России. В них неожиданно вмешался бывший обер-прокурор Синода В.Н. Львов (в начале августа эта должность была упразднена). Мотивы этого вмешательства не совсем ясны до сих пор. Возможно, Львов являлся дружеским осведомителем Керенского. Возможно, какую-то роль сыграли их масонские связи. Возможно, Львов рассчитывал на возвращение во власть... Так или иначе, гораздо важнее то поистине потрясающее известие, которое Львов сообщил Керенскому: дескать, соглашение Керенского и Корнилова – фикция, а на самом деле в Ставке созрел генеральский заговор, цель которого – установление в России военной дик-

татуры во главе с диктатором Корниловым. Связавшись со Ставкой и поставив перед Корниловым в сущности провокационные вопросы, Керенский расценил его ответы как подтверждение сообщения Львова.

Все дальнейшее развивалось с калейдоскопической скоростью.

27 августа Корнилов официально был объявлен изменником. Войскам, уже изготовившимся к движению на Петроград, приказано было не двигаться. Верховным главнокомандующим Керенский назначил себя. Последовал ответ Корнилова: изменники не в Ставке, они в правительстве и Советах, которые его окружают. Войска должны выполнять ранее поставленную перед ними задачу – двигаться на Петроград. Выяснилось, что соглашения, достигнутые Корниловым и Савинковым в Ставке 22 августа, оказались пустой формальностью. Крымов не только не был отстранен от командования 3-м конным корпусом, но ему была подчинена и «Дикая» дивизия, и он стал командующим Особой Петроградской армией. «Союз офицеров» как находился в Ставке, так и остался в ней. Все это лишь подтверждало то, что говорил Львов Керенскому...

Сложилась редкостная ситуация. Части Особой Петроградской армии Крымова находились на подступах к столице и в соответствии с приказом Керенского не должны были двигаться дальше. Напротив, по приказу Корнилова они обязаны были продвигаться вперед.

Дезориентированные противоположными приказами, к тому же пропагандированные нахлынувшими из Петрограда антикорниловскими агитаторами правительства и Советов, части Особой Петроградской армии генерала Крымова уже не в состоянии были выполнить постановленную им задачу. Сам Крымов был вызван Керенским в Петроград, Керенский разговаривал с ним крайне резко, грозил судом. Вернувшись на квартиру, где он остановился, Крымов застрелился, написав предварительно Корнилову записку. Содержание ее неизвестно (Корнилов уничтожил ее), однако можно предполагать, что в ней он упрекал Корнилова в нерешительности.

Но в Петрограде еще не избавились от страха и даже готовились к возможным боям. Керенский назначил Савинкова генерал-губернатором столицы для руководства ее обороной. Впрочем, страх вскоре прошел. Корнилов был арестован в Ставке, части 3-го конного корпуса перевели в новые места дислокации. Нужда в генерал-губернаторе отпала, и Керенский сместил Савинкова с этого поста. Он, видимо, помнил, что именно Савинков являлся его «правой рукой» в назначении Корнилова верховным главнокомандующим и в разработке планов «наведения порядка» в армии и в тылу. Уход Савинкова с поста генерал-губернатора должен был, по замыслу Керенского, стать свидетельством того, что это он, Савинков, а не Керенский, – главное лицо, содействовавшее подъему корниловщины.

Эту позицию разделяло и эсеровское руководство. Лидер эсеров В.М. Чернов даже требовал ареста Савинкова, но дело ограничилось его исключением из партии эсеров.

В своих воспоминаниях о «деле Корнилова» Савинков выражал надежду на то, что будущий историк «определит меру ответственности» каждого из «строителей» корниловщины: самого Корнилова, премьер-министра Керенского и его, Савинкова. Со времени «корниловского мятежа» прошло более 90 лет, но историки все еще по-разному определяют эту «меру ответственности». Может быть, есть смысл разложить ее на всех троих? И если не поровну, то почти поровну?

Во всяком случае, оставшись друг без друга, они проиграли все. «Плохой политик», но «хороший солдат», Корнилов оказался в тюрьме, из которой бежал в ноябре 1917 г., а в марте 1918-го был убит при штурме Екатеринодара. Политический «мастер» Керенский, оттолкнув от себя столь необходимого ему «хорошего солдата» Корнилова, в октябре 1917 г. был свергнут большевиками и летом 1918 г. тайком покинул Россию. А Савинков... О нем речь впереди.

А что же бывший обер-прокурор Синода Львов – тот самый Львов, который по не вполне понятным мотивам, «взорвал» то, что долго готовилось Керенским, Корниловым и Савинковым, что могло повернуть весь ход событий 1917-го? Некоторые читатели, наверное, будут удивлены, узнав, что после захвата власти большевиками он эмигрировал, но в 1922 г. вернулся на родину и активно сотрудничал с Советской властью в проведении ее «богоборческой» политики.

Октябрь. Против большевиков

Вряд ли Керенский мог долго торжествовать победу над Корниловым, который, как Керенский, поверил Львову, намеревался устранить Временное правительство и установить собственную диктатуру. Скоро выяснилось, что с разгромом корниловщины Керенский потерял те силы, которые могли бы противостоять левым радикалам, прежде всего большевикам, в случае их действительной попытки свержения Временного правительства: ведь правый фланг политического фронта, ударную силу которого составляли главным образом военные, оказался им, Керенским, разрушен. Так, собственно, и произошло во время большевистского восстания 25–26 октября.

Савинков вспоминал, что 25-го к нему на квартиру приходили офицеры с сообщением о том, что большевики выступили, но предупреждали, что защищать Керенского их части не будут. На вопрос «почему?» офицеры, а затем и представители расквартированных в Петрограде трех казачьих полков отвечали, что Керенский умеет проливать казачью кровь (как это было в июле 1917 г.) и преследовать корниловское офицерство, но «бороться с большевиками не умеет».

На кого теперь мог опереться Керенский? Конечно, за него по-прежнему стояла революционная демократия – так называемые умеренные соци-

алисты (эсеры, меньшевики и другие), все еще находившиеся в Советах. Собственно, к ним он и обратился 24 октября, прибыв в Предпарламент (совещательный орган, созданный в сентябре 1917 г. на Демократическом совещании). Констатировав, что в Петрограде уже идет вооруженное восстание большевиков, он потребовал санкции на его подавление вооруженной силой. Но в принятой большинством резолюции он такой санкции не получил: меньшевики и эсеры отдавали предпочтение политическим методам борьбы с большевиками. Они предлагали без отлагательства объявить о готовности начать мирные переговоры с Германией, о передаче земли крестьянам, то есть, по сути перехватить большевистские лозунги и тем самым выбить почву из-под ног большевиков. Чем объяснялась такая «миролюбивость» умеренных социалистов по отношению к большевикам? Несмотря на все разногласия и даже вражду, все они происходили из одного лагеря, все претендовали на представительство рабочего класса и крестьянства. Многие разделяло их, но немалое и сближало, особенно в прошлом. Но не это было главным. Лидеры революционной демократии вполне допускали, что Керенский как верховный главнокомандующий все же сумеет найти на фронте и направить в Петроград несколько полков или дивизий, которые сделают то, чего не сумел сделать Корнилов.

Как бы там ни было, но большевики представляли собой крайне-левый, радикальный фланг революции, и разгром их неизбежно означал удар по революции вообще. Проще говоря, умеренные социалисты боялись правых больше, чем крайне-левых, большевиков. И это несмотря на то, что после провала корниловщины правые, консервативные силы были значительно ослаблены. Однако, как говорится, у страха глаза велики. Все это хорошо понимал Ленин, пугая меньшевиков и эсеров, вообще революционную демократию «второй корниловщиной».

Но предложения эсеров и меньшевиков из Предпарламента нейтрализовать и обезвредить большевиков посредством перехвата их политических лозунгов уже не удовлетворяло Керенского. На этот раз он, видимо, решил покончить с большевизмом, как ранее с корниловщиной. 24 октября он выехал из Петрограда на Северный фронт, чтобы собрать там войска для подавления восстания большевиков. В тот же день он прибыл Псков, в штаб главнокомандующего армиями фронта генерала В.А. Черемисова...

* * *

Тем временем Савинков предпринимал лихорадочные усилия в самом Петрограде. Будучи членом Совета Союза казачьих войск, он бросился разыскивать генерала М.В. Алексева, который после корниловского «мятежа» жил в Смоленске, но теперь приехал в столицу на заседание Предпар-

ламенты. Заседания не состоялось (большевики закрыли его), но Алексеев все еще находился в городе, и Савинкову удалось его разыскать.

По свидетельству Савинкова, они с Алексеевым решили попытаться занять Зимний дворец, в котором находилось Временное правительство. Это должны были сделать группы казаков и юнкеров военных училищ. План действий якобы наметил Алексеев. Но было уже поздно. Пока казаки и юнкера собирались, большевики взяли Зимний.

Существует, однако, и другая версия. Генерал Алексеев будто бы с самого начала отклонил предложение Савинкова, считая, что в Петрограде и его окрестностях практически нет сил, способных подавить большевиков. Он считал, что борьбу с ними надо теперь начинать с окраин, прежде всего с казачьих территорий, конкретно – с Дона.

Какая из этих версий верна, трудно сказать. Возможно, Алексеев поначалу и заинтересовался предложением Савинкова, но быстро понял, что оно вряд ли осуществимо и не следует понапрасну проливать кровь казаков и юнкерской молодежи. Еще в сентябре в Смоленске Алексеев начал создавать организацию, главная задача которой состояла в нелегальной переброске добровольцев, офицеров и юнкеров, в Донскую область, в Новочеркасск. Там предполагалось формирование Добровольческой армии, которая должна была с боями продвигаться в центр России, освобождая ее от большевиков.

Между тем все попытки Керенского в штабе Северного фронта организовать движение на Петроград хотя бы какой-то группы войск наталкивались на сопротивление главнокомандующего армиями фронта генерала Черемисова. Он то отдавал приказ войскам грузиться в эшелоны для движения на Петроград, то отменял их, не желая, по его словам, «вмешиваться в петроградскую передрагу». Причина такого поведения Черемисова не вполне ясна: может быть, как и многие другие военные, он не желал защищать Керенского; не исключено и то, что в душе Черемисов сочувствовал большевикам.

Не без труда комиссар Северного фронта В. Войтинский сумел сговориться с командиром 3-го конного корпуса генералом П.Н. Красновым (корпус был расквартирован в прифронтовой полосе) о том, что несколько казачьих сотен (примерно человек 600) пойдут против большевиков в Петроград. Об этом сообщили Керенскому, он тут же присоединился к Краснову.

Узнав, что красновские казаки уже достигли Царского Села, Савинков и его адъютант Флегот Клепиков решили немедленно пробраться к ним. Переодевшись в рабочую одежду, они сумели миновать красногвардейские патрули. Керенского в Царском Селе не оказалось: он по просьбе Краснова уехал в Гатчину. Краснов ждал подкреплений, но они не подходили, хотя Керенский обещал, что на помощь вот-вот подойдут части 33-й и 3-й Финляндских дивизий. Тогда Краснов приказал отойти в Гатчину и ждать подкреплений там.

Савинков пытался убеждать казаков во что бы то ни стало продолжать борьбу с большевиками, но председатель казачьего комитета есаул Ажогин прямо заявил ему, что если он приехал защищать и спасать Керенского, то его миссия напрасна. Ажогин сказал Савинкову и Клепикову, что казаки готовы предложить формирование правительства Г.В. Плеханову, который в это время жил в Царском Селе. Он просил Савинкова переговорить с Плехановым. Савинков ухватился за эту мысль. Переговоры состоялись, но результатов не дали. Впрочем, по версии Савинкова, Плеханов как-будто бы высказывался неопределенно.

– Что же, если казаки победят, Керенский на белом коне войдет в Петроград? – спрашивал он.

Савинков будто бы промолчал, и тогда Плеханов сокрушенно сказал:

– Бедная Россия!⁴

По другой версии Плеханов ясно и честно ответил отказом:

– Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату и не буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого!

Скорее всего Плеханов высказался именно так. В свое время он с уважением и симпатией относился к Савинкову как к революционеру, но весьма прохладно воспринимал его литературное творчество, особенно «Жонь бледный» и «То, чего не было». Это можно понять: не только эсерам, но, как видно, и меньшевикам была не по нраву савинковская критика высоких «партийных комитетчиков», считающих, что это они управляют революционными действиями масс⁵.

Вовлечь Плеханова в первую же схватку с большевиками Савинкову не удалось. Но стремясь обеспечить подкрепление для Краснова, он решил пробиться и пробился в Псков, в штаб Северного фронта. Там ему штабные офицеры дали понять, что Черемисов вряд ли отдаст четкий приказ о поддержке Краснова, а если Савинков будет настаивать, дело вообще может дойти до его ареста. И к Черемисову Савинков не явился.

Между тем красновские казаки быстро договорились с прибывшими в Гатчину большевиками Дыбенко и Трухиным об условиях перемирия: «красные» пропускают казаков на Дон, а большевики арестовывают Керенского, сохраняют свое правительство, но не включают туда Ленина и Троцкого.

– Плевое дело! – сказал Трухин. – О чем речь?⁶

Он и Дыбенко понимали, что всем договоренностям с красновскими казаками копейка цена, и на словах соглашались на все, лишь бы поставить окончательную точку в этом красновском походе. Казаков отпустили, генерала Краснова отправили в Петроград, где в Смольном взяли с него слово в том, что отныне он прекращает борьбу с Советской властью. Керенский, переодевшись матросом, сумел бежать из Гатчины на автомобиле. А что же Савинков?

Повстанец

Пока Савинков мотался между Царским Селом, Гатчиной и Псковом в надежде найти части, готовые сражаться с большевиками, генерал Алексеев перешел на нелегальное положение и готовился выехать из Петрограда на Дон. 30 октября в сопровождении верных ему людей под видом больного старика, которого везли в госпиталь, он приехал на Николаевский вокзал, сел в вагон. 2 ноября «больной старичок» прибыл в Новочеркасск. Там уже находились первые добровольцы, которые по призыву Алексеева сумели пробиться на Дон.

Формирование Добровольческой армии началось. Руководство распределили между тремя лицами. Донская армия находилась, как ей и положено, в подчинении донского атамана генерала А.М. Каледина. В командование армией вступил бежавший из Быхова Корнилов. Алексеев ведал иностранными и административными делами. Вслед за офицерами и генералами сюда, в Новочеркасск, потянулись и политики, главным образом, правого толка. Военные на многих приехавших смотрели косо. «Провалили все, а потом драпанули под защиту добровольцев и донцов», – такие речи постоянно можно было слышать в офицерской среде.

Политики образовали Донской Гражданский совет, который состоял в основном из общественных деятелей правого, консервативного толка (кадеты и правее их).

После провала похода Краснова – Керенского Савинков вернулся в Петроград. На конспиративной квартире член ЦК партии кадетов В.Д. Набоков сообщил ему, что в Новочеркасске идет сбор патриотических сил, там уже довольно много офицеров и юнкеров. Направляются на Дон и некоторые общественные деятели. Почему бы и Савинкову не направиться туда?

В Новочеркасск Савинков поехал совместно с бывшим комиссаром 8-й армии В. Вендзягольским (Клепиков выехал отдельно). Он сумел достать польские паспорта, и благодаря им к концу ноября 1917 г. Савинков и Вендзягольский благополучно добрались до Новочеркасска. По-видимому с «благословения» Алексеева Савинкова ввели в состав Гражданского совета. Однако его участие и деятельность там не всем пришлась «по вкусу». Савинков доказывал, что состав Гражданского совета следует «демократизировать», то есть включить в него хотя бы несколько представителей демократических сил. Это, по его мнению, поможет расширить общественную базу добровольцев, привлечь на их сторону казаков. Споры по этому вопросу шли довольно долго. В конце концов в Совет включили еще четырех человек: «независимого социалиста» донца Агеева, председателя Крестьянского союза Мазуренко, Вендзягольского и утвердили Савинкова.

Программа Гражданского совета состояла из нескольких пунктов: борьба с Советами под лозунгом Учредительного собрания, передача земли кре-

стьянам, верность союзникам по Антанте до полной победы над Германией, решительное непризнание Брестского мира. Все это было зафиксировано и распространялось в виде газетных статей и листовок. Но среди добровольцев было немало монархистов, а также выходцев из среды помещиков и предпринимателей, которые рассматривали программу Гражданского совета как некую обязательную формальность. Главное, считали они, сбросить большевиков, «а там посмотрим»...

Однако «реформа» Гражданского совета не вызвала энтузиазма в добровольческой массе. Наибольшее раздражение вызывал, пожалуй, Савинков. Многие офицеры-монархисты хорошо помнили его, по их мнению, двойственное поведение в «деле Корнилова». По свидетельству одного из мемуаристов (и самого Савинкова), на него в Новочеркасске «была организована правильная охота с целью убийства». Лишь приказание Алексеева и Корнилова предотвратило террористическое покушение на бывшего террориста. А через несколько дней Савинков покинул Новочеркасск и выехал в Петроград. Алексеев, видимо, решил, что если Савинкова и не убьют, то пользы от него здесь, на Дону, будет немного. А вот в центре, в Петрограде или Москве...

Добровольческой армии необходимы были опорные пункты в Центральной России. Они должны были стать базами, обеспечивающими переброску добровольцев на Дон, а при благоприятных обстоятельствах и поднять восстание против Советской власти. Кроме того, в Новочеркасске могли учитывать, что длительная эмиграция Савинкова и его служба во французской армии во время 1-й мировой войны, а потом участие во Временном правительстве могли способствовать налаживанию связей с иностранными дипломатами и агентами, в частности с французским послом Нулансом. Короче говоря, Алексеев и другие руководители Добровольческой армии, по всей вероятности, посчитали, что Савинков, находясь в центре, явится вполне подходящей фигурой для выполнения задач, весьма важных для добровольцев и донского казачества. Перед отъездом из Новочеркасска, как свидетельствует Савинков, Алексеев выдал ему соответствующий мандат для установления контактов с подпольными офицерскими организациями.

Савинков прибыл в Петроград, а затем в Москву в конце зимы 1918 г. Пользуясь документами, выданными Алексеевым в Новочеркасске, он вскоре разыскал в Москве подпольную группу, руководители которой уверяли, что они располагают организацией в несколько сотен офицеров. Однако при ближайшем знакомстве выяснилось, что эта группа не разделяет основных программных положений Донского Гражданского совета. Ее лозунгом было восстановление монархии, и во имя его осуществления она вошла в связь с германскими представителями, находившимися в Москве на основании

Брестского мирного договора. Германофильство было неприемлемо для добровольцев, являвшихся твердыми антантофилами, и Савинков прекратил контакты с этой группой. В своих воспоминаниях он не называет ее, но можно предполагать, что речь шла о «Правом центре».

По некоторым сведениям, выполнив данные ему поручения, Савинков собирался вернуться на Дон. Но там к этому времени обстановка изменилась: красные войска вынудили Добровольческую армию оставить Ростов и уйти на Кубань. Но в конце марта под Екатеринодаром она была почти разбита, Корнилов погиб. В мае на Дону к власти пришел атаман П.Н. Краснов, дававший большевикам слово, что не будет воевать против Советской власти. Краснов проводил германофильскую политику, был фактически марионеткой в руках немцев, занявших Украину и юг России. Для Добровольческой армии, которую теперь по степям вел генерал А.И. Деникин, красновская политика была неприемлемой. Неприемлемой она была и для Савинкова. Возвращение на Дон становилось невозможным, да и связь с добровольцами была утеряна.

В мае же 1918 г. на всем протяжении Транс-Сибирской железной дороги неожиданно вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. Состоявший в основном из военнопленных славян австро-венгерской армии, корпус формировался на Украине. Его командование и политическое руководство выражало готовность воевать с Германией. После Октябрьской революции Советская власть согласилась, чтобы корпус по Транс-Сибирской дороге был переброшен на Дальний Восток, а оттуда морем на Западный фронт. Эшелоны корпуса двигались медленно и растянулись от Пензы до Владивостока.

Трудно сказать, что конкретно послужило «фитилем» для вспышки мятежа в Чехословацком корпусе. Возможно, сыграла роль чистая случайность: столкновение чехословаков с немецкими пленными, находившимися в эшелонах на станции Челябинск. Но не исключено, конечно, что мятеж был спровоцирован антантовскими и русскими антибольшевистскими агентами с целью воссоздания Восточного (антигерманского) фронта. Так или иначе, представляется совершенно непродуманным приказ наркомвоенмора Троцкого, по которому от местных Советов требовалось немедленно разоружить корпус. Отдать такой приказ было легко – выполнить его оказалось невозможным. Местные Советы были крайне слабы, и чехословацким солдатам, отлично вооруженным и обученным, не составляло особого труда просто смести Советскую власть с политической арены на огромной территории от Волги до Приморья.

Под прикрытием Чешского Национального совета (социалистического) в ряде городов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока в мае–июне 1918 г. образовали эсеровские правительства. Наиболее значительными были Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) с центром в Самаре и Временное Сибирское правительство с центром в Томске. Поскольку именно Комуч соприкасался с советской территорией, он поспе-

шил создать свои вооруженные силы – Народную армию. К ней примкнули отряды бывших царских офицеров (В.О. Каппеля, А.С. Бакича и других).

Конечно, эти и другие офицеры с радостью встали бы под монархические знамена, но их пока никто не поднимал. Приходилось вставать под те, которые были, – право-эсеровские. Лишь бы сражаться с большевиками!

Известие о чехословацком восстании и падении Советской власти на огромной территории от Волги до Дальнего Востока заставляло Савинкова торопиться с созданием собственной организации. Москва, куда Советское правительство переехало в марте 1918 г., была переполнена офицерами, демобилизованными или просто покинувшими фронт. Имя Савинкова как врага большевиков было хорошо известно, и поэтому желающих вступить в его организацию было множество. Принимались практически представители всех партий. Главное условие – готовность сражаться с большевиками.

Поэтому, например, во главе военных сил стоял генерал-монархист Рачков, начальником штаба был конституционный монархист полковник А.П. Перхуров, возглавлял организацию «независимый социалист» Савинков и т.д. Савинков утверждал, что к весне 1918 г. организация насчитывала около 6 тыс. человек, рассредоточенных в Москве и других городах. Об этом он сообщил на Дон Алексееву, назвав свою организацию Союзом защиты Родины и Свободы (СЗРиС). Алексеев одобрил деятельность Союза и установил с ним связь, которая шла секретными путями.

* * *

Савинковский Союз весной–летом 1918 г. не был единственной анти-советской организацией. Кроме германофильского «Правого центра», в антисоветском подполье существовали «Левый центр» (впоследствии – «Союз Возрождения») и «Национальный центр». Блок с «Левым центром» Савинков отверг так же, как и с «Правым», но по иной причине. Если в «Правом» преобладали монархисты, то в «Левом центре» – эсеры, частично меньшевики и левые кадеты. Такой слишком левый политический состав не устраивал ни самого Савинкова, ни добровольцев.

Зато с кадетским и правокadetским «Национальным центром» савинковский Союз тесно взаимодействовал. При его помощи и поддержке СЗРиС начал подготовку к антисоветскому восстанию. Оно должно было произойти не в Москве, так как руководство СЗРиС и «Национального центра» справедливо учло, что в случае их угрозе Москве, ее могут быстро занять германские войска: немцы не захотят, чтобы в Москве власть перешла к антантофильскому правительству. Восстание решено было поднять в Ярославле, Рыбинске и Муроме – верхневолжских городах, отдаленных от расположения германских войск.

Наибольшее значение придавалось Рыбинску, так как там были сосредоточены большие запасы оружия и боеприпасов.

Выступления савинковцев в верхневолжских городах диктовались как стратегическими, так и политическими расчетами.

Захват Верхней Волги расширял территорию, уже подконтрольную чехословакам и Народной армии Комуча. Они в случае объединения выходили на прямое и короткое направление к Москве. Но это не все. Французский посол Нуланс заверил Савинкова, что если его выступление в регионе Верхней Волги окажется успешным, на соединение с ним из Архангельска двинется союзный десант. В результате мог образоваться антибольшевистский фронт от чехословаков и Комуча в Самаре до Верхней Волги и Архангельска.

Однако осуществить задуманное и спланированное не удалось. Как раз в Рыбинске, а потом и в Муроме Красной армии и чекистам удалось быстро подавить восстания. Уже в первый же день восстания – 8 июля – тут все было кончено.

Но Ярославль держался стойко. Восстание здесь началось 6 июля. В обращении созданной восставшими городской управы говорилось: «Перст истории избрал наш город, и нужно верить, что Бог спасет нашу Родину...» Повстанческое ядро составляли офицеры, но к ним почти сразу присоединилась часть городского населения и даже крестьяне ближайших деревень. Командовал повстанческими отрядами полковник Перхуров – энергичный и талантливый офицер. Произошло почти невероятное: в центре Советской России более двух недель (до 21 июля) держался целый большой город, власти которого отменили все большевистские установления, провозгласили экономическую свободу, гражданские права. И это случилось в то время, когда Советская власть, по словам Ленина, переживала чуть ли не самые свои худшие, черные дни. Чехословаки, Народная армия Комуча и войска Временного Сибирского правительства успешно дрались на Урале и Волге. После поражения на Кубани быстро восстанавливалась и крепла Добровольческая армия. На Севере высадились войска Антанты. 6 июля в Москве вспыхнул левозсеровский мятеж.

Большевики бросили на подавление Ярославского восстания крупные силы. Но только тогда, когда они применили артиллерию и даже авиацию (!), выявилось неравенство сил. Когда последние повстанцы покидали город, многие его районы лежали в развалинах.

Примечания

¹ Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 561.

² Там же. С. 562.

³ Гиппиус З. Петербургские дневники, 1914–1919. Н-Й; М., 1990. С. 143.

⁴ Борис Савинков на Лубянке. С. 120–121.

⁵ Тютюкин С. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 353.

⁶ Войтинский В. 1917-й: Год побед и поражений. М., 1999. С. 267–269.

«КРАМОЛА НА КУБАНИ»: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА (1919 г.)

Зародившаяся летом 1918 г. конфронтация между командованием Добровольческой армии и казачьими властями Кубанского края привела осенью 1919 г. к драматической развязке – разгрому Кубанской краевой рады. Экономическая подоплека этой политической конфронтации была тогда очевидна многим. Так, офицеры кубанских частей ясно осознавали, что Кубань – «главная база экономических ресурсов для всей Добровольческой армии»¹. Однако современные авторы либо игнорируют эту экономическую подоплеку, либо просто не понимают².

Расчеты кубанского ведомства финансов, торговли и промышленности на 1919 г. показывали, что Кубань за счет вывоза сельскохозяйственных продуктов вполне могла бы жить с бездефицитным бюджетом. Однако это не позволяли «чрезвычайные», то есть вызванные войной, расходы – на проведение мобилизаций, содержание кубанских запасных частей, снабжение ВСЮР зерном, продовольствием и фуражом. Они доводили бюджетный дефицит до 30–40 %, а покрывать его было нечем³.

Управление интендантского снабжения ВСЮР ежемесячно выставляло кубанскому краевому ведомству продовольствия и снабжения наряды на поставку в армию хлебных и других продуктов, постоянно увеличивая их объемы. Так, расчетная потребность ВСЮР на июнь составила более 1,5 млн пуд. хлеба, которые управление разверстало между Кубанью и Ставропольской губернией – соответственно 60 % и 40 %. А Военное управление ВСЮР, согласно договоренности между Особым совещанием и кубанским правительством, должно было оплачивать эти заготовки.

Однако Военное управление не переводило деньги, а высылало ассигновки. Получить же по ним наличные дензнаки зачастую было невозможно из-за их отсутствия в Кубанском краевом отделении Госбанка. В итоге расчет происходил с перебоями, с большим опозданием. Долг ВСЮР перед Кубанью рос безостановочно, счет уже пошел на десятки миллионов рублей. Выходило, что Кубань снабжает продовольствием и армии ВСЮР, и городское население занятых центральных губерний в основном за счет своего краевого бюджета.

Ведя закупки в соответствии с полученными нарядами, краевое ведомство продовольствия и снабжения расплачивалось с казаками и крестьянами по «твердым» ценам, которые были в несколько раз ниже рыночных. Что еще хуже – часто вынуждено было выдавать вместо денег квитанции. Фактически отбирая у них зерно, скот и продовольствие, оно не в состоя-

нии было доставить им остро необходимые мануфактуру, обувь, металлоизделия, уголь, керосин и т.д.

Кроме того, Особое совещание добивалось у кубанского правительства разрешения производить заготовки через российские торговые фирмы, являвшиеся комиссионерами Управления интендантского снабжения и Управления продовольствия ВСЮР. Работая на полученные от тех щедрые кредиты, частные торговцы платили казакам и крестьянам по ценам выше «твердых». Но и в этом случае хлеборобы не могли купить нужных им промтоваров за быстро дешевающие дензнаки.

Самыми разорительными были реквизиции лошадей, продовольственного и фуражного зерна, проводившиеся в крае ремонтными (по пополнению конского состава) и реквизиционными комиссиями ВСЮР. По выданным ими квитанциям расплачиваться с хозяевами приходилось кубанским властям – опять же за счет средств краевого бюджета.

Такой порядок заготовок разорял казаков и крестьян, вызывал их сильнейшее недовольство. А кубанские власти особенно раздражало то, что у Особого совещания не находилось денег для расчета с ними за поставки, зато частным скупщикам-комиссионерам «авансы раздавались щедрой рукой». Тем более что немалую часть закупленного зерна комиссионеры везли не в Ростов и Царицын, а в Новороссийск – явно не для действующей армии, а для частного экспорта.

Сохранение такого порядка заготовок при расширении территории «Доброволии», развертывании ВСЮР и обесценении бумажных рублей грозило Кубани исчерпанием товарных запасов и разорением в самом скором времени. Не считаясь с этим, Особое совещание стремилось получить с Кубани как можно больше продовольствия, фуража и сырья, чтобы улучшить снабжение войск и населения, увеличить экспорт. Требования Управления интендантского снабжения ВСЮР постоянно росли. Кубанское правительство пыталось убедить Особое совещание, что оно не состоянии удовлетворить их, ссылаясь и на неполучение денег, и на острую нехватку вагонов и мешков. Однако в ответ слышало одно: «Вы должны выполнять, а не рассуждать».

Случалось, что кубанские пограничники отказывались выпускать из края продовольствие, закупленное частными фирмами. Тогда интенданты ВСЮР отправляли с Кубани в Черноморскую губернию поезда с продовольствием в сопровождении охраны, чтобы гарантировать их прохождение через пограничные и таможенные посты – «рогатки»⁴.

«Линейское» правительство Ф.С. Сушкова в сфере закупок для армии и внутренней торговли хотя и протестовало периодически, уступало нажиму Особого совещания. И позволяло крупным российским фирмам проводить закупочные операции в крае более или менее свободно. И для тех «твер-

дые» цены на сельскохозяйственную продукцию, разрешительная система вывоза сырья и требование ввоза эквивалентного количества промтоваров становились формальностью.

Сформированное в мае «черноморское» правительство П.И. Курганского попыталось изменить ситуацию. Управляющий ведомством финансов, торговли и промышленности инженер В.Н. Иванис стал добиваться компенсационной торговли по провозглашенному им принципу: «ни один фунт наших товаров не может быть выпущен из нашего края без возмещения их товарами, в которых нуждается население». В обмен на продовольственное зерно и жиры он рассчитывал получить необходимые промтовары и топливо. Он перестал пускать в край комиссионеров управлений ВСЮР, указывая на то, что под видом заготовок для армии они скупают зерно для экспорта и спекуляций. И наконец, начал решительно требовать перевода денег на заготовки.

В августе Иванис пригрозил прекращением заготовок, и этот крайний шаг подействовал. Кубанское правительство делегировало в Таганрог управляющего ведомством продовольствия и снабжения И.П. Тимошенко – для личных переговоров с главкомом. А.И. Деникин принял его, выслушал и обещал принять меры – перевести деньги, подать вагоны и прислать мешки. 17 сентября от него пришло письмо с уведомлением, что Кубани ассигновано 25 млн руб. Военное управление ВСЮР стало частями возвращать долг кубанскому ведомству продовольствия и снабжения.

Иванис отдавал себе отчет: он ведет Кубань против интересов «Доброволии» и российских предпринимательских кругов, обостряет отношения между кубанским правительством и Особым совещанием. Но другого способа предотвратить разорение края он не видел. За его позицией стояли чаяния хлеборобов – кубанских казаков и крестьян, которые, лишаясь продуктов своего труда, не могли купить на рынке необходимые промтовары из-за их отсутствия либо из-за страшной дороговизны. На их поддержку он делал ставку.

Крупные российские фирмы решительных мер Иваниса не испугались. Имея хорошие связи с чиновными верхами, они были уверены, что Особое совещание вот-вот добьется ликвидации «рогаток», а потому щедро раздавали взятки местным властям и скупали хлеб, платя по ценам выше «твердых» или обменивая их на спирт и промтовары. С особым размахом действовала фирма Молдавского, известного на Белом юге крупного дельца. Разъезжая в своем вагоне, он руководил заготовками, имея на руках наряды интендантства Донского войска. Его агенты как никто были щедры на взятки.

Это позволило российским фирмам в течение лета создать на Кубани сеть сыпных пунктов и складов, скупить за дешевающие «керенки» 2 млн пуд. табака, миллионы пудов пшеницы, ячменя, жиров и т.д. Теперь они дожида-

лись ликвидации «рогаток», когда появится возможность вывезти все закупленное на Дон, Терек, «добровольческую» территорию и за границу⁵.

Но не только российские фирмы жаждали получить полную свободу вывоза продовольствия и сырья с Кубани, но и тесно связанные с ними кубанские торговцы. Напротив, те из кубанских предпринимателей, кто имели большой опыт торговли с Закавказьем, стремились именно туда экспортировать продовольствие, а оттуда импортировать нефтепродукты и заграничные промтовары. С их точки зрения, не Дон, Терек и «Добровольия», а Грузия и Батумская область были оптимальными торговыми партнерами.

«Черноморцы», со своей стороны, отстаивая «самостийность» Кубанского края, стремились опереться не только на Украину – «старшую сестру» Кубани, – но и на Грузию. Это диктовалось как выгодами традиционных экономических связей с Закавказьем, так и близостью политических взглядов – демократических и республиканских. Поэтому они поддерживали экспортно-импортные операции кубанских торговых фирм с Закавказьем. Но чтобы те могли скупать сельскохозяйственное сырье по выгодным для производителей ценам, дешево транспортировать его и обратно импортировать много недорогих промтоваров, необходимо было резко сократить заготовки на армию, овладеть находящимися в «добровольческой» Ставропольской губернии узлами железнодорожных магистралей, а главное – крупным и хорошо оборудованным портом Новороссийск, который через Черное и Средиземное моря связал бы Кубань со всеми мировыми рынками. И чем дальше на север уходил фронт, тем сильнее будоражила души и умы «черноморцев» самая сокровенная мысль: «округлить» Кубань за счет присоединения к краю части Ставропольской губернии и дележа с «союзницей» Грузией Черноморской губернией.

Так экономические условия и интересы кубанских казаков-сельхозпроизводителей, части предпринимателей и политиков-«черноморцев» толкали Законодательную раду и краевое правительство к попыткам избавиться от тяготы снабжения ВСЮР (на чем настаивали «черноморцы») или хотя бы облегчить им условия и уменьшить объемы (что предлагали «линейцы»). Именно в этом видели они способ избежать полного разорения, а также людских потерь, вызываемых войной и затратами на комплектование и снабжение ВСЮР, идущих «походом на Москву».

Но прекратить оплачивать за счет Кубани войну «Добровольии» против «Совдепии» можно было одним-единственным путем – добиться политической, военной и экономической «самостийности», «незалежности» от главного командования ВСЮР и Особого совещания. И чем громче звучал в ушах добровольцев «малиновый звон московских сорока сороков», тем жарче грели «черноморцам» душу несбыточные мечтания: если добиться от Антанты признания «незалежности» Кубани – удастся заключить мир с

«Совдепией», а там и избавиться от тягот и унижений вынужденного союза с Добровольческой армией.

А Ставка ВСЮР все требовала и требовала новых жертв для продолжения борьбы, конца и края которой кубанцы не видели.

В июле возникли перебои с поставками хлебопродуктов и фуража с Кубани интендантству Кавказской армии. Начальник снабжений армии генерал П.Э. Вильчевский ежедневно телеграфировал главному начальнику снабжений ВСЮР и кубанскому правительству о «крайней нужде армии в хлебе, доходящей до катастрофического положения». Приказав выдавать по фунту хлеба в день, он с возмущением докладывал командующему армией генералу П.Н. Врангелю, что не только нет подвоза, но никто даже не отвечает на его запросы⁶.

Сам Врангель постоянно жаловался, и устно, и письменно Деникину. И на то, что Кубань не поставляет в его армию достаточного количества продовольствия, и на то, что его армия не получает кредиты, а посему его «орлы», в отличие от бойцов других армий, сражаются «голодные».

В начале августа главнокомандующий запросил по этому поводу начальника Военного управления генерала А.С. Лукомского, идейно близкого и дружественно расположенного к Врангелю. Тот доложил, что Кавказская армия требует довольствие на весьма большое число людей: в июле – на 80 тыс., в августе – на 110 тыс. Хотя ее боевой состав не превышает 15 тыс.⁷ То есть выяснилось, что Вильчевский – с ведома, а то и по приказанию Врангеля – требует снабжение в размерах, в 5–7 раз превышающих реальные потребности армии.

Тимошенко в ответ на обвинения заявил, что фронт снабжается Кубанью «вполне». И в доказательство привел данные: за май 1919 г. было отпущено провианта сверх нормы на 29 вагонов, за июнь – на 63 вагона.

В конце октября на заседании Краевой рады он сообщил, что с 1 января по 1 октября 1919 г. его ведомство отправило в адрес Управления интендантского снабжения ВСЮР более 1,5 млн пуд. разных продуктов на сумму 47 млн 275 тыс. руб. Кроме того, в адрес интендантства Донского войска – 1 млн 847 тыс. пуд. на сумму 59 млн 475 тыс. руб. Из всего количества, отправленного интендантствам, мясные продукты составили 134 128 пуд. на сумму 18 287 125 руб. Наконец, по нарядам Управления продовольствия ВСЮР – 300 тыс. пуд. продуктов на сумму 30 млн. руб. Продукты доставлялись по «твердым» ценам, а не по рыночным: «твердая» цена за 1 пуд пшеницы составляла 45 руб., а за 1 пуд фуражного зерна – 25 руб., тогда как рыночные цены были в 2,5–3 раза выше.

При этом Тимошенко посоветовал на то, что, отпуская продукты, его ведомство лишено возможности проверять составляемые интендантствами наряды под предлогом охранения военной тайны. А также контролировать

отправку отпускаемых продуктов в армию с того момента, как они переданы в магазины Кавказской армии, находящиеся на территории Кубани, либо вывезены за ее пределы. По сути он намекал, что часть продуктов разворовывается. И именно в отсутствии «возможности контролировать, попадает ли в армию то, что мы посылаем», он видел причину того, что на фронте «казаки едят испорченную ячменную муку, а лошади гибнут от бескормицы»⁸.

Между тем Деникин и его ближайшие сотрудники видели в хозяйственной «лоскутности» занимаемой территории, в возрождении казачьими властями «порядков средневековья» едва ли не главную причину роста дороговизны, спекуляции и взяточничества, перебоев в снабжении армии и населения, трудностей закупок сырья для экспорта.

Казачьи же правители справедливо опасались, что снятие «рогаток» позволит частным торговцам скупить на Дону и Кубани львиную долю сельскохозяйственного сырья за бумажные рубли, вывезти ее за границу, а привезенные оттуда промтовары продать в «Доброволии». И тогда казаки, лишившись продуктов своего труда, останутся и без промтоваров, а лишь с быстро дешевеющими дензнаками.

Ввиду непримиримости кубанских властей в августе Управление торговли и промышленности ВСЮР организовало совещание с представителями донского правительства по поводу отмены «рогаток», решив попытаться хотя бы с Доном урегулировать этот таможенный конфликт, значительно осложнявший снабжение войск. Абстрактное понимание того, что «рогатки» душат внутреннюю торговлю и обостряют продовольственный кризис, было у обеих сторон. Но столкновение конкретных интересов оказалось слишком серьезным. Совещание затягивалось, и ход его скорого успеха не предвещал⁹.

Донское правительство соглашалось отменить все стеснения торговли на территории Дона, но только «на началах взаимности», имея в виду, что так же поступит и кубанское правительство. Кадетская «Свободная речь», выражая интересы российских предпринимателей, писала, что Дону и Добровольческой армии надо объединиться против Кубани, которая сотрудничает с «грузинскими полубольшевиками», тем более что с окончанием уборки хлеба «отпал главный козырь кубанских самостийников»¹⁰.

Деникин остро переживал свое бессилие в борьбе с «рогатками». В письме Врангелю от 10 августа, согласившись, что снабжение «хромает», он прямо признался: «Вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостийности Кубани – выше моих сил»¹¹.

Между тем из губерний, находящихся под управлением главного командования ВСЮР, свободно, без всяких разрешений, сборов и эквивалентного обратного ввоза на Дон и Кубань вывозились сельскохозяйственное

сырье и промышленная продукция. Да и не имело смысла регулировать внешнюю торговлю, устанавливать ввозные и вывозные пошлины при наличии двух «отдушин» – донского порта Таганрог и кубанского порта Ейск. Из Таганрога донские учреждения и предприниматели вывозили за границу не только товары донского происхождения, но и те, что они закупили и вывезли с «добровольческой» территории, где их экспорт был запрещен. Так, с Дона в Константинополь вывозился антрацит, тогда как по всей Новороссии водо-электрические станции стояли из-за отсутствия угля и города, даже Одесса, оставались без света и воды. Донское и кубанское правительства утверждали казенные и частные договоры на вывоз хлеба в Грузию, а в соседней «добровольческой» части Черноморской губернии остро не хватало продовольствия. Сильнейшее раздражение у Деникина и Особого совещания вызвали три договора, заключенные между кубанским и грузинским правительствами о поставке зерна в Грузию¹².

До мировой войны основными районами производства пшеницы на экспорт были Кубань и Украина. Теперь на Украине не прекращались военные действия, много хлеба вывезли немцы, а взять оставшийся мешало широко разлившееся повстанческое движение. По производству животных и растительных жиров Кубань всегда занимала первое место в России и лишь в производстве подсолнечного масла с ней могла соперничать Воронежская губерния, где теперь шли бои. Так что Кубань осталась и единственной житницей ВСЮР, и единственным экспортером.

В крае, по сведениям кубанского ведомства финансов, торговли и промышленности, урожай хлебов в 1919 г. составил: озимой пшеницы – 64,5 млн пудов, яровой пшеницы – 32,2 млн, ржи – 2,6 млн, ячменя – 55,5 млн, кукурузы – 16,2 млн, овса – 8,1 млн, картофеля – 23,5 млн.¹³ Из одного только урожая 1919 г. можно было вывезти 26,4 млн пудов пшеницы, 22,9 млн пудов ячменя, 8,7 млн пудов кукурузы и 2,1 млн пудов картофеля. А с учетом запасов, оставшихся от прошлых лет, Кубань располагала вывозным хлебом от 80 до 100 млн пудов. Кроме того на Кубани хранился запас в 13,2 млн пудов семян подсолнечника, а также вывозные запасы табака в 2 млн пудов, поташа в 2 млн пудов и шерсти в 75 тыс пудов¹⁴.

Так в силу и объективного «расклада» хозяйственных богатств на Белом юге, и действий казачьих властей «самостийная» Кубань, а вместе с ней и Дон стали мощными конкурентами «Доброволии» на внешнем рынке. Лишая Особое совещание возможности полноценно снабжать войска и население центральных губерний за счет внутренних закупок и экспортно-импортных операций, они попутно подрывали введенную Деникиным экономическую блокаду Грузии.

Приближение фронта к Москве и «расклад» хозяйственных богатств не оставляли Деникину выбора: начать ликвидацию «рогаток» и свободы

внешней торговли нужно именно с Кубани, и начать как можно скорее. Но в Ставке ВЦИОР и Особом совещании все понимали, что этого не сделать без изменения «конституции» края и отстранения от власти лидеров «черноморцев». Путь видели один – упразднение Законодательной рады. Генералы готовы были использовать силу, чтобы «прикрыть эту лавочку», но повода, и повода убедительного, дабы не разложить кубанские части «прикрытием» органа «казачьего народоправства», все никак не подворачивалось. Поэтому решено было первый удар по Кубани, а попутно и по Дону с Терекком нанести экономическими средствами.

В середине сентября Особое совещание приняло решение запретить свободный вывоз товаров «из территории Добровольческой армии» в казачьи области: только с разрешения и не иначе как при условии обратного ввоза равного по ценности товара. Так и «добровольческая» территория оказалась огражденной таможенными заставами. А в Керченском проливе был поставлен кордон, без разрешения которого суда не могли выйти в Черное море¹⁵.

19 сентября Управление торговли и промышленности ВЦИОР телеграммой отправило приказ Управлению Владикавказской железной дороги прекратить прием грузов на территории Кубани без его разрешения. Текст, похоже, намеренно был составлен так неясно, что его можно было истолковать как полное запрещение перевозки грузов внутри Кубанского края. Одновременно Управление продовольствия распорядилось о запрещении ввоза на Кубань продуктов питания. Перевозки моментально замерли, грузы останавливались там, где их застала телеграмма, прекратилась погрузка даже на станциях внутри края. Среди торговцев начался переполох, они взвинтили цены. А в печати появились сообщения о введении главным командованием ВЦИОР блокады Кубани.

Иванис срочной телеграммой запросил начальника Управления торговли и промышленности В.А. Лебедева, распространяется ли это распоряжение на железнодорожные станции внутри края, на грузы, идущие из Донской и Терской областей, на грузы, идущие по ранее заключенным договорам, на товары, идущие из-за границы через Новороссийский порт¹⁶. Иванис хотел дать понять Лебедеву: распоряжение его управления настолько нелепо, что в равной степени наносит ущерб как Кубани, так и «Добровольии».

Ответом стала телеграмма Лукомского, возглавившего к тому времени Особое совещание, кубанскому правительству. Он указал, что уже год главное командование стремится к экономическому объединению юга России и уничтожению «таможенных рогаток» «между отдельными автономными областями и территорией, находящейся под управлением главнокомандующего». Но поскольку все усилия оказались напрасными, оно «сочло необходимым применить в отношении вывоза из территории Доброволь-

ческой армии те же меры, которые давно применяются Кубанью, Доном и Терекком», то есть разрешить вывоз не иначе как при условии обратного ввоза равного по ценности товара. Указал он и на то, что донское правительство выпускает «за границу и в Закавказье» такие товары, которые оно свободно получало с территории Добровольческой армии, в то время как Управление торговли и промышленности не разрешило вывоз тех же товаров за границу ввиду острой потребности в них армии и населения. Все эти меры он назвал вынужденным «применением тех же начал, которые уже свыше года систематически применяются краевыми правительствами, и в особенности Кубанью, с той, однако, разницей, что никаких «регистрационных» или иных сборов с товаров Добровольческая армия не взимает». Наконец, указав, что «таможенные рогатки» препятствуют торговле и правильному снабжению промышленности сырьем, вызывают повышение цен и порождают спекуляцию, он заявил о готовности вместе с казачьими правительствами одновременно отменить все запреты на вывоз товаров «на началах взаимности»¹⁷.

Донское правительство как раз снаряжало несколько торговых экспедиций, которые должны были экспортировать с Дона антрацит, продовольственное зерно и железо, а на вырученную за границей валюту закупить и импортировать нужные населению промтовары. Два парохода, уже погруженные, готовы были выйти из Таганрога, грузились еще четыре.

Первые два были задержаны добровольческим кордоном в Керченском проливе. Донское правительство обратилось к Лебедеву с «предложением» пропустить их. 25 сентября тот ответил, что задержанные пароходы должны быть направлены в Одессу, Николаев или Херсон, так как юг России нуждается в угле и железе, и что вообще вывоз антрацита с Дона не может быть допущен. Когда же донское правительство обратилось по этому поводу в Особое совещание, Лукомский сообщил, что Междуведомственная экспортная комиссия отменит разрешительную систему, если Дон уберет свои таможенные границы. Круг принял по этому поводу недовольную резолюцию: до соглашения о едином органе регулирования экспорта Особое совещание не должно препятствовать пропуску пароходов через пролив.

Только через две недели после введения блокады, в начале октября, Управление торговли и промышленности ВЦИОР потрудились разъяснить, что ввоз товаров на Кубань разрешен лишь после вывоза из нее эквивалентного количества товаров¹⁸.

На блокаду «черноморцы» ответили активной печатной пропагандой и устной агитацией в станицах. Они сконцентрировали ее на близких каждому казаку хозяйственных бедах, свели к коротким, но «берущим за душу» формулам. Дескать, мануфактура и прочие промтовары так дороги – из-за блокады Кубани. Хлеб так дорог – из-за намерения Особого совещания от-

дать весь урожай Антанте в уплату за снабжение. Кубанские полки и батальоны плохо снабжаются потому, что все снаряжение идет в добровольческие части: «кубанцы босы и голы, тогда как добровольцы, даже пленные большевики, ходят в отличном английском обмундировании». Войск на фронте не хватает потому, что кубанские части заставляют проливать кровь в борьбе с «дружественными кубанцам горцами Дагестана и Чечни, с родственными им украинцами Петлюры». Основной удар критики наносился по Особому совещанию. Деникина задевать опасались: казаки еще помнили, кому они благодарны за избавление от большевиков.

В ответ «линейцы» обвинили «черноморцев» в том, что это именно они своей «самостийностью» довели Деникина и Особое совещание до столь болезненной меры, как блокада. А «добровольческие» газеты набросились с новыми нападениями на «парламентариев в черкесках», обвиняя их в «измене казачеству и России».

Вспышка пропагандистской войны имела неожиданно большой эффект, поскольку блокада вызвала негодование и кубанских предпринимателей, и казаков-хлеборобов. В зависимости от своих материальных интересов, политических пристрастий и степени осведомленности это негодование было направлено как против краевого правительства, так и против Особого совещания. Эти настроения из тыла быстро докатились до боевых частей, где блокаду истолковали как причину срыва снабжения войск и товарного голода в станицах. Кубанцы-строевики высказывали недовольство в адрес и кубанских властей, и Особого совещания, а отчасти и Деникина¹⁹.

Обострение политической борьбы грозило расколоть Кубань и развалить Кавказскую армию. В начале октября Деникин и прибывший в Ставку Врангель обсудили ситуацию в крае. Главком считал, что «самостийники» и «демагогические группы» берут верх, нападки на главное командование усиливаются. Врангель думал иначе. Полагая, что летние срывы снабжения и пополнения с Кубани имели своей причиной «разруху на Кубани и борьбу между Ставкой и Екатеринодаром», высказал свой взгляд: «самостийники» не имеют «глубоких корней в казачестве». И предложил решить вопрос «коренным образом»: скоро откроется Краевая рада, «линейцы» должны внести в нее законопроект об упразднении Законодательной рады и сосредоточении в руках войскового атамана всей полноты власти. А для парирования возможных выступлений «самостийников» ввести в Екатеринодар «под предлогом укомплектования и отдыха» надежные части из Кавказской армии²⁰.

Так случилось неизбежное: воинствующая «самостийность» казачьих правительств толкнула главное командование ВСЮР к силовой ликвидации наболевшей проблемы. Первый удар решено было нанести по Кубани – самой богатой и демократической области. В том числе и в расчете на то,

что ее пример станет «другим наукой» – заставит Дон и Терек быть более сговорчивыми, влиться в «единое экономическое пространство» ВСЮР.

Примечания

¹ *Елисеев Ф.И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 327.

² См., напр.: *Пученков А.* Конец Кулабухова, или рассказ об одном повешенном // *Родина*. 2008. № 3. С. 41–44.

³ Кубанская чрезвычайная краевая рада созыва 28-го октября 1918 года: Стенографический отчет пленарных заседаний. Вып. II. Екатеринодар, 1918. С. 180–181.

⁴ *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. С. 191; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 228.

⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 254об.–255; *Скобцов Д.Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. Т. 2. Париж, 1963. С. 83–84.

⁶ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 1 // Белое дело. Кн. V. Берлин, 1928. С. 180–181.

⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 112, 230.

⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 254об.

⁹ *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 228; *Кин Д.* Деникинщина. Л., 1927. С. 136–137.

¹⁰ *Скобцов Д.Е.* Указ. соч. С. 84.

¹¹ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 191–192.

¹² *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 206, 228; Т. 5. С. 196–197; *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 191.

¹³ *Скобцов Д.Е.* Указ. соч. С. 64–65.

¹⁴ *Покровский Г.* Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин, 1923. С. 198–200.

¹⁵ *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 229.

¹⁶ *Покровский Г.* Указ. соч. С. 203–204.

¹⁷ Там же. С. 204–207.

¹⁸ *Скобцов Д.Е.* Указ. соч. С. 84–85.

¹⁹ *Покровский Г.* Указ. соч. С. 126–127, 207; *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 146, 154–155; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 195–197.

²⁰ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 216; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 208.

Ю. Калугин

ПЯТАЯ КНИГА «ТИХОГО ДОНА»

Почти наверняка каждый из нас, дочитывая последние страницы романа «Тихий Дон», задавал себе вопрос: как же в дальнейшем сложилась судьба главного героя Григория Мелехова? Расстреляют его после возвра-

щения домой или дадут возможность трудиться на земле и растить сына? Нелегко было получить ответ на этот вопрос.

В одном из следственных дел архива Управления ФСБ по Ростовской области под номером 246 хранится автограф письма Михаила Шолохова:

«Москва, 6. 4. 26 г.

Уважаемый тов. Ермаков!

Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года. Надеюсь, что Вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с приездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае – июне с.г. Сведения эти касаются мелочей восстания Верхне-Донского.

Сообщите письменно по адресу – Каргинская, в какое время удобнее будет приехать к Вам? Не намечается ли у Вас в этих месяцах отлучки?

С приветом М. Шолохов».

Кто этот человек, к которому обращается с такой просьбой Шолохов? История его жизни позволяет в какой-то степени получить ответ на вопрос, как сложилась бы судьба Григория Мелехова. Ведь Харлампий Васильевич Ермаков – его прототип.

Долгие десятилетия, пока не открылась возможность увидеть следственное дело № 246, практически ничего не было известно о трагической судьбе этого человека. То, что в романе «Тихий Дон» должно было ждать Мелехова после возвращения, Ермакова настигло почти сразу же.

Он, как и Григорий, заканчивал Гражданскую войну в 1-й Конной, занимал высокие посты, вплоть до командира полка. Правда, никогда не был в бандах. Вернулся домой в феврале 1923 г., а уже в апреле был арестован в первый раз.

В чем же он оказался виноват перед Советской властью? Чтобы это понять и увидеть, как много общего у него с главным героем шолоховского романа, обратимся к его биографии.

Итак, Ермаков Харлампий Васильевич, 1891 г. рождения, казак станицы Вешенской, образование низшее, военное, окончил учебную команду, беспартийный, до войны занимался хлебопашеством, кавалер четырех Георгиевских крестов и четырех медалей.

Из протокола допроса от 24 мая 1923 г.:

«Вопрос. Скажите, Ермаков, когда вы первый раз пошли на военную службу в старой армии и когда вы вернулись домой из старой армии?»

Ответ. В 1913 я был взят на действительную службу рядовым. Освободился от военной службы в 1916 по ранению. Имел чин подхорунжего. Пробыл я дома до 1 июля 1917 года, потом был направлен во 2-й запасной полк, в котором прослужил до Октябрьской революции. В это время я уже был хорунжим.

26 января 1918 года я добровольно пошел в отряд Подтелкова и Кривошлыкова. У Подтелкова я служил до 20/3-18 г, т.е. до тех пор, пока отряд попал к белым, а я бежал ранен в Воронежский военгоспиталь...»

В этих показаниях так много несуразностей, что трудно понять, как мимо них прошло следствие. Прежде всего почти на два месяца сдвинуто время пленения отряда Подтелкова. Понятно, что Ермаков был заинтересован скрыть сведения о себе, так как от этого зависела его жизнь. Где он в действительности находился тогда, следствие так и не установило. Но если считать, что Харлампий Ермаков является прототипом Григория Мелехова, то трудно поверить, что рассказ о том, как Григорий оказался на месте казни подтелковцев, всего лишь художественный вымысел.

Эту точку зрения подтверждает и рассказ ординарца Ермакова – Якова Федоровича Пятикова, записанный Константином Приимой, исследователем творчества Шолохова:

«...Когда мы верхи мчались в Пономарев, мой командир Ермаков и подумать не мог, что будет такое смертоубийство... Он более всего опасался, что в хуторе по поводу Пасхи и в знак примирения подтелковцы и Спиридоновцы-беляки разопьют весь самогон и нам ничего не останется. Скачем в хутор, а там!.. Виселица, черный бугор земли перед огромной ямой, толпа народу. И тут встретились... Ермаков и Подтелков. Встретились в упор. Подтелков узнал Ермакова, назвал его иудой. Ермаков тожеть отвечал ему что-то дуже грозное. Но когда Спиридонов крикнул Ермакову: “Давай своих казаков-охотников!”, Ермаков крикнул: “Нет у меня палачей-охотников!” А тут ударил второй залп...»

Я схватил Ермакова за пояс, волоку к лошадям, а Спиридонов услед кричит: “Вернись, гад, а то мы и тебя в эту яму скинем... Задержите его!”

Но Ермаков обнажил шашку... И я тоже. Казаки расступились. “Поконь!” – закричал Ермаков и повел хуторян в Базки».

Поразительно, как этот рассказ напоминает описанное в романе. Мало сомнений в том, что Ермаков успел рассказать о расстреле подтелковцев Шолохову. Но каким-то непостижимым образом эти сведения прошли мимо следствия. Вообще весь этот отрезок времени – от начала 1918 и до начала 1919 гг. – крайне запутан, и понять, где был Ермаков, и что он делал, трудно. По всему видно, что он действительно не стремился помочь следствию в выяснении истины.

А вот как он рассказывал на допросе о своей дальнейшей жизни:

«...После двухмесячного выздоровления я возвратился домой в станицу Вешенскую. В Вешенской я был избран предисполкома ст. Вешенской. На этой должности я был четыре месяца, т.е. до октября 1918 года. После этого ст. Вешенская была занята белыми. Я не успел уехать и был взят в плен белыми со всем исполкомом, после чего был арестован и предан военно-полевому суду. По суду был приговорен к расстрелу.

По ходатайству моего отца и ответственных работников белой армии я был вместо расстрела отправлен на фронт вместе с ультимативным поста-

новлением, в котором говорилось, что если я перейду на сторону Красной Армии, то все мое семейство будет расстреляно и имущество будет конфисковано. После этого армия белых начала отступать за Донец, и мне удалось из части убежать и скрывался дома.

Когда проходили через Вешенскую части Красной Армии, я поступил в артсклад 15-й Инзенской дивизии и находился в хут. Базках.

В 1919 году в феврале месяце в станицах Казанской, Мигулинской, Вешенской, Еланской было восстание против Соввласти.

...И в это время я был захвачен вторично в плен. Меня направили на правую сторону Дона».

Даже из этих нескольких строк видно, как покрутила Ермакова жизнь всего за один год. А ведь наверняка он говорил далеко не все: что-то скрывал, а в чем-то и сам не мог разобраться. Да и мы сегодня во многом не можем понять этот один из самых страшных периодов в истории донского казачества. Ведь в него вместились и Донская Советская республика, когда фронтовые казаки поддержали большевиков, и атаманство П.Н. Краснова, когда в пределы земель Войска Донского вошли немцы и под их прикрытием формировалась Донская армия, и поход Добровольческой армии на Кубань и Терек, и дикие эксперименты Советской власти над исконными жителями донской земли. Что мы знали о Вешенском восстании 1919 г., кроме того, что оно носило, по официальной советской трактовке, «контрреволюционный характер»? А что толкнуло донских казаков на это выступление? Сохранилась листовка восставших с обращением к бойцам Красной армии:

«Братья-красноармейцы, знаете ли вы, во имя чего мы, казаки, подняли знамя восстания против коммунистов? Мы восстали потому, что вслед за вами являлись коммунисты, являлись чрезвычайные комиссии, которые начали арестовывать и расстреливать не повинных ни в чем наших и ваших братьев-казаков и крестьян, начали заниматься грабежом и насилиями.

Знаете ли вы, что коммунисты издали секретный тайный циркуляр о поголовном истреблении донских казаков и крестьян?

Можно ли придумать большее злодеяние – стереть с лица земли население целой области!

Долой коммуны и расстрелы! Да здравствует народная власть! Вперед за правое дело народа!

Окружной совет Верхне-Донского округа».

Может показаться, что в тексте – одни пропагандистские призывы. Но даже глава Донбюро РКП(б) С.И. Сырцов в объяснительной записке в Секретариат ЦК писал: «Цифры расстрелянных в Вешенском районе около 600 человек». А судя по документам – прежде секретным, а ныне доступным для исследователей, – эта цифра сильно преуменьшена. Среди тех, что

хранятся в Российском государственном военном архиве (бывший Центральный государственный архив Советской Армии) есть просто жуткие: например о том, что в станице Морозовской ревкомовцы рубили шашками заложников – стариков и женщин, как ставили казака голыми ногами на раскаленную сковороду.

Можно ли поверить, что донской казак Харлампий Ермаков, оказавшись в самом эпицентре народного восстания, действовал только по принуждению? Нет, конечно. О том говорит и протокол общего собрания граждан села Базковского Вешенской волости Донецкого округа от 17 мая 1923 г.:

«...Мы, нижеподписавшиеся, граждане села Базковского, ввиду ареста гражданина нашего села Ермакова Х.В. считаем своим долгом высказать свое мнение.

...Случилось восстание, и Ермаков, как и все, вынужден был участвовать в нем, хотя и был избран восставшими на командную должность, но все время старался как можно более уменьшить ужасы восстания. Очень и очень многие могут засвидетельствовать о том, что остались живы только благодаря Ермакову.

...Восстание вообще носило характер стихийный. Как лошадь, когда ее взнуздают первый раз – первое движение ринуться вперед и все порвать, так и в Верхне-Донском округе слишком непривычными показались мероприятия Советской власти, и народ взбунтовался и только после довольно крупных мер убедился в пользе действия Советской власти. Советская власть, видно, так и поняла Верхне-Донское восстание 1919 года и объявила полное за него прощение. Руководствуясь этим прощением власти, граждане села Базки и сочли нужным обратиться к власти со своим отзывом о Ермакове».

Возымело ли действие это обращение – трудно понять. Ермакова продержали без суда с февраля 1924 г. по конец мая 1925 г., то есть явно рассчитывая в конце концов наказать. Но через год Ермаков был выпущен на поруки. Решение об освобождении выглядит и странным, и вместе с тем показательным для той эпохи, царивших тогда порядков.

«Выписка из протокола Распорядительного заседания Угсудотдела Севкавказсуда от 29 мая 1925 года.

...Имея в виду, что обвиняемые не были активными добровольными участниками восстания и призваны по мобилизации окружным атаманством, что избиение и убийство граждан происходило не на почве террористических актов, как над приверженцами Соввласти, а как над лицами, принимавшими участие в расхищении их имущества, носили форму самосудов, что с момента совершения преступления прошло более 7 лет, обвиняемые за назначенное время находились на свободе, занимались личным трудом, не будучи ни в чем замешаны, большинство из них служили в Красной армии и имеют несколько ранений – определил:

На основании статьи 4а УПК настоящее дело производством прекратить по целесообразности. Избранную меру пресечения в отношении всех обвиняемых отменить».

То есть, с одной стороны, обвиняемый как бы убивал, а с другой – не несет за это ответственности. Так как делал это не с политическими целями.

Весьма многозначительна формулировка «дело прекратить по целесообразности». Это значит, что тогда и расстреливали, и освобождали «по целесообразности». То есть не по закону.

Во всяком случае, в тот раз Ермакову повезло, и он оказался на свободе. Видимо, тогда и состоялись его встречи с Шолоховым.

Какие бы испытания ни пришлось ему уже пережить, жизнь продолжалась. И если бы не было известно дальнейшее, можно было посчитать, что судьба оказалась благосклонной к Григорию Мелехову. Но не могло в ту эпоху, в реальной жизни быть на донской земле счастливых эпилогов.

20 января 1927 г. Харлампия Ермакова вновь арестовывают. Что же на этот раз послужило причиной?

В 1972 г. Шолохов обратился в КГБ с просьбой предоставить Прийме свое письмо Ермакову. В деле имеется большая переписка между высокими чинами о том, давать ли, как дать, что дать, чего не давать. Особенно интересна справка, поданная по этому поводу «на самый верх». В ней сочтено «целесообразным поручить управлению КГБ по Ростовской области ознакомить литературоведа Прийму с фотокопией письма Шолохова. В то же время, знакомить Прийму с архивными уголовными делами на Ермакова считаем нежелательным, поскольку уголовное дело на него за 1925 год прекращено, а дело за 1927 год было возбуждено на основании агентурных данных. Сосредоточенные в уголовных делах материалы по расследованию преступной деятельности Ермакова против Соввласти, по нашему мнению, всю сложность и противоречивость его жизненного пути не раскрывают».

В действительности «дело за 1927 год», в которое Прийме в начале 70-х гг. так и не дали заглянуть, очень многое раскрывает.

Судя по фразе «на основании агентурных данных», Ермакова и после освобождения не оставляли без внимания. Во-вторых, новое дело оказалось значительно серьезнее и велось совсем другими методами. Прежде всего в нем есть показания, данные новыми свидетелями, которые не фигурировали в деле 1925 г. Новых же протоколов допросов самого Ермакова на удивление мало. Возникает ощущение, что теперь уже следователям ничего выяснять не требовалось и новые ответы обвиняемого их не интересовали. Но, повторюсь, обвинения были чрезвычайно серьезные.

Свидетели заявляли, что во время боев в 1919 г. донские части под командованием Ермакова потопили в реке Дон около пятисот красноармейцев, что сам Ермаков лично зарубил 18 матросов. Ермаков же виновным себя не признавал, заявляя, что антисоветских действий, служа Советской

власти, не совершал, а находясь у белых по принуждению, никого не убивал и подчиненным такого рода распоряжений не отдавал.

Показания свидетелей довольно путануы, многие даны с чужих слов. Но если вспомнить, как пересекаются события романа с реальной жизнью Ермакова, представить тот кровавый ад на Дону, вихри которого никак не могли миновать нашего героя, остается признать осторожно: могло и быть. Вообще при рассказе о событиях той эпохи и судьбах участвовавших в них людей не надо ничего приукрашивать или кого-то обелять. Те люди жили в свое время, были заложниками той трагедии, и путь от героя до жертвы был тогда удивительно короток.

К 1927 г. уже прошли времена, когда хотя и бюрократически, но шло расследование, а бывало, что и отпускали на поруки. Теперь, когда наступила эпоха коллективизации и уже готовился неслыханный по масштабу террор против своего народа, сантименты были ни к чему. Через пару месяцев (все-таки еще «расточительно долго» – скоро такие дела будут завершать за недели и даже дни) было готово обвинительное заключение отдела ГПУ. Передали его, однако, не в суд: «Дело № 6 по обвинению Ермакова Харлампия Васильевича передать ст. помпрокурора ССК по Донецкому округу для дачи заключения на предмет передачи дела в Особое совещание Коллегии ОГПУ».

И далее все развивалось по уже отработанной системе решения судеб людей.

«Кому: ГПУ

Секретно

Выписка из протокола № 2 заседания Президиума ЦИК СССР от 26 мая 1927 года.

Слушали:

Постановили:

Ходатайство ОГПУ о предоставлении ему прав вынесения внесудебных приговоров по делам 45529 на г-на Ермакова Харлампия Васильевича.

Ходатайство ОГПУ удовлетворить

Секретарь ЦИК Союза ССР А. Енукидзе
Особый уполномоченный коллегии ОГПУ Фельдман».

Через несколько дней, 6 июня 1927 г., судьбы Ермакова была решена.

«Заседание коллегии ОГПУ (судебное)

Слушали:

Дело № 45529 по обвинению гр-на Ермакова Харлампия Васильевича по 58-11 и 58-18 ст. УК. Дело рассмотрено в судебном порядке согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 26/5-27 г.

Постановили:

Ермакова Харлампия Васильевича расстрелять. Дело сдано в архив».

Человек еще жив, а дело уже сдано в архив, то есть все действительно завершено и осталось самое простое – убить. Что и было сделано:

«...1927 года, июня 17 дня составлен настоящий акт о том, что сего числа согласно распоряжения ПП ОГПУ от 15 июня сего года приведен в исполнение приговор коллегии о расстреле гр-на Ермакова Харлампия Васильевича».

И все... Окончена жизнь. Дело отправлено в архив. Для полного и вечного забвения.

Прошло семьдесят с лишним лет.

Постановлением президиума Ростовского областного суда от 18 августа 1989 г. было отменено постановление коллегии ОГПУ от 6 июня 1927 г. Дело прекращено за отсутствием состава преступления. Ермаков Харлампий Васильевич реабилитирован посмертно.

...Неизбежно встает вопрос: ну если бы не было письма Шолохова, если бы не просочились сведения, что Ермаков является прототипом Григория Мелехова, – узнали бы мы когда-нибудь о его жизни и трагической судьбе? И как ни прискорбно, нет на этот вопрос утвердительного ответа.

Много еще, очень много архивных дел, со страниц которых с глубокой болью и укором смотрят на нас погубленные люди. Смотрят и ждут, когда мы вернем их из небытия.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

В.О. Кулаков

ГРУЗИНСКИЙ ЦАРЬ ВАХТАНГ VI В АСТРАХАНИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ТАЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ (первая треть XVIII в.)

Немаловажное значение в определении российских приоритетов в Прикаспии и возможностей осуществления своей политики в отношении Персии имело привлечение на сторону России и использование в своих интересах закавказских правителей, тяготившихся персидским господством. Одним из таких правителей, который решительно избрал путь сотрудничества с Петром I, был Вахтанг VI, царь Картли.

Отношения России с Грузией с конца XVII в. стали устойчивыми. В конце XVII в. в Москве появилась грузинская колония, сыгравшая значительную роль в русско-грузинском сближении. Личная дружба связала Петра I с лицами, близкими к царю Арчилу, проживавшему в Москве¹. От членов этого царского дома Петру было известно о судьбе царевича Вахтанга Багратиона, задержанного в Персии. В 1712 г. персидский шах Султан Хусейн вызвал к себе Вахтанга и потребовал от него принятия ислама, намереваясь только после этого сделать Вахтанга царем Картли. Но Вахтанг отказался, и его заточили в крепость. Однако вскоре он понял: если не примет ислам хотя бы формально, то не сможет вернуться на родину. В 1716 г. Вахтанг принял ислам и был объявлен царем Картли². Но вернулся он в Грузию только в 1719 г.

Еще в бытность Вахтанга в Персии с ним установил контакт посол Петра I А.П. Вольнский, направленный в Персию. Ему было поручено по просьбе имеретинской царицы Екатерины Давидовны говорить с шахом о свободе веры для христиан, а при удобном случае наладить отношения с царевичем. Лично Вахтанг и российский посол не встречались: тайная связь между ними была установлена через приближенного к Вахтангу лицо, некоего Фарседан-бека.

Быстро выяснилось, что Вахтанг рассчитывает на Петра I и хочет «против персиян воевать», а Вольнский дал понять, что он будет содействовать осуществлению его намерений. Тогда Вахтанг передал Вольнскому несколько писем для своей племянницы Дареджан, дочери Арчила, жившей в Москве. Фарседан-бек намекнул Вольнскому, что Вахтанг мог бы начать войну против шаха в случае поддержки. Не только Вахтанг, но и его брат Ростом,

кулар-агаси (начальник шахской гвардии), через подосланного католического монаха передал Волынскому, что хочет служить русскому царю, чем может.

По возвращении Вахтанга в Картли его отношения с Россией еще больше активизировались. В 1721 г. между Волынским, назначенным астраханским губернатором, и Вахтангом установилась переписка; они обсуждали предстоящий поход. В августе Волынский писал Петру I о получении им письма Вахтанга, в котором тот указывает способ, как быстрее и успешнее провести вторжение, какое для этого потребуется количество войск и какие ключевые пункты необходимо занять³. На письмо Вахтанга Петр I ответил лишь 2 июня 1722 г., по прибытии в Астрахань: «Заранее ответствовать за непотребно рассудил»⁴. Видимо, император опасался разглашения слухов о походе. Петр I выразил надежду на то, что по прибытии его на персидские берега Вахтанг соединится с ним, но предупреждал при этом об особой осторожности в отношении турок, советуя не провоцировать их.

Кроме того, Петр I, зная о том, что Вахтанг находится в постоянной переписке с персидским шахом, просил его постараться убедить Хусейна в непредвзятом отношении к нему со стороны России. Для этого, находясь уже в походном лагере при реке Аграхань в сентябре 1722 г., он предложил Вахтангу направить к шахскому двору соответствующего человека, чтобы тот обнадежил шаха, что «мы с ним в дальнейшее неприятельство вступить не хотим и даже при нынешних конъюнктурах вспоможение ему учиним»⁵. Более подробные указания были переданы через доверенное лицо Вахтанга – князя Баадур Туркистанишвили. Вахтангу поручалось, как представится возможность, напасть на лезгин, а когда вступит в дело, дать знать императору.

В 1722 г. Петр I на кораблях двинулся из Астрахани к Дербенту. К этому времени Вахтанг уже завершил сбор своего войска и направился к Гяндже, где и должен был встретиться с Петром I.

Вахтанг оказался перед тяжелым выбором. В марте 1722 г. афганцы осадили персидскую столицу Исфаган, и в борьбе с ними погиб брат Вахтанга, командующий шахской гвардией Ростом. На его место шах Хусейн назначил сына Вахтанга – Бакара. Шах требовал неотложной помощи. Бакар собрал войско, но Вахтанг запретил сыну идти на помощь шаху. Именно тогда, когда Петр выступил в поход против Персии, турецкий султан Ахмед III предложил Вахтангу союзничество против нее: Турция также собиралась напасть на Персию.

В такой сложной международной обстановке необходимо было принять верное решение. Вахтанг искренне доверял Петру I и ни с кем другим устанавливая связи не хотел. Перед началом совместной с Россией войны против Персии Вахтанг созвал совет (дарбази), где должен был решиться вопрос, принять участие в войне против Персии или нет. Большинство членов дарбази выступило против, опасаясь, что страна окажется в еще более тяжелом положении. Вахтанг не разделял мнения большинства. В августе, с 40-тысячной армией он стоял у Гянджи и ждал Петра I.

Вахтанг рассчитывал на скорое прибытие русских войск, но отсутствие регулярной и постоянной связи между ним и Петром I нарушило его расчеты. Общее дело требовало непрерывной связи между его участниками, но наладить такую связь, по-видимому, не представлялось возможным, так как между Россией и Грузией находились враждебные территории. Письма доставлялись чрезвычайно медленно или вообще не доходили. Находясь у Гянджи, Вахтанг несколько раз писал Петру I, а также Волынскому, что ждет приказаний, но ни одного ответа так и не получил, хотя таковые отправлялись.

После взятия Дербента Персидский поход был прекращен. После отъезда Петра I и увода основной части войск Вахтанг возвратился в Тбилиси. В это же время Турция начала войну против Персии. Турецкие войска вторглись в Картли и начали опустошать страну. Они очень быстро почувствовали себя здесь хозяевами, и эрзерумский паша Ибрагим потребовал, чтобы Вахтанг принял ислам суннитского толка. Вахтанг, по прибытии в Грузию возвратившийся в христианство, отказался вторично принимать ислам.

В это время Петр I, располагая сведениями о нестабильной ситуации в Персии и неустойчивости шахской власти, которые он получал от Б.В. Мещерского, своего посла при шахе Тахмаспе, впервые попытался с помощью Вахтанга перетянуть того на свою сторону. Мещерский сообщал, что при Тахмаспе совсем мало верных людей и только несколько сотен грузин, поданных Вахтанга, его поддерживают⁶. Поэтому в октябре 1724 г. из Петербурга было направлено послание Вахтангу, в котором выражалось желание, чтобы тот направил к Тахмаспу надежного человека, который смог бы убедить шаха перейти под защиту российского войска, стоящего в Гиляне.

Однако из-за сложной внутренней обстановки в Грузии это поручение выполнено не было, а угроза собственной безопасности вынудила Вахтанга решиться на временный переезд в Россию. В начале ноября 1724 г. он прибыл в Астрахань. Его сопровождали 1 286 человек: 663 прислужников и прислужниц, 488 придворных. Военными было всего 13, духовенства – 42, жен и детей придворных и военных – 57, членов семьи Вахтанга – 23 человека⁷.

Но российское правительство стремилось по-прежнему использовать возможности грузинского царя и его желание помогать Петербургу в его кавказской и персидской политике. За время его жизни в Астрахани дважды были спланированы и организованы его поездки в Персию с важными поручениями от императорского двора. В 1726 г. Вахтанг специальным рескриптом от императрицы Екатерины I был послан с дипломатической миссией в Персию. В нем сообщалось, что только Вахтанг, благодаря своей осведомленности в персидских делах «и по вашему кредиту и высокой почтительности, которую вы в тамошних краях имеете, и по склонности, в которой многие народы к вам обретаются», может добиться того, чтобы склонить шаха Тахмаспа к российской стороне⁸. Поэтому Вахтангу предписывалось как можно скорее выехать из Астрахани в Персию. Его должен был

сопровождать назначенный главнокомандующим войсками на Кавказе генерал-аншеф В.В. Долгоруков, с которым Вахтангу следовало советоваться по всем делам. Предполагалось, что грузинский царь отправится сразу в Гилян. Здесь, помимо всего прочего, он должен был получить подробную информацию о состоянии всех персидских дел, а также о том, каких успехов добилась в Персии Турция. Вахтангу предписывалось при первом удобном случае уговорить шаха, чтобы тот принял условия Константинопольского договора 1724 г. между Россией и Турцией, а также заключил военный союз с Россией против турок, а также убедить Тахмаспа, что та уступка персидских земель Турции, которая предполагалась по Константинопольскому миру, будет проведена им только для вида, чтобы удержать турок от дальнейшего продвижения и выиграть время для ликвидации внутренних смут в Персии⁹.

Кроме того, рассматривая шаха Тахмаспа как возможного союзника в уже кажущейся неизбежной войне с Турцией, Петербург уполномочил Вахтанга в случае необходимости пойти на некоторые территориальные уступки Персии. «Но когда вы усмотрите, что для уступления шаха весьма потребно ему некоторые уступки учинить, то в таком случае можете вы с генералом Долгоруковым Астрабад и Мазандаран ему назад уступить»¹⁰. В крайнем случае предполагалось на словах заверить шаха, что и Гилян также ему будет уступлен. Однако если шах будет упорствовать и отказываться заключать трактат с Россией против турок, то Вахтанг должен был ему объявить, что в таком случае Россия его самого сочтет неприятелем и предпримет совместно с Турцией действия для возведения на престол другого государя.

Наконец, доверяя преданности и компетентности Вахтанга, российское правительство предоставило ему возможность в необходимых ситуациях действовать самостоятельно. «По своей известной мудрости можете от себя прибавить все то, что к скорейшему склонению шаха служить будет»¹¹.

С возложенной на него миссией Вахтанг справился. Он встречался с шахом Тахмаспом и получил от него подтверждение о принятии им условий русско-турецкого договора. Скоро он получил благодарственное письмо Петра II: молодой император выразил удовлетворение проведенными с персидским шахом переговорами и исполнил просьбу Вахтанга о скорейшем его возвращении в Россию.

В 1734 г. Петербург еще раз поручил Вахтангу отправиться в Персию вместе с сыном Бакаром. На этот раз Вахтанг должен был с помощью армян выгнать турецкий гарнизон из Шемахи, попытаться активизировать действия грузин на благо России и получить, если окажется возможно, поддержку у кавказских горцев¹². В декабре Вахтанг был уже в Дербенте. Оттуда он сообщил императрице Анне Иоанновне, что обстановка на Кавказе изменилась: Тахмасп кули-хан (будущий Надир-шах) победил турок и взял Шемаху, в борьбе против турок его поддержал царь Кахетии Теймураз II, к шаху присоединились и картлийские князья. В связи с этим Вахтанг попросил при-
слать новые инструкции.

В 1735 г. в Гяндже был подписан русско-персидский договор, который подтвердил условия Рештского договора. По этому соглашению шах обязывался признать Вахтанга царем Картли, если тот явится к нему. Надир-шах вызвал к себе Вахтанга. Но Вахтанг, не доверяя шаху, и не явился: он предпочел навсегда остаться в России. И направил императрице Анне Иоанновне просьбу, чтобы его вместе с семьей на постоянное время поселили в Астрахани, выделив для этого дом и охрану¹³.

Петербург высоко оценил заслуги грузинского царя в утверждении России в Закавказье и в отношениях с Персией. И он сам и члены его семьи были взяты на полное государственное обеспечение. В октябре 1735 г. астраханский губернатор И.П. Измайлов получил указ Правительствующего Сената о денежном содержании Вахтанга VI и его семьи: предписывалось выплачивать царю и его сыну Бакару жалованье в срок и без всякого задержания, которое было определено им за исполнение дипломатической миссии в 1734 г. По ее завершении, как следует из указа, грузинский царь просил, чтобы его вместе с семьей на постоянное время поселили в Астрахани, выделив для этого дом и охрану: «А ныне оной царь грузинский в кабинете Ее императорского величества просил: 1) чтоб жить ему в Астрахани, 2) для его там пребывания пожаловать один дом с садом, да для зимнего проживания другой двор в крепости, 3) для охранения требовал караулу, понеже оной город пограничный»¹⁴.

Через два месяца после получения указа Сената Вахтанг VI обратился в астраханскую губернскую канцелярию с требованием ускорить исполнение поручения о его размещении в Астрахани¹⁵. По приговору губернатора Измайлова для проживания грузинского царя и его семьи в Астрахани был определен дом секретаря Алексея Богданова и двор бывшего полковника Никиты Захарского¹⁶. Эти строения были тщательно осмотрены и оценены знатными купцами, о чем было составлено подробнейшее донесение и реестр астраханской ратуши, направленные в январе 1736 г. в губернскую канцелярию. Согласно донесению дом Богданова был большим, удобным помещением с несколькими комнатами и всеми необходимыми пристройками, пригодный и для зимнего проживания. Кроме того, возле него был разбит сад на несколько десятков плодовых деревьев. Немалая стоимость дома также свидетельствует о его качестве и комфорте: «Цена оному двору со всем хоронным строением две тысячи сто пятьдесят пять рублей пятьдесят копеек»¹⁷. Так астраханские власти постарались полностью удовлетворить все пожелания Вахтанга в отношении его жилища.

Последние годы жизни Вахтанг VI провел в Астрахани. Он скончался 26 марта 1737 г. и был похоронен в Успенском соборе астраханского кремля.

По донесению губернатора Измайлова, направленному в Кабинет императрицы Анны Ивановны 1 апреля 1737 г., церемония погребения грузинского царя прошла со всеми подобающими почестями. До Успенского собора гроб с его телом сопровождал солдатский и офицерский эскорт, крыш-

ка гроба была обита черным бархатом и обтянута серебряным позументом. За гробом следовала процессия, в которую входили два священника – астраханский и грузинский, а также люди, которые на шести атласных подушках несли символы власти и награды Вахтанга VI – саблю, державу, скипетр, корону и ордена – Святого Александра Невского и апостола Андрея Первозванного. Церемонию отпевания и погребения в Успенском соборе сопровождали пушечные залпы¹⁸.

И после смерти Вахтанга VI российское правительство не оставалось равнодушным к судьбам его наследников, продолжавших жить в Астрахани. Буквально через месяц после получения известия отсюда о смерти грузинского царя первый кабинет-министр А.И. Остерман подписал указ астраханскому вице-губернатору Л.Я. Соймонову о присылке в Кабинет императрицы сведений о денежном содержании членов семьи покойного грузинского царя. Вице-губернатору поручалось выяснить, сколько в Астрахани находится членов дома грузинского царя, а также за что и в каком размере они получают жалованье, составить об этом ведомость и немедленно отправить ее в столицу¹⁹. Тот факт, что заботы о наследниках Вахтанга VI взял под личный контроль фактический руководитель внешней политики России, говорит о том, что в первую очередь это соответствовало международным интересам страны в Прикаспийском регионе, а астраханские власти, следуя указаниям из Петербурга, продолжали их активное обеспечение.

Примечания

¹ *Пайчадзе Г.Г.* К вопросу истории русско-грузинских взаимоотношений (первая четверть XVIII в.). Тбилиси, 1960. С. 84.

² *Пайчадзе Г.Г.* Вахтанг VI. Тбилиси, 1981. С. 42.

³ РГАДА. Ф.11. Оп. 1. Д. 329.

⁴ РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51.

⁵ Там же. Л. 3об.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Ивана Васильевича доньне. СПб., 1996. С. 126.

⁸ РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51. Л. 12об.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² История внешней политики России в XVIII веке. М., 1998. С. 143.

¹³ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 532. Л. 30

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 9–11об.

¹⁷ Там же. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 31, 31об, 34.

¹⁹ Там же. Л. 35.

С.А. ПРИКЛОНСКИЙ: ОТ ЦАРСКОГО ЧИНОВНИКА ДО НАРОДНИЧЕСКОГО ПУБЛИЦИСТА

Большой вклад в изучение севера России, включая и Олонецкую губернию, внесли народники. Одним из них был забытый ныне публицист Сергей Алексеевич Приклонский (1846–1886)¹.

Он родился в Москве в семье священника Зачатьевского девичьего монастыря Алексея Тимофеева, в 1864 г. окончил Вифанскую семинарию², а затем прошел курс обучения на юридическом факультете Московского университета. Окончив университет, поступил в июле 1869 г. на службу в ведомство Министерства внутренних дел и служил сначала во Владимирской, а в августе 1870 г. был вызван на службу в Олонецкую губернию.

В Петрозаводске Приклонский сначала занимал небольшие должности, но постепенно стал делать успешную карьеру. Летом 1871 г. он целый месяц исполнял обязанности правителя канцелярии губернатора Г.Г. Григорьева, в декабре 1871 г. стал чиновником особых поручений при губернаторе, в 1872 г. пять недель (в июле и октябре) исполнял обязанности правителя канцелярии губернатора. Наконец, в мае 1873 г. он был назначен исполняющим обязанности правителя канцелярии губернатора, а в марте 1874 г. – правителем канцелярии губернатора³.

Одной из обязанностей Приклонского были поездки по губернии. В 1871 г. он сопровождал губернатора в поездке по Повенецкому и Олонецкому уездам, в июне 1872 г. находился в командировке в Повенецком уезде, с октября 1872 г. по февраль 1873 г. в Лодейнопольском уезде расследовал злоупотребления при заготовке леса. В 1872 г. четыре раза (в феврале, июле и дважды в августе) он выезжал с губернатором в Пудожский, Каргопольский, Вытегорский и Повенецкий уезды, проведя в дороге в общей сложности около месяца. В мае 1873 г. он вновь сопровождал губернатора в поездке по Вытегорскому и Каргопольскому уездам. Во время этих поездок Приклонский часто выполнял «секретные поручения» губернатора, вероятно, связанные с надзором за ссыльными. При этом он вполне свободно мог встречаться и знакомиться со ссыльными. Эти разъезды дали ему бесценный опыт знакомства с жизнью местных крестьян и ссыльных.

По свидетельству одного из его биографов «большую часть служебного периода» Приклонский провел в Олонецкой губернии, где «местная интеллигенция развита очень мало, где есть только невежественное крестьянство и бюрократия, где возможна поэтому сильнейшая эксплуатация массы и где всего необходимее деятельное участие администрации к нуждам населения», и там он «имел возможность не оставаться безучастным зрителем эксплуатации и хищничества, господствовавших в крае, и насколько это было

в его силах, боролся с кулачеством, опутывавшим население»⁴. По утверждению другого биографа, «он раскрыл массу злоупотреблений в казенном лесном хозяйстве, чем приобрел себе много врагов»⁵.

Будучи не в состоянии опорочить служебную деятельность Приклонского, местные чиновники нанесли ему удар с другой стороны: вменили ему в вину близкое знакомство с политическими ссыльными. Роковую роль в судьбе Приклонского сыграла его принадлежность к кружку супругов Фидровских, из-за чего в мае 1879 г. он был уволен с должности начальника канцелярии олонекского губернатора, поставлен под надзор полиции и вынужден был покинуть Петрозаводск.

Студент медицинского факультета Киевского университета дворянин Михаил Васильевич Фидровский, 24 лет, в середине апреля 1878 г. был выслан вместе с двумя товарищами «как главный агитатор проявившихся в марте... волнений в Киевском университете» в Олонецкую губернию⁶. По данным расследований по делам о государственных преступлениях, завершеным в мае 1880 г., он принадлежал к «партии молодых украинофилов». Местом ссылки для троих студентов был определен Повенец, туда они были доставлены в начале мая. В ожидании отправки к месту ссылки Фидровский обратился из Петрозаводска с прошением к министру внутренних дел с просьбой разрешить ему поступить «в какую-нибудь земскую больницу фельдшером». Когда такое разрешение было получено, Фидровский обратился в начале июня 1878 г. с новым прошением на имя губернатора «о дозволении... заниматься фельдшерством при Петрозаводской городской больнице» и о переводе его «на жительство в Петрозаводск». Согласие губернатора было получено, а губернская земская управа из-за отсутствия в тот момент «свободных фельдшерских вакансий», согласилась допустить Фидровского «к занятию фельдшерским искусством» в петрозаводской больнице «сверх штата, без жалованья».

В середине июля Фидровский прибыл в Петрозаводск. К тому времени он уже был женат на 24-летней Елизавете Станиславовне Свитыч. Венчание состоялось в Повенце, куда она прибыла из Могилева, где состояла под надзором полиции «за распространение преступной пропаганды». В январе 1878 г. в Одессе ее брат В.С. Свитыч принял участие в вооруженном сопротивлении группы революционеров, руководимой И.М. Ковальским, прибывшим их арестовать жандармам. В июне 1878 г. Ковальский был приговорен к смертной казни и расстрелян, а Свитыч получил 8 лет каторжных работ и до ноября 1880 г. находился в одиночной камере Новобелгородской каторжной центральной тюрьмы. Фидровская сразу оказалась в Петрозаводске под надзором полиции. В декабре 1878 г. у Фидровских родился сын Григорий.

К началу 1879 г. материальное положение семьи Фидровских улучшилось. В ноябре 1878 г. Фидровский получил от МВД пособие в размере 36 руб. 52 коп. для покупки зимней одежды и обуви, с 1 января 1879 г. земство назначило ему за службу в больнице жалованье 400 руб. в год, а с февраля

МВД стало платить ему 6 руб. в месяц (15 коп. суточных и 1 руб. 50 коп. в месяц квартирных), начиная с 27 сентября 1878 г.

В конце февраля 1879 г. в Петрозаводск прибыл Петр Григорьевич Заичневский (1842–1896) – известный революционер, автор знаменитой прокламации «Молодая Россия», написанной во время заключения его в московской тюрьме весной 1862 г. В прокламации провозглашалось, что скоро придет тот день, «когда под красным знаменем революционеры двинутся на Зимний дворец. И если императорская партия, объединяющая помещиков, чиновников и купцов, станет на защиту царя, то раздастся призыв “В топоры”, и тогда... тогда бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь... Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг: а врагов следует истреблять всеми способами». Для проведения в жизнь своей программы революционная партия «должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем». В прокламации провозглашалось также «уничтожение» семьи и брака в их прежней форме. Прокламация Заичневского стала первым программным документом политического течения «русских якобинцев». Радикальный призыв к «кровавой, неумолимой революции, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка» сыграл на руку властям, и летом 1862 г. под влиянием этой прокламации были предприняты репрессивные меры. В конце 1862 г. Заичневский был приговорен к 2 годам 8 месяцам каторги, срок которой был сокращен по конфирмации до 1 года. Каторгу он отбывал в Иркутской губернии и там же в 1864–1868 гг. жил на поселении.

В феврале 1869 г. Заичневский вернулся в Европейскую Россию и с 1873 г. поселился на родине, в Орле. Там он вскоре создал революционный кружок «орляты» из гимназистов и гимназисток старших классов. 7–8 человек периодически собирались «в более укромных квартирах», читали Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского, Лассаля, Маркса, Лаврова, изучали французскую революцию, Парижскую коммуну, писали рефераты⁷.

В августе 1877 г. Заичневский распоряжением министра внутренних дел был «выслан в Олонецкую губернию из Орла ввиду вредного влияния на местную учащуюся молодежь». Местом ссылки для него был определен город Повенец, куда поднадзорный прибыл 4 сентября. Как многие другие ссыльные дворяне, Заичневский получал от МВД на содержание 6 руб. в месяц (15 коп. суточных и 1 руб. 50 коп. в месяц квартирных). Местный исправник дал ему по итогам 1879 г. такую характеристику: «Поведения хорошего, жизни трезвой, почтителен, ни в чем противозаконном и тайных сношениях не замечался, но благонадежности сомнительной»⁸. В мае 1878 г. Заичневский познакомился с Фидровскими. Наверняка не без участия последнего Заичневский решил подготовиться к сдаче экзамена на звание фельдшера и с 28 февраля по 2 мая 1879 г. находился в Петрозаводске для прохождения практических занятий в тамошней больнице.

Еще одним активным участником кружка Фидровских стал уроженец Черниговской губернии дворянин Дмитрий Петрович Сильчевский (1851–1919), впоследствии известный журналист и библиограф. Он был сослан в Повенец в феврале 1877 г. распоряжением министра внутренних дел «как главный виновник устроенной на бале в клубе художников демонстрации политического характера», но уже в июле 1877 г. был переведен в Петрозаводск, где «занимался письмоводством»⁹.

Первый сигнал о существовании кружка Фидровских поступил к губернатору Григорьеву от начальника Олонецкого губернского жандармского управления полковника К.Ф. Кретковского 22 мая 1879 г. «По наблюдению моему за образом жизни сосланных по разным случаям в Олонецкую губернию под надзор полиции лицам оказалось, что бывший студент Киевского университета Михаил Фидровский... дает у себя в квартире, в доме Кояндера притон многим состоящим здесь, как равно вновь высылаемым под надзор полиции лицам, а также некоторым здешним молодым людям и прибывающим на каникулярное время воспитанникам, где и просиживают в беседах иногда до поздней ночи. Чаше всех посещают Фидровского поднадзорные Заичневский (ныне отправлен в Повенец) и Сильчевский. Приняв к наблюдению, с своей стороны, надлежащие за сим меры, но проникнуть в общество сих лиц для каждого наблюдающего очень трудно; между тем сумнительно, что, едва ли лица сии разделяют между собою в беседах хорошие убеждения. И потому во избежание случая, могущего вкоренить в этом обществе зловерный правительству кружок, я обстоятельство это имею честь донести до сведения Вашего превосходительства».

Одновременно донесение о кружке Фидровского поступило из Олонецкого губернского жандармского управления к министру внутренних дел Л.С. Макову. В связи с этим в канцелярии министра 24 мая 1879 г. была составлена «Записка для памяти». «Получено сведение, что правитель канцелярии олонецкого губернатора коллежский секретарь Сергей Приклонский находится в близких отношениях с тамошними поднадзорными, которые часто бывают у него, и он недавно провожал до первой станции отправленного в город Повенец Петра Заичневского. Об этом сообщено было олонецкому губернатору, но никаких мер не принято. Спросить у губернатора»¹⁰. На другой день, 25 мая, Маков отправил запрос олонецкому губернатору Григорьеву с просьбой подтвердить вышеуказанные сведения. Еще через неделю, 3 июня, Маков отправил Григорьеву шифрованную телеграмму «Петрозаводск, губернатору. Прошу скорейшего ответа о распоряжениях по письму моему 25 мая... о Приклонском»¹¹.

По-видимому, сразу после получения донесения из жандармского управления губернатор Григорьев вызвал Приклонского, объяснил сложившуюся ситуацию и предложил уйти со службы по собственному желанию. Выбора у Приклонского не было. Вскоре «Олонецкие губернские ведомости» сообщили: «23 мая правитель канцелярии олонецкого губернатора кол-

лежский секретарь Приклонский, согласно прошению, уволен со службы в отставку»¹². В условиях репрессий, которые правящие круги обрушили на страну после покушения на Александра II, произведенного 2 апреля 1879 г. землевольцем А.К. Соловьевым, отставка стала для Приклонского довольно легким наказанием. Вероятно, Григорьев хотел таким путем замять скандал, грозивший ему немалыми неприятностями.

Уже 2 июня Григорьев отправил Макову донесение. «Имею честь доложить, что правитель моей канцелярии коллежский секретарь Приклонский действительно был знаком с состоящими под надзором полиции Фидровским, Сильчевским и Вершининым и ездил за город в минувшем мае месяце с состоящим также под надзором полиции Петром Заичневским, о чем я тотчас же узнал, но начальник жандармского управления не сообщал мне об этом, 23-го же мая означенный Приклонский, согласно его прошению, уволен мною от службы в отставку и вчера он выбыл из Петрозаводска в Москву к своим родителям»¹³.

Позже петрозаводский полицмейстер Беляев донес губернатору Григорьеву: «В настоящее время квартиру состоящего под надзором полиции в городе Петрозаводске студента Михаила Фидровского посещают нередко из местных петрозаводских жителей чиновник канцелярии Олонецкого губернского акцизного управления Горлов, воспитанник губернской гимназии Шишикторов, лесничий Баптиданов и состоящий под надзором же полиции в Петрозаводске Сильчевский. Посещали прежде выбывшие ныне из Петрозаводска чиновник Приклонский, обучавшийся в здешней гимназии дворянин Горецкий и приезжавший с дозволения начальства из Повенца находящийся там под надзором полиции Заичневский. Бывали в квартире Фидровского и прочие высылаемые чрез Петрозаводск под надзор полиции в Олонецкую губернию, находившиеся здесь весьма короткое время лица. Цель посещений всеми этими лицами квартиры Фидровского, по-видимому, была только одно знакомство. Заичневский же у Фидровского во время пребывания своего в Петрозаводске имел за плату для себя стол и поэтому бывал там чаще прочих»¹⁴.

Итак, кружок Фидровских был раскрыт петрозаводскими жандармами в апреле 1879 г. Начальник Олонецкого губернского жандармского управления немедленно выслал Заичневского обратно в Повенец. Вскоре после этого состоялось увольнение со службы и отъезд из Петрозаводска Приклонского. Из документов можно заключить, что в кружке Фидровских ведущую роль играл Заичневский, а сам кружок был организован по принципу орловского кружка. Особенно показательно участие в нем гимназистов. Вероятно, и вопросы, обсуждавшиеся на собраниях кружка Фидровских, были теми же, что и в кружке «орлят».

Петрозаводские власти обошлись с членами кружка решительно, но, надо признать, мягко. Сохранилась записка от 13 июня 1879 г., сделанная, вероятно, рукой губернатора Григорьева, без указания адресата, но обра-

щенная, по-видимому, к полицмейстеру. «Полковник Кретковский лично заявил мне, что ввиду необходимости при настоящих политических обстоятельствах усилить надзор за ссыльными, между тем в Петрозаводске много учащейся молодежи и рабочих на пушечном заводе, на которых Фидровский может иметь вредное влияние, потому он находит необходимым выслать его на жительство в другие уезды губернии». В этот же день губернатор распорядился выслать Фидровского в Пудож (самый отдаленный уездный центр), а Сильчевского – в Повенец.

В сентябре 1880 г. по амнистии, проведенной М.Т. Лорис-Меликовым, Сильчевский был освобожден из повенецкой ссылки «с воспрещением въезда в Петербург». Фидровские также покинули по амнистии Пудож, но негласный надзор полиции за ними сохранился. Заичневский в августе 1879 г. был выслан из Повенца в Архангельскую губернию.

Близкое знакомство с Фидровскими, революционером Заичневским, журналистом Сильчевским и другими ссыльными решительно повернули жизнь Приклонского. Их влияние на него было настолько сильным, а отношения с местными чиновниками настолько напряженными, что он пренебрег дальнейшей служебной карьерой и взялся за публицистику. После увольнения со службы по распоряжению МВД за Приклонским с 22 июля 1879 г. был установлен секретный полицейский надзор. Вскоре он выехал в Москву.

Еще в Петрозаводске у Приклонского возник интерес к истории Олонецкого края. Пользуясь своим служебным положением, он изучал закрытые для исследователей документы – архив канцелярии олонцкого губернатора и другие. К концу пребывания в Петрозаводске у него возник свой обширный краеведческий архив, который он взял с собой в Москву. После смерти Приклонского несколько папок с его бумагами попали к известному исследователю старообрядчества А.С. Пругавину и сохранились в составе личного фонда Пругавина в РГАЛИ. Там же оказались и его рукописи статей и набросков, посвященных старообрядчеству. Вероятно, такие же подборки выписок из архивных документов были сделаны Приклонским и по другим интересовавшим его темам: история и современное состояние крестьянства и крестьянского землевладения и землепользования в Олонецкой губернии, пребывание в Петрозаводске Г.Р. Державина и другим, но судьба этих материалов неизвестна. Таким образом, во время пребывания в Петрозаводске Приклонский хотя и не опубликовал почти ни одной публицистической или краеведческой работы, но активно готовился к их написанию. Используя служебные возможности, ему удалось собрать большой и во многом уникальный материал по истории края.

Сведения о московском периоде жизни Приклонского сохранил В.А. Гиляровский. В статье «Московские газеты в 1880-е годы» он писал о жизни в Чернышах – съемных комнатах в центре Москвы. «Так назывались номера на Тверской в доме Олсуфьева, против Брюсова переулком... В верхних эта-

жах этих меблирашек я жил в 1882–1883 годах, а рядом со мной жил писатель М.И. Орфанов (Мишля). Живали здесь Ф.Д. Нефедов, Н.М. Астырев, С.А. Приклонский и Г.И. Успенский, и нелегально пребывал, ночуя то у Мишля, то у меня, Петр Григорьевич Заичневский, тогда только что вернувшийся с каторги, автор знаменитой прокламации 1862 года, призывавшей идти на Зимний дворец и истребить живущих там»¹⁵.

В книге «Москва и москвичи» Гиляровский описал его так: «С.А. Приклонский, автор книги “Народная жизнь на севере”, стройный и красивый, с лицом, еще обвеянным недавними полярными бурями Ледовитого океана, курил папиросу за папиросой, то и дело стряхивая пепел с вьющейся русой бороды». Вспоминает Гиляровский и о том, что Приклонский был веселым человеком, умеющим подметить забавные черты в обыденной жизни. В книге «Москва и москвичи» он привел следующий рассказ Приклонского:

«Вернулся после двух лет отсутствия вчера в Москву. Иду по Тверской, все так же, как и прежде было... Тот же двухэтажный желтый дом Филиппова... Тот же золотой калач над дверью висит... Рядом та же гостиница Шевалдышева. Дальше та же самая голубая, с огромными золотыми буквами вывеска над гастрономическим магазином: “Генералов”. Как раз над ней такого же размера другая старая вывеска – “Фотография”, – ну, словом, все, как и было... Издали только и видны эти две крупные надписи: “Фотография”... “Генералов”. Читаю, да как расхожусь на всю улицу! Народ останавливается, а я гляжу, оторваться не могу. Гляжу и хохочу. Читаю вслух “Фотография” и “Генералов” – и хохочу.

“Здравствуйте, Сергей Алексеевич. Давно ли на сей земле? Да что с вами” – подает мне кто-то руку. Гляжу – мой защитник Плевако.

“Здравствуйте, Федор Никифорович! Да вы глядите, читайте”, – указал я на противоположную стену.

“Ну фотография, ну Генералов...”

Вдруг его скуластое лицо расплылось в улыбку. Засмеялись киргизские раскосые глаза, и грянул хохот на всю улицу.

Образовалась толпа. Подходят знакомые, здороваются с Плевако. Спрашивают, что такое, а он поднимает обе руки, одним пальцем показывает на одну вывеску, другим – на другую. Все читают и хохочут, глядя на две большие золоченые свиные головы, рельефно выдающиеся посреди стены, как раз между вывесками “Фотография” и “Генералов”¹⁶.

В Москве в окружение Приклонского входили писатель Г.И. Успенский, адвокат Ф.Н. Плевако, народнический писатель и публицист М.И. Орфанов, революционер-шестидесятник П.Г. Заичневский и многие другие представители либерального и народнического движения.

В 1879 г. началось сотрудничество Приклонского в либеральной газете «Русские ведомости». Сразу после отъезда из Петрозаводска он опубликовал там серию очерков «С севера России. Письма об Олонецкой губернии» (1879. № 331; 1880. № 6, 17, 23, 30, 46, 62, 66, 73, 111, 151), «В борьбе

со зверем» (1880. № 167, 175, 190, 213), «Жертвы войны и русское общество» (1880. № 174, 180, 184, 203), «Очерки административной ссылки» (1880. № 225, 230, 235, 255, 337; 1881. № 56), «Полесники и обиралы» (1881. № 165) и другие материалы. Некоторое время он входил в состав редакции «Русских ведомостей».

Уже современники отмечали, что в основе его работ были и собственные наблюдения, и материалы, «извлеченные им из олонецких архивов, так как, состоя на коронной службе, Сергей Алексеевич не ограничивался административной деятельностью, а близко знакомился с местным населением, статистикой и историей края». «Письма из Олонецкой губернии», по мнению одного из биографов Приклонского, «долго будут памяты всем, интересующимся формами землевладения в России, потому что помимо описания современной общины, они заключают в себе документы по истории введения переделов земли на севере»¹⁷. Впоследствии «Письма из Олонецкой губернии», первоначально печатавшиеся в «Русских ведомостях», были изданы им отдельной книгой «Народная жизнь на севере»¹⁸.

Книга Приклонского «Народная жизнь на Севере» примечательна с нескольких точек зрения. Автором двигал живой интерес к жизни крестьян Олонецкой губернии, горячее стремление разобраться в том, что собой представляет и в каком направлении эволюционирует северное крестьянство. Поэтому он шел от конкретного материала, от личных наблюдений и собранных им на месте сведений к обобщениям и выводам. При таком подходе автор положительно относится к подсеке, воспринимает сельских богатеев как элиту крестьянского общества, подчинившую себе односельчан не только экономически, но и «нравственно», показывает отход как способ борьбы с малоземельем и т.д.

До приезда в Олонецкую губернию Приклонский жил в Центральной России и мог сравнивать положение крестьянства там и на севере. Поэтому в книге «Народная жизнь на Севере» ярко выражены региональные особенности положения крестьян (часто повторяющиеся голодные годы, большой ущерб, наносившийся крестьянскому хозяйству от постоянных нападений диких зверей, и другие).

Народнические взгляды, которых придерживался Приклонский, выражались в критике действий властей и земства, внимательном изучении вопросов крестьянского землевладения и землепользования при положительном отношении к общинному и негативном – к личному землевладению, но лишь отчасти довели над его построениями. Хотя как объективный исследователь он признает и те явления, которые не укладывались в народнические схемы (например, расслоение общины). Большое внимание, уделенное в книге развитию сельской школы, свидетельствовало о постепенном эволюционировании Приклонского от радикального к либеральному народничеству.

В книге «Народная жизнь на Севере» Приклонский сумел дать глубокую, детальную и независимую от бюрократических инстанций картину положения крестьян Олонецкой губернии в 1860-е–1870-е гг. Из-за своей

оппозиционной направленности книга была запрещена к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Но ряд ведущих журналов поместили на нее обширные и в целом положительные рецензии¹⁹.

Большой общественный резонанс получила и серия очерков Приклонского в «Русских ведомостях» – «Очерки административной ссылки». Народоволец С.А. Иванов в своих воспоминаниях писал об этих очерках, «посвященных описанию положения политических административно-ссылных и вообще порядков этой ссылки», как о публикациях, «обративших на себя в свое время всеобщее внимание». Публикация их была прервана по требованию цензуры.

В декабре 1880 г. в Москве группой земских деятелей стала издаваться либеральная газета «Земство». Среди публицистов, постоянно сотрудничавших в ней, был и Приклонский: он вел еженедельное обозрение внутренней жизни. Газета печатала статьи, в которых приводились факты обнищания, упадка сельского хозяйства, низкого уровня просвещения и т.д. В одном из номеров была помещена статья «Голод в Олонецкой губернии» (1881. № 33). После убийства Александра II газета получила два предостережения «за недозволительное и несправедливое осуждение деятельности лиц, занимающих важные государственные должности»²⁰ и в июле 1882 г. была закрыта.

В 1880 г. в Москве возник либерально-народнический журнал «Русская мысль», который «по составу сотрудников был наиболее интересным журналом 1880-х годов»²¹. Вскоре в этот журнал был приглашен Приклонский. Ему была поручена подготовка одного из важнейших разделов – «внутренние обозрения», который он вел «около двух лет». Кроме того, он поместил в «Русской мысли» ряд своих публицистических статей. Его биограф писал: «Публицистические статьи Приклонского выделяются из массы подобных же горячностью тона и искренностью убеждения... Эта горячность и подчас резкость тона создавала покойному немало цензурных затруднений и была, кажется, одною из причин выхода Сергея Алексеевича из состава сотрудников “Русской мысли”»²². С.А. Иванов писал о сотрудничестве Приклонского в «Русской мысли», что он был «душой этого журнала в лучшее время его существования».

В 1883 г. в журнале «Русская мысль» появился обширный очерк Приклонского (опубликованный под псевдонимом «Лонский») «Державин в Петрозаводске»²³. Эта работа отличается от многочисленных трудов как дореволюционных, так и советских исследователей биографии Г.Р. Державина резко отрицательным отношением к поэту. Очерк Приклонского был написан в условиях острой борьбы либеральной и народнической интеллигенции с царской властью. И в этих условиях Державин, воспевавший Екатерину II и ее приближенных, участник борьбы с восстанием Е.И. Пугачева, царский министр и губернатор, был для либералов и народников одним из символов ненавистной царской власти, ее верным слугой, опорой и «певцом Фелицы». В условиях правления Александра III, когда действовали жестокие цензурные правила, было небезопасно критиковать действующих

министров и губернаторов. А критика Державина стала по сути завуалированной критикой всей системы самодержавия. Приклонский попытался, и не безуспешно, дать основанную на большом фактическом материале объективную оценку деятельности Державина на посту губернатора Олонецкой губернии. Оппозиционные политические взгляды автора и, вероятно, его личное раздражение против своих сослуживцев заставили его сгустить краски и добавить тенденциозности и негатива в описание деятельности поэта-губернатора в Петрозаводске. Сейчас, когда господствует довольно благостная картина в описании государственной деятельности Державина, очерк Приклонского читается с особым интересом.

Из петербургских изданий Приклонский сотрудничал в газете «Неделя», являвшейся в 1880-е гг. изданием либерально-народнического направления. В «Неделе» он опубликовал статью «Наше кулачество» (1884. № 35), в которой отстаивал идею минования Россией капиталистической фазы развития. В быстро правящей «Неделе» он был последним крупным народническим публицистом, отстаивавшим ее²⁴.

Значение публицистики Приклонского для оппозиционных изданий 1880-х гг. С.А. Иванов охарактеризовал так: «Бойкий, или вернее сказать, серьезный, талантливый публицист, он был еще более неопределен... в качестве редкого знатока всей русской административной машины. До 1880 г., то есть до своего появления на литературном поприще, он долгое время служил правителем канцелярии олонецкого губернатора, а потому с русскими административными порядками был знаком до тонкости. На литературную работу он ушел с этой должности под влиянием... Заичневского, с которым он познакомился в Петрозаводске, где Заичневский проживал в качестве административного ссыльного».

Сотрудничество в народнических изданиях и знакомство с Заичневским оказали большое воздействие на мировоззрение Приклонского и создали ему соответствующую репутацию. Когда С.А. Иванов под влиянием Заичневского вознамерился издавать нелегальную революционную газету для широкой общественности, то он решил привлечь к сотрудничеству Приклонского и не ошибся в выборе. С.А. Иванов писал, что при встрече с ним Приклонский «сам указывал на бедность революционной литературы в указанном мною выше направлении, так что вообще на его согласие участвовать в предполагаемой газете можно было рассчитывать наверняка».

Приклонский скоропостижно скончался 21 октября 1886 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

Примечания

¹ Приклонский Сергей Алексеевич // Русская мысль. 1886. № 11; Приклонский Сергей Алексеевич // Исторический вестник. 1886. № 12. С. 664–665; Из народовольческих воспоминаний С.А. Иванова // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1928. С. 27, 51, 52, 64; и др.

² ЦГИА г. Москвы. Ф.229. Оп. 5. Д. 568. Л.11об.

- ³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 2. Оп. 68. Д. 2237. Л. 78–87об.
⁴ Приклонский Сергей Алексеевич // Северный вестник. 1886. № 11. С. 1.
⁵ Приклонский Сергей Алексеевич // Исторический вестник. 1886. № 12. С. 664.
⁶ НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 46/6. Л. 1–386.
⁷ Рудницкая Е.Л. «Общество народного освобождения» и его русские связи (кружок П.Г. Заичневского) // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 149–150.
⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д.54/114. Л. 132об.–133.
⁹ Там же. Л. 189об.–190.
¹⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп.1. Д.561. Л. 1.
¹¹ Там же. Л. 3.
¹² Олонецкие губернские ведомости. 1879. 2 июля.
¹³ РГИА. Ф. 1282. Оп.1. Д. 561. Л. 4.
¹⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 48/6. Л. 213а–213а об.
¹⁵ Гиляровский В.А. Московские газеты в 1880-х годах // Былое. 1925. № 6. С. 127.
¹⁶ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1968. С. 420–422.
¹⁷ Приклонский Сергей Алексеевич // Северный вестник. 1886. № 11. С. 2.
¹⁸ Приклонский С.А. Народная жизнь на севере. М., 1884.
¹⁹ Дело. 1884. № 1. Паг. 2-я. С. 85–90; Отечественные записки. 1884. № 1. Паг. 2-я. С. 82–85; Вестник Европы. 1884. № 2. С. 854–857.
²⁰ Белокопский И.П. Земское движение до образования партии народной свободы // Былое. 1907. № 4. С. 243.
²¹ Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. М., 1989. С. 185.
²² Приклонский Сергей Алексеевич // Северный вестник. 1886. № 11. С. 2.
²³ Приклонский С.А. Державин в Петрозаводске // Русская мысль. 1883. № 10. С. 175–212; № 11. С. 235–265.
²⁴ Харламов В.И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX века // Революционеры и либералы России. С. 177.

И.А. Ревин

КРЕСТЬЯНЕ МОГИЛЕВСКИЕ: РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ И ИСТОРИЯ ТИХОГО ДОНА

Долгое время историки полагали, что на Дону «рабство царило в полной силе, как и в центральной России и Украине. Крестьян продавали, меняли на лошадей, охотничьих собак, проигрывали в карты и вообще распоряжались ими как своей неотъемлемой собственностью, живым инвентарем...»¹ В то же время позитивно оценивался вклад крестьян в развитие сельского хозяйства Донской области². Однако дошедшие до нас воспоминания крестьян рисуют куда более сложную картину, раскрывая социально-экономические, политические и культурные процессы через восприятие самих крестьян.

В числе таких воспоминаний – уникальная «Родословная» семьи коренных донских крестьян Могилевских, записанная Иваном Николаевичем Могилевским (1927–2006) в конце 1950-х гг. со слов своих родителей Могилевских Николая Сергеевича (1882–1970) и Веры Ефимовны (1882–1972). В «Родословной» отражены основные этапы аграрной истории Дона с середины XVIII в. до 1930-х гг., а также значительное внимание уделяется дворянскому роду Ефремовых. Крупные донские помещики Ефремовы были одним из самых знаменитых казачьих родов Дона, известного с 1670 г., когда его основатель сын московского купца Ефрем Петров перебрался в Черкасск. Данила (около 1690–1760) и Степан (около 1730–1784) Ефремовы были войсковыми атаманами, обратили на себя внимание царского двора, получали в награду «соборей» и чины, участвовали в походах Петра I и в Семилетней войне³.

Появление на Дону крестьян Могилевских связано с деятельностью Степана Даниловича Ефремова. «Пан Ефрем (генерал) служил во времена царствования Екатерины II, неоднократно участвовал в войнах, был награжден орденами в войне с турками, а когда вышел в отставку, получил дар царицы – надел земли по реке Белая Калитва от местечка Криворожья по обе стороны шириною 50 верст и длиною 70 верст, т.е. 350 кв. верст. Генерал Ефремов снарядил дружину из числа купленных крепостных и двинулся на Дон через Белоруссию. В Могилевской губернии караван остановился на отдых в лесу, где обнаружили беглого крестьянина, закованного в кандалы. По закону его было необходимо доставить в полицию, но генерал этого не сделал, так как понимал, что для освоения нового места нужны люди. Генерал сказал беглецу, что отныне он будет считаться его крепостным, а писарю велел немедленно занести фамилию беглеца в списки выше сургучовой печати. Беглец назвал только имя Стефан, а фамилию ему дал генерал, который решил, раз мы его поймали в Могилевской губернии, пусть будет Могилевским»⁴.

Естественно, что эта эпистолярная запись представляет собой не более чем семейную легенду, но в ней есть несколько очень интересных моментов. В 1753 г. императрица Елизавета Петровна назначила С.Д. Ефремова войсковым атаманом с тем, чтобы в важных случаях он «поступал по ордерам и наставлениям отца». Во время дворцового переворота в июне 1762 г. он действительно находился в Петербурге. Вместе с зимовой станицей (казачьим посольством) он совершил «поход на Петергоф» для ареста императора Петра III, чем заслужил благоволение Екатерины II⁵.

Однако маловероятно, чтобы он получил именной указ на занятие данного участка земли: в этот период донские старшины активно захватывали войсковые и юртовые земли на правах «заимки», то есть самовольно. Более того, крестьянские поселения Ефремовых на Калитве были основаны раньше 1763 г. проведения на Дону первой ревизии крестьян. Так, слобода Большая впервые упоминается в 1754 г., а в 1763 г. у войскового атамана

С.Д. Ефремова на месте будущей слободы Ефремо-Степановской уже существовал хутор Дубовник. Здесь, по берегу реки Калитва, до сих пор сохранилась дубовая роща, которую местные жители называют «Панский сад». А в 1763 г. в хуторе проживало 22 души мужского пола из числа малороссиян⁶. Массовый приток малороссиян в эти населенные пункты произошел во второй половине XVIII в. Тогда широко была распространена запись донскими старшинами беглых крестьян в качестве своих податных людей. Так не стеснялся делать и сам войсковой атаман С.Д. Ефремов⁷.

В памяти крестьян Могилевских сохранилось немало сведений о помещицкой семье. «Степан Данилович родился в военной семье, его отец дослужил до полковника и ушел в отставку. Степан Данилович был кадровым офицером, а затем генералом царской армии, служил в Санкт-Петербурге. Служба была нелегкая, так пришлось участвовать в Крымской войне с Османской империей (Вероятно, русско-турецкая война 1768–1774 гг. – *И.Р.*), которая продолжалась около семи лет. Во время войны проявил храбрость и отвагу, за что был награжден орденами. У генерала Ефремова было три сына. Двух сыновей он решил разделить на новое место жительства, т.е. вниз по течению реки Белая Калитва»⁸. В этом отрывке поражает точность воспроизведения крепостными крестьянами основного сюжета и отдельных фрагментов семейной истории своих владельцев. Отец С.Д. Ефремова Данила Ефремович действительно был военным, но не полковником, а генералом: в 1753 г. он получил чин генерал-майора, а в 1759 г. вышел в отставку с гражданским чином тайного советника и через год умер. У С.Д. Ефремова и его третьей жены Меланьи Карповны действительно было три сына, которые получили от отца в наследство миллионный капитал, 50 тыс. десятин земли, стада овец, верблюдов и до 10 тыс. лошадей. Потомство из троих детей Ефремовых оставил только младший сын – Степан Степанович⁹.

Крестьянин Стефан, родоначальник династии Могилевских, оказался «находкой» для генерала: он мог выполнять самые разнообразные работы, знал кузнечное дело, плотницкое и столярное дело, умел изготавливать и обжигать кирпич. Он усердно трудился на всех работах, не жалея сил, строил хозяину («пану») деревянный дом, а затем кирпичный. Генерал это подметил, за усердие и трудолюбие разрешил жениться на собственное усмотрение и жить отдельно в доме. Стефан женился на Людвиге, которая родила ему сына Дмитрия. Пан Ефремов установил для Могилевского ряд привилегий: во-первых, дал некоторую свободу в своей жизнедеятельности, предоставил ему право подрабатывать; во-вторых, все крепостные жили в одном бараке, хотя и имели семьи, но без разрешения за пределы поместья никто не имел право уходить. Однако у Стефана появилась своя мастерская по обработке древесины и кузница, где он бондарничал – изготавливал сбрую, упряжь для волов (ярмо), колеса, сани, брички и т.д.

Степан Дмитриевич Могилевский (около 1824–1916), как и его дед, в крестьянской среде считался мастеровым человеком. Он буквально все умел

делать: был плотником, сапожником, портным (шил шубы, полушубки), умел валять валенки, но особенно хорошо он овладел мастерством плести и изготавливать сита, за что вся семья получила прозвище «ситники». Эта профессия передавалась из поколения в поколение.

И.Н. Могилевский в своих воспоминаниях пишет: «Мой прадед родился крепостным, никогда не покидал пределов своего села, почитая это великим грехом. По образу жизни мало чем отличался от своего деда и прадеда, он рассуждал: “Где родился, там и должен умереть”. На своем жизненном пути он испытал нищенский блеск патриархальщины и развития капитализма. После отмены крепостного права он долго не мог привыкнуть, что вольный человек. Как и все люди обзавелся семьей. Хотя и маленький получил земельный надел, на котором трудился от зари до ночи, но вскоре освоился с новой обстановкой. Используя свои специальности он изготовлял колеса, сита, выполнял плотницкие работы. Свою продукцию продавал, и это дало ему возможность покупать у “батраков” землю, тяговую силу (лошадей, быков, овец, птицу и главное коров – для молока). Немного разбогател, женил трех сыновей, и отделил жить самостоятельно. А сам остался жить на корне с моим дедом Сергеем Степановичем».

С.Д. Могилевского пан за преданность удостоил высшей награды за пять лет до отмены крепостного права: в 1856 г. выдал вольную. Однако тот остался работать у хозяйина, но уже за деньги, что дало ему возможность жить, как заблагорассудится¹⁰.

В даровании воли до 1861 г. нет ничего удивительного, так как к моменту отмены крепостного права слобода Большинская и окрестные хутора и поселки принадлежали Николаю Николаевичу Ефремову (1828–1896) – правнуку С.Д. Ефремова. В возрасте 25 лет он вышел в отставку по состоянию здоровья и стал управлять имениями отца. С 1876 по 1882 гг. Николай Николаевич был предводителем дворянства Области войска Донского, участвовал в проведении земской реформы на Дону. О его характере и взглядах немало говорит то, что некоторые современники считали его чудачком. «К числу чудачеств Николая Николаевича следует отнести и доходившее до смешного обращение его со своими крепостными крестьянами: не только никогда их не наказывал, хотя бы они и воровали у него на глазах, но со многими из них был другом. Для характеристики Н.Н. Ефремова не мешает привести такой факт. Вскоре после освобождения крестьян большинство (крестьяне Ефремовых) начали бунтовать: не внесли никаких платежей, не слушали убеждений ни сельских, ни волостных властей, ни мировых посредников. Войсковой атаман М.Г. Хомутов не хотел посылать для их усмирения воинскую команду ввиду избегания возможного в этих случаях кровопролития. Рассуждая с членами войскового по крестьянским делам присутствия о разных способах усмирения большинства, атаман в заключение сказал: “У меня есть верное средство для их усмирения, да, к сожалению, применить его невозможно”. На вопрос членов “Какое же это сред-

ство?” атаман хотя и с усмешкой, но убежденно отвечал: “Объявить им, что они вновь записаны в крестьянство Николая Николаевича Ефремова”»¹¹. Так что вполне вероятно, что такой пан мог отпустить крестьян на волю, естественно небесплатно.

В отличие от своих предков, Сергей Степанович Могилевский (около 1872–1919) практически не занимался хозяйством, так как уже в 22 года по решению местных властей был определен на службу в казачий полк. Семью это устраивало, так как всем таким служивым были установлены льготы: во-первых, предоставлялся 4-х разовый (месячный) отпуск; во-вторых, платили жалование 2–5 руб. в зависимости от службы; в-третьих, также в зависимости от срока службы выделялась в пожизненное пользование земля площадью 3–10 десятин; по окончании службы назначалось денежное довольство 7 руб. в месяц.

На Дону с его богатыми военными традициями отношение к военной службе всегда было особенным, причем не только среди казаков. Так, И.Н. Могилевский вспоминал: «Дедушка мой родной Сергей Степанович был уважаемым человеком не только среди своих близких родственников, но и всех жителей поселка. По тем временам он был хорошо образован, образование получил во время службы в столице, знал немецкий язык и слабо французский. Он был почетным гостем в волостной управе, по приезду в отпуск проживавшие паны приглашали его к себе на чаепитие»¹². Поощрение помещиком отличившихся в службе солдат имело важное значение для всего сельского общества.

В то же время длительная служба налагала свой отпечаток на семейные отношения. До введения всеобщей воинской повинности общественное сознание крестьян традиционно было очень невысокого мнения о нравственности солдаток, вынужденных ждать мужей годами. Это неодобрение экстраполировалось и на длительную службу в казачьих частях. Отсюда – часто возникавшие семейные конфликты. Одной из «закрытых» тем всегда оставалось их разрешение, так как большинство семей традиционно поступали по принципу «не выносить сор из избы».

Удалось найти подробное описание решения семейного конфликта, связанного с изменой жены во время службы мужа, относящееся к 1890-м гг. Еще «в крестьянстве», в 20 лет Сергей женился на Ефросинье Литвиновой, которая родила ему двоих детей, а в январе 1895 г. родила дочку, «непохожую» на Могилевских. Семейный совет, инициаторами которого были братья военнослужащего, решил признать незаконнорожденного ребенка. Во-первых, его признал сам «отец», а во-вторых, глава семьи заявил, что незаконнорожденная девочка «унаследовала все черты его бабки... и что в ее жилах циркулирует наша кровь, кровь нашего рода Могилевских. А поэтому прошу вас, сыновья и снохи, прекратить судачить не только между собой, но и, не дай бог, на улице. Все то о чем мы сегодня говорили, остается в нашем доме. На этом всякие дебаты закончить и живите так, как жили».

Причина «мирного» разрешения семейного конфликта объясняется религиозностью, высоким нравственным авторитетом главы семьи и заботой о детях, особенно девочках, так как об их добродетели судили по родителям. «Если родители порядочные, то и дети порядочные. Если мать дочек блудная, и дочери такие. А это значит, выйти замуж трудно и даже почти невозможно»¹³.

Экстраполяция «греха» на всех членов семьи была характерной чертой крестьянского менталитета. Положение самой же «грешницы» до конца жизни осталось приниженным, и, прожив 90 лет, особого уважения со стороны своих детей она не имела.

Либеральных взглядов придерживался и последний землевладелец из рода Ефремовых – Иван Николаевич (1866–1945). Детство Иван провел в имении отца поселке Обливки Донецкого округа и после окончания Московского университета в 1891 г. вернулся на Дон, где занялся хозяйством. Крупный помещик, он старался быть прогрессивным аграрием, состоял членом Донского общества сельского хозяйства, учредителем Донецкого окружного и ряда местных сельскохозяйственных обществ. Эти общества распространяли среди крестьян новую технику, улучшенные семена, новые культуры, оказывали крестьянам агрономическую помощь.

И.Н. Ефремов ясно понимал проблемы, связанные с особенностями землевладения на Дону, и это побудило его создать Союз мирного разрешения аграрного вопроса, главной целью которого являлось примирение землевладельцев разных сословий¹⁴. Как общественный деятель, он заботился о развитии просвещения, был организатором местного Общества содействия народному образованию, по его инициативе были открыты два реальных училища – в станицах Каменской и Усть-Медведицкой¹⁵.

В IV Государственной думе Иван Николаевич входил в состав Прогрессивного блока, а после Февральской революции вошел во Временное правительство, где в разное время занимал посты министра юстиции и министра народного призрения. Осенью 1917 г. он был отправлен послом в Швейцарию и обратно в Россию не вернулся¹⁶.

По воле судьбы в это время крестьянин Николай Сергеевич Могилевский (1892–1970) тоже оказался за границей – только в германском плену. В 1915 г. полк, в котором он воевал, был окружен под Равой-Русской, и война для него окончилась. Военнопленных немцы отправили в глубокий тыл, где использовали на рудниках, шахтах, строительных и земляных работах. Из-за недоедания и изнурительного труда (10 и более часов), отсутствия элементарного медицинского обслуживания, сносных бытовых условий свирепствовали болезни и смерть. В таких условиях Н.С. Могилевский находился более полугодя, пока в лагерь не приехал «бауэр» (крестьянин, индивидуальный хозяин) из Баварии для отбора рабочей силы из военнопленных. «Бауэр» выращивал овощи, фрукты, виноград и другие культуры, а также содержал коров и свиней. Для переработки всех видов сельскохозяйственной продукции он содержал небольшие заводы – маслозавод, бойню,

консервный и другие. Предки этого «бауэра» когда-то жили в России, где он и родился. Когда ему было 10 лет, его семья вернулась в Баварию, поэтому он, хотя и плохо, но говорил по-русски. «Бауэр» был отставным офицером, а поэтому ему разрешили самому отобрать таких людей, которые были связаны с сельским хозяйством, – 12 человек на один сезон.

Так у Н.С. Могилевского и его собратьев по плену началась новая жизнь. «Бауэр» доверил ему вместе с его товарищем заниматься животноводством. Круг обязанностей был строго определен: кормить, поить около 30 голов коров, осуществлять уборку хлеба, вести заготовку и доставлять корма. Кроме коров было столько же телков и полутороговых бычков и телок. Весь рогатый скот у немцев круглый год находился на стойловом содержании (в помещениях) из-за отсутствия достаточного количества земли. Иметь угодья для выпаса было невыгодно, и они очень экономно использовали земельные угодья. Земля, которая предназначалась для выпаса, засеивалась травами, что было выгодно, так как сенокос проводили два раза в год. Работа была тяжелая, но не шла ни в какое сравнение с лагерной. «Бауэр» был доволен русскими работниками и поддерживал их как мог: питание было очень хорошим, по воскресеньям и праздникам был усиленный обед (кроме различных блюд выдавал по кружке вина и пива), два раза в месяц (по воскресеньям) разрешал посещать церковь, но под конвоем. По завершении сезона «бауэр» должен был всех военнопленных отправить обратно в лагерь, но он решил оставить Николая с товарищем на зиму. Начальство лагеря возражать не стало.

Со временем они заслужили доверие «бауэра» и получили дополнительные послабления: самостоятельно, без охраны, по выходным посещать церковь, по очереди им выплачивалась мизерная зарплата (они расходовали ее на церковь и что-то еще покупали), им разрешили общаться с немцами, которые работали у хозяина. Хотя зарплата была мизерная, Николаю удалось собрать небольшое количество марок, чтобы отправить посылку на родину. Постепенно жизнь их улучшалась: заслужив еще больше уважения и доверия хозяина, они получили прибавку к зарплате и свободу общения с жителями, получили разрешение раз в два месяца писать письма на родину и раз в полгода отправлять домой посылку.

Николаю удалось завести знакомство с местными жителями, он учился говорить на немецком языке. Недалеко от «бауэра» проживал бывший немецкий колонист, который много лет жил в России и в совершенстве владел русским языком, был знаком с русской культурой и традициями. В Германию он вернулся, так как его родители оставили наследство. У этого колониста было два сына и дочь. Сыновей призвали во время войны в армию. Оба погибли, осталась одна дочь. На праздники колонист приглашал Николая в гости, они общались на русском языке, так постепенно складывались теплые отношения, и русский пленный стал частым гостем в доме немца. Николай все лучше говорил по-немецки. Дочь колониста Маргарита стала

давать ему уроки немецкого языка. Свободного времени практически не было, поэтому девушка стала приходить к Николаю прямо на работу. Постепенно они начали привыкать друг к другу, сначала возникла крепкая дружба, которая переросла в любовь. В начале 1917 г. Маргарита сообщила Николаю, что ждет от него ребенка. Никаких обязательств от русского возлюбленного она не требовала, заявив, что у ее родителей нет наследников и они очень хотят внука. Она не сомневалась, что после окончания войны Николай вернется в Россию, где жила вся его семья – жена, дети и родители. В начале лета Маргарита родила дочь.

В сентябре Николай Могилевский с товарищем решили бежать, но через неделю их задержали в Австрии и отправили в лагерь. Выручил тот самый колонист, отец Маргариты. Он взял Николая в работники. О бурных событиях в России он узнавал от колониста. Однажды тот сказал ему, что лагеря военнопленных пустеют, так как правительство отправляет всех военнопленных в Россию для пополнения белых армий. Николай знал, что скоро и его вызовут в полицию и отправят воевать в Россию, а он не хотел снова браться за оружие. Вместе с товарищем решили снова бежать. К побегу тщательно готовились, в чем существенно помог колонист – достал им документы о том, что они граждане Румынии и возвращаются из плена на родину, составил маршрут побега через Баварию, Австро-Венгрию и Молдавию, помог перебраться через венгерскую границу.

В сентябре 1919 г. Н.С. Могилевский с товарищем совершили побег. До Венгрии добрались железнодорожным транспортом «благополучно, без всяких приключений». Затем по совету колониста использовали гужевой транспорт, на котором успешно пересекли румынскую границу, но когда до Молдавии осталось около 40 км, решили снова проехать поездом. На перроне полиция задержала их. В участке беглецы во всем признались, и их отправили в портовый город Констанца для депортации в Россию. Через трое суток транспорт с 3 тыс. русских военнопленных прибыл в Новороссийск. Но радости у Могилевского было мало.

Еще в пути офицеры начали проводить вербовку в армию Деникина, но желающих снова воевать оказалось мало. Среди бывших военнопленных началось недовольство: «Мы навоевались, намучились в лагерях, почти пять лет кормили вшей, недоедали, среди нас много больных, вы агитируете добровольно, чтобы мы вступали, нет, мы не желаем кровь проливать...». В Новороссийске пароход оставили на рейде, чтобы в случае бунта можно было легко расправиться с мятежниками. На борт поднялся генерал и обратился с такими словами: «Война еще продолжается, наши доблестные войска ведут боевые действия с внутренним врагом. По закону военного времени мы обязаны защищать отечество». Раздались недовольные крики солдат, не желавших воевать с красными. После того как пленные успокоились, генерал продолжил: «Командование будет вынуждено передать вас военно-полевому суду, который определит меру наказания согласно закону

военного времени». Выбора не было, и бывшие военнопленные согласились на переговоры. В результате длительных переговоров, которые продолжались несколько дней, командование пошло на некоторые уступки: после прохождения медицинской комиссии больные и признанные негодными к воинской службе будут отпущены домой, а также будет предоставлен двухнедельный отпуск тем, кого признают годными к военной службе, и в указанное время они должны явиться в пункт назначения.

Все военнопленные, проживающие на Дону и Кубани, были зачислены в казачьи части. В октябре 1919 г. Н.С. Могилевский наконец-то прибыл в родное село Колушкино, где его ждали престарелые родители, жена и пятеро детей. После окончания двухнедельного отпуска он должен был прибыть в окружную станицу Каменскую в полной боевой готовности, то есть иметь «справного» коня, всю амуницию, форму, шашку и копье (огнестрельное оружие выдавалось по месту службы). Для Николая это была большая проблема: «он никогда не казачил и наездником был слабоватым». Экипировкой и подготовкой сына занялся отец Сергей Степанович, который служил в казачьем полку на Кавказе, затем в Новочеркасске и С.-Петербурге, имел боевые награды и слыл великолепным наездником, «настоящим джигитом». Но за три дня до отъезда Николай заболел тифом.

Чтобы сыну «не пришли дезертирство» отец поехал к окружному атаману уведомить, что «такой-то казак заболел тифом и не может по этой причине явиться в срок в ваше распоряжение». Окружной атаман знал ходатая по службе во Владикавказе и обещал прислать врача и двух медсестер для оказания медицинской помощи болеющим тифом казакам. В это время тифом болели поголовно, в семье Могилевских от болезни скончались малолетние сыновья (Алексей и Иван) и двое племянников Николая. Сам он болел очень долго, но сумел победить болезнь. В начале 1920 г. в Колушкино установилась Советская власть и Николай Могилевский, чтобы прокормить свою большую семью, пошел работать лесоводом в близлежащий хутор Калиновка.

Спустя многие годы, в конце 1950-х гг., Николай Сергеевич, человек православный, оценил русскую революцию следующим образом: «Приход Советской власти закономерен, потому что церковные вожди от патриарха до попа были весьма грешными, кроме того, были грешны все от царя до фабриканта и помещика: надругались над душами людей. Этого Бог не прощает»¹⁷.

Так каждый период истории Дона по-своему отразился, преломился в судьбах крестьянской семьи Могилевских и семьи их «панов» Ефремовых. Этот сюжет наглядно демонстрирует, что именно история семьи может и должна выступить точкой отсчета в одной из интерпретаций исторического процесса. История семьи способна придать историческому повествованию не просто «личностные краски», но раскрыть сложность и противоречивость каждой исторической эпохи. Крестьянская родословная на фоне исторических событий позволяет глубже понять менталитет крестьянства, его жизненные потребности и интересы, его отношение к самой исторической эпохе.

Примечания

- ¹ Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917. С. 34.
- ² Попов Х.И. По поводу статьи «Малороссияне в Войске Донском» // Донской вестник. 1867. № 47; Сахаров П.П. Белое рабство на Дону. Новочеркасск, 1911. С. 113; Марков К.В. Крестьяне на Дону // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С. 93.
- ³ Кулишов В.И. В низовьях Дона. М., 1987. С. 55–56.
- ⁴ Могилевский И.Н. Родословная (Личный архив М.И. Могилевского).
- ⁵ Скрылов А.И., Губарев Г.В. Казачий словарь-справочник. Т. I. Кливленд, 1966. С. 263.
- ⁶ Сулин И. Сборник материалов по истории заселения крестьянских слобод и поселков Донецкого округа. Т.3. Ч.2 // Новочеркасский музей истории донского казачества. КП-14900 РКФ 2706. С. 102, 124.
- ⁷ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2002. С. 435.
- ⁸ Могилевский И.Н. Указ. соч.
- ⁹ Скрылов А.И., Губарев Г.В. Указ. соч. С. 261.
- ¹⁰ Могилевский И.Н. Указ. соч.
- ¹¹ Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 129.
- ¹² Могилевский И.Н. Указ. соч.
- ¹³ Могилевский И.Н. Указ. соч.
- ¹⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 410. Оп. 1. Д. 852. Л. 66.
- ¹⁵ Денчик И.В. И.Н. Ефремов в борьбе за мирное обновление России // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 149.
- ¹⁶ Там же. С. 149–155.
- ¹⁷ Могилевский И.Н. Указ. соч.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 352 p.

ЧТО МЕШАЕТ ПОНИМАНИЮ РОССИИ В США: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГИ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА

В годичной давности статья, написанной для британского журнала “Prospect-magazine” (2008. Issue 145. April), Стивен Коткин, профессор Принстонского университета и директор программы по российским и евразийским исследованиям, попытался разобраться в причинах стойкого ощущения, возникшего в США в начале XXI в., по поводу того, что Америка «вновь потеряла Россию». Именно это чувство неудовлетворенности результатами очередного этапа ее либерализации вкупе с уверенностью в особой причастности данному процессу продолжают поддерживать мессианские настроения в США и препятствовать трезвой оценке событий, происходящих в России.

Стремление США к переустройству России – явление, возникшее во взаимоотношениях двух стран задолго до начала Холодной войны. Еще в конце XIX в. Россия стала источником несбыточных ожиданий и объектом покровительственного мессианского снисхождения американцев, организовавших первое движение за «дело русской свободы».

Аналізу данного феномена в долгосрочной исторической перспективе посвящена последняя книга известного американского историка, профессора университета Ратгерс (штат Нью-Джерси) Дэвида Фоглесонга «Американская миссия и “Империя Зла”: Крестовый поход за создание «Свободной России», начиная с 1881 года», опубликованная в 2007 г. В ней рассказывается о том, как вот уже более века американцы предпринимают попытки экспорта собственных символов политической и религиозной веры, технологических новаций и экономических теорий, достижений массовой культуры, а в отдельном случае и вооруженного вторжения, участвуя в своеобразном «крестовом походе» за обновление Российской империи, Советского Союза и постсоветской России. Основной объект исследования – мессианская идея, связанная с видением перспектив модернизации России в США, вписанная в контекст глобальной миссии Америки по реформированию мира и ставшая проекцией внутренней «повестки дня» американского общества. Таким образом, эта

история не только о том, что американцы думали о России, но и рассказ об их саморепрезентациях, о том, как демонизация образа России превращалась в способ ревитализации американского национализма.

Избранный подход предполагал широкое привлечение вербальных и графических материалов американской прессы, введение в научный оборот целого комплекса источников личного происхождения, иллюстрирующих настроения участников различных индивидуальных и коллективных миссий по возрождению и обновлению России, или, что не менее важно, авторскую интерпретацию уже использованных другими исследователями источников. В итоге текст монографии оказался населен множеством персонажей, начиная с президентов, госсекретарей, послов, авторитетных экспертов по «русскому вопросу» и заканчивая журналистами и публицистами, миссионерами и бизнесменами, рабочими и инженерами, активистами общественных движений и русскими иммигрантами, принимавшими участие в формировании представлений об особой ответственности американцев за проведение реформ в России и рассматривавшими взаимоотношения между странами в рамках дихотомий «Свет–Тьма», «Цивилизация–Варварство», «Современность–Средневековье», «Демократия–Авторитаризм», «Свобода–Рабство», «Запад–Азия/Восток».

Логичное и единое по композиционному построению исследование акцентирует внимание на тех своеобразных «циклах надежд и разочарований», которые американцы более века переживали в связи с видением перспектив демократизации России. Под влиянием идей универсального либерализма, а также ложных иллюзий по поводу стремления русского народа следовать американской модели развития и его надежд на помощь из-за океана они включались в своеобразные «крестовые походы» по обновлению России, чтобы затем разочароваться в результатах очередного этапа ее модернизации и легко перейти от эйфории универсализма к прогорклой русофобии и пессимизму. Причем процесс «демонизации» образа России и всплеск «крестоносных» настроений, по справедливому замечанию Фоглесонга, совпадал с социально-культурными кризисами, переживаемыми американским обществом, и способствовал поддержанию веры американцев в особые преимущества США. Так случилось во второй половине 1970-х гг., когда на фоне кризиса идентичности, ставшего результатом «Вьетнамского синдрома», экономической стагнации, падения авторитета института президентской власти, вызовов со стороны молодежной культуры и женского движения, консерваторы «демонизировали» образ СССР, в то время как либеральные активисты соревновались в отстаивании прав человека в СССР и странах Восточной Европы (с. 150–156, 167, 170–171).

Автор впервые в историографии предпринял попытку определить значение религиозного фактора в конструировании образа России в США. Он неизменно обращается к характеристике религиозных воззрений американцев, демонстрируя, как христианское воспитание и религиозные убеж-

дения миссионеров, борцов за права человека, влиятельных дипломатов и политических лидеров способствовали поддержанию мессианских настроений в американском обществе и укреплению веры в необходимость оказать реальную помощь в решении российских проблем. При этом манихейская концепция, предполагавшая разделение мира на Царства Тьмы и Света, оказывала непосредственное влияние на формирование представлений о России как об «Империи Зла», о демоническом «Другом», противопоставлявшемся американскому «Я», и о русских, взирающих на Америку как на «источник Света». Прекрасным подтверждением идей Фоглесонга могут служить американские политические карикатуры: на протяжении всего прошлого столетия художники неизменно использовали игру на образах Тьмы и Света в качестве одной из основных коммуникативных стратегий для кодирования общественного мнения.

Актуализация религиозного фактора позволила исследователю усложнить объяснительную схему тех изменений, которые происходили в восприятии американцами событий по другую сторону Атлантики. Он расширяет и уточняет характеристику деятельности участников первого «крестового похода» рубежа XIX–XX вв. (с. 15–16, 23–25); обращает внимание на роль американских миссионеров в распространении ложных иллюзий в период революции 1917 г., на их вклад в конструирование образа большевиков как враждебных «Чужих» для России и русских, а также в закреплении представлений о необходимости американской интервенции во имя спасения демократии в России (с. 35–38, 52, 55); вслед за Б. Патенаудом подчеркивает религиозно-мессианские устремления представителей «Американской администрации помощи» во время голода в Поволжье (с. 65); прослеживает взаимосвязь между гонениями на протестантов вследствие успешной реализации мессианского проекта по обращению русских верующих и священников в протестантизм в 1920-е гг. и «демонизацией» образа Советской России (с. 71).

В противовес существующей историографической традиции исследователь обращает особое внимание на роль религиозного фактора при изучении особенностей восприятия СССР в США в период Второй мировой войны. Фоглесонг показывает, как ложные надежды американских религиозных и общественных деятелей на духовную ревитализацию советского общества привели к нарастанию враждебности в первые годы Холодной войны (с. 83). Отдавая должное реализму Джорджа Фроста Кеннана, автор, тем не менее, подчеркивает, что он усматривал в религиозной реформации способ либерализации сталинского режима (с. 92, 115). И наконец, ставка на духовное возрождение России, по мнению Фоглесонга, способствовала отказу Рональда Рейгана от тезиса об «Империи Зла» и внесла существенные коррективы в его рассуждения об особой миссии Америки (с. 190, 193).

Что же, по мнению автора, смягчало образ России? Это были надежды на освоение огромного русского рынка, отодвигавшие на задний план

политические противоречия и идеологические амбиции, или вера либеральных протестантов в то, что коммунисты являются проводниками «Социального Евангелия». Но прежде всего корректировке представлений способствовала деятельность русофилов в США с их конструированием образа России как «Иного», особым отношением к русской духовности и национальному характеру, упованиями на очень медленный и поэтапный процесс модернизации.

Противостояние русофилов и «крестоносцев» – одна из основных интриг книги Фоглесонга. Для русофилов образ правителя и народа существовал как целое, они говорили об особом пути развития русского общества, не предаваясь мечтам о создании «Соединенных Штатов России». Для «крестоносцев» же имело принципиальное значение разведение этих двух образов и романтизация последнего, помогавшая преодолению сомнений в национальном характере и укреплявшая уверенность в необходимости «крестового похода» за создание свободной России. Для тех, кто в противовес русофилам позиционировал образ русских, ожидавших помощи в деле либерализации из-за океана, было важно вписать развитие русской нации в универсальный процесс модернизации и обнаружить истоки демократии в историческом прошлом России (будь то община или новгородское Вече), подчеркнуть нерушность династии Романовых (точка зрения Вудро Вильсона), развести образ космополитичного русского народа, способного к самоуправлению, и ксенофобствующего Кремля, препятствующего вестернизации страны (тенденция времен Холодной войны) (с. 112). И хотя такая схема несколько упрощает картину восприятия, сводя все многообразие оценок к двум основным подходам («крестоносцы» vs. русофилы или либералы/универсалисты/оптимисты vs. консерваторы/русофобы/пессимисты), она, тем не менее, представляется правомерной и полезной для анализа.

Предложенная антитеза позволяет проникнуть в суть долгосрочных американских мифов о России, мешавших трезвой оценке происходивших в ней событий и перспектив ее модернизации. Нельзя не согласиться с автором, что объяснение данного явления кроется в стремлении американцев выстраивать свое видение, опираясь на воображаемую реальность и зачастую выдавая желаемое за действительность. Это, на наш взгляд, происходило в силу той роли, которую с конца XIX в. русский «Другой» играл в рассуждениях либералов, радикалов и консерваторов, русофилов и русофобов об особенностях американской модели развития вследствие того влияния, которое американский социально-культурный контекст оказывал на формирование их взглядов. Причем в позиционировании царской России, России советской и постсоветской сохранялась удивительная преемственность. Поэтому Фоглесонг совершенно прав в своем стремлении объяснять отношение американцев к революционной России 1917 г., к СССР в межвоенный период, в годы Великого Альянса и Холодной войны, а также к России современной, не только опираясь на реалии времени, но и исходя из устоявшихся трендов в американских репрезентациях России и русских.

Его центральный тезис о том, что с конца XIX в. Россия играла роль своеобразного «темного двойника» (dark twin) США, отвлекая внимание американцев от проблем в собственном доме, представляется не только убедительным, но и значимым для понимания образа России в начале XXI в. Однако, по нашему мнению, метафора «стеклянного дома» была и остается неизменной составляющей американского дискурса о России в целом и «крестоносного» в частности. Можно сослаться, например, на членов созданного Общества американских друзей русской свободы, испытывавших сомнения в праве критиковать зло в Российской империи в то время, когда русские могли бы создать собственную организацию в защиту прав афроамериканцев, индейцев и китайских иммигрантов, или на свидетельство социального реформатора Л. Уолда об осознании миссии по гармонизации как американского, так и российского обществ. На этом важном моменте стоило акцентировать внимание. В тоже время, и здесь с автором не поспоришь, проведение параллелей между Россией и США позволяло американцам укрепиться в своей вере в то, что какими бы «болезнями роста» ни страдало американское общество, методы его лечения были предсказуемыми, ненасильственными, лишь возвращающими социум в состояние баланса, на время им утерянному.

Текст книги пронизан сквозными идеями, хотя некоторые из них не всегда прописаны одинаково тщательно применительно к разным периодам. Так, роль русских иммигрантов как носителей негативного образа покинутой ими страны представлена в более развернутом виде после революции 1917 г. Однако массовая иммиграция рубежа XIX–XX вв., состоявшая преимущественно из обездоленных представителей национальных и религиозных меньшинств, внесла важный вклад в «демонизацию» образа Российской империи и поддержание мессианских настроений в американском обществе. Фоглесонг проводит параллель между русскими революционерами и советскими диссидентами, подчеркивая, что и те, и другие рассматривали критику со стороны Запада как катализатор проведения реформ. Но русские радикалы и либералы в дореволюционный период, подобно советским диссидентам в годы Холодной войны, подбросили немало дров в костер американского универсального либерализма. Автор обращает внимание на то влияние, которое оказывали устоявшиеся стереотипы восприятия и своеобразные циклы «надежд и разочарований» на научные исследования в США 1990-х гг. Однако это явление было характерно и для предшествующих периодов.

Интересные аналогии возникают и при сравнении большевизма с религией (с. 61). Этот аспект восприятия появился в дореволюционный период, кстати сказать, не без влияния французского интеллектуала А. Леруа-Бальо, авторитет которого в «русском вопросе» был одинаково признан по обе стороны Атлантики. Он объяснял распространение революционных идей в России потерей религиозных чувств в основной массе населения и сменой христианской веры верой в революционную утопию, в результате чего

нигилизм стал «Новым Евангелием» русского народа. Плодотворной представляется идея Фоглсонга о значении браков между радикально настроенными женщинами-еврейками и мужчинами-протестантами англосаксонского происхождения. Но не менее интересно проследить влияние браков между русскими и американцами, принимавшими активное участие в формировании дискурса о России в США, будь то Гордон Вассон, о котором упоминает автор (с. 121), или Эдмунд Нобль, женатый на Лидии Львовне Пиленовой.

Уверена исследователи, специализирующиеся на имагологии российско-американских отношений, могут высказать различные замечания и соображения по тому или иному периоду, представленному в монографии, так как этот высокопрофессиональный, пронизательный, не лишенный научной провокации текст наводит на серьезные размышления и стимулирует переосмысление процесса конструирования образа России в США в длительной исторической перспективе. И именно в этом состоит его главное достоинство.

Хотелось бы обратить внимание лишь на один момент. По прочтении книги создается впечатление, что российская/советская/постсоветская действительность оказывала весьма опосредованное влияние на восприятие России американцами. Однако, как известно, миф не может существовать и воспроизводиться без подпитки реальными событиями. Другое дело, что реальность гораздо более многообразна и калейдоскопична, чем те ее негативные или позитивные составляющие, которые гиперболизируются и используются для стереотипизации образа.

В начале XXI в. русский «Другой» уже не играет столь значимой роли в формировании американской идентичности, как прежде, а идея «крестового похода» не имеет столь широкого резонанса в американском обществе. И тем не менее, американские политики и политологи, журналисты и политические обозреватели не отказались от попыток подтвердить право на особую роль США в мире посредством риторики о демократизации России. По-прежнему сохраняют свое значение рассуждения о том, что источником российской внешней политики являются не национальные интересы страны, а характер ее политической системы. А это, по верному замечанию Коткина, типичный пример проекции вовне одного из основополагающих представлений Америки о самой себе, то есть о том, что США действуют на мировой арене, исходя не из своих национальных интересов, а из демократической природы своего политического строя. Более того, продолжает бытовать образ России-ученицы, которая должна в процессе обучения становиться более похожей на США. Однако идея ученичества, получившая широкое распространение в Америке на волне упоения триумфализмом после окончания Холодной войны и распада СССР, предполагает неравенство, вступая в неизбежный конфликт с представлениями о России как о великой державе, с которой необходимо считаться и формировать общую

международную «повестку дня». Пессимисты в США утверждают, что Россия оказалась плохой ученицей в одной конкретной, но ключевой области – демократии, индивидуальных прав и свобод. Эта критика имеет под собой реальные основания, подпитывая американские мифы о России и способствуя их регенерации. Причем нельзя забывать о важной роли американского «Другого» в игре смыслов и значений, определяющих процесс конструирования национальной идентичности в постсоветской России. Но, как и в прошлом, российская действительность представляет собой многообразие негативных и позитивных тенденций, находящихся в сложном и неоднозначном взаимодействии. А потому намерение осмыслить ее посредством устоявшихся стереотипов восприятия, жестких переходных парадигм и мессианского морализаторства провоцирует обратную реакцию, вызывая обвинения в адрес самих США в лицемерии и политике двойных стандартов на фоне войны в Ираке, расширения НАТО, действий в бывших советских республиках, позиции в период войны на Кавказе в августе 2008 г.

Журнал «Time» назвал президента В.В. Путина человеком 2007 г., мотивируя свой выбор тем, что «Путин, благодаря железной воле и ценой принципов, которые особенно дороги свободным нациям, вернул России статус мировой державы». Данное событие и появившиеся в американской прессе комментарии подтверждают основные выводы монографии Фоглсонга – будь то рассуждения Р. Стенгела о Советском Союзе как о «темном двойнике» США; или предложенная С. Монтефиоре характеристика В.В. Путина как человека, в стиле руководства которого можно обнаружить наследие русских царей и советских генеральных секретарей, но прежде всего Сталина, приправленное националистическим популизмом; или заявление Н. Торнберга о том, что внешняя политика В.В. Путина, воспринимаемая Западом как угроза, а также его курс на подавление демократии внутри страны осуществляются при полной поддержке русского народа.

В настоящее время в США, как и прежде, звучат голоса авторитетных реалистов, подобно Генри Киссинджеру заявляющих: «Америка не должна усложнять свою внешнюю политику по отношению к России стремлением к предписанию схемы ее исторического развития. Важно правильно расставлять наши приоритеты. Изменение внутренней ситуации в России не может происходить в соответствии с американскими планами, в особенности в краткосрочной перспективе. Россия – огромная страна, граничащая с Китаем, исламским миром и Европой. Сотрудничество с ней является важным фактором поддержания мира и решения глобальных проблем... И мы должны постараться понять те механизмы адаптации, которые необходимы России, находящейся в процессе перехода... Идея о том, что Америка в состоянии изменить ее политическую структуру посредством угроз, – это путь к перманентному кризису» (Time. 2007. December 5, 17, 18, 20). Более того, после победы демократа Б. Обамы активизировалось обсуждение вопроса о необходимости принципиальной корректировки внешнеполи-

тического курса США, а в американской прессе расширился поток публикаций, содержащих призыв к реалистическому международному диалогу с Россией.

В таких условиях книга исследователя-реалиста Д. Фоглесонга, нацеленная на выявление механизмов тех мисперцепций, которые представляют угрозу не только для российско-американских отношений, но и для международной безопасности в целом, будет одинаково интересна не только академическому сообществу, но и тем, кто делают политику, по обе стороны Атлантики.

В.И. Журавлева

Крейд В.П. Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007. – 430 с. (Жизнь замечательных людей).

Созданная Вадимом Крейдом в серии «ЖЗЛ» биография Георгия Иванова – не просто популярное жизнеописание. Это итог многолетней деятельности исследователя, по крупицам восстановившего творческий путь одного из самых интересных русских писателей прошлого столетия и шаг за шагом – от статьи к статье, от публикации к публикации – утверждавшего справедливость слов Юрия Терапиано, назвавшего Георгия Иванова «первым поэтом эмиграции».

«Без знания жизненного пути многие стихи теряют часть своего содержания. На биографию можно взглянуть как на комментарий к стихам, тогда понятнее становится творческое развитие» (с. 161) – эти слова Вадима Крейда звучат в связи с анализом сборника «Сады», но их можно в полной мере отнести к книге в целом. Она очень своеобразна по жанру: здесь есть и биографические материалы, и полемика с недругами Георгия Иванова и его критиками, и анализ поэтики, и текстологические наблюдения. Если бы Вадим Крейд мог продемонстрировать «блистательный путь» Георгия Иванова в жизни и литературе, он бы, наверное, сделал это, ведь он очевидно любит своего героя. Блистательного пути не получается, но нет и «извилистой дороги»: исследователю удается воссоздать жизнь, почти безупречную по своей внутренней логике.

Еще не так давно книга о Георгии Иванове в серии «Жизнь замечательных людей» просто не могла появиться. И дело тут не только в эмигрантском статусе писателя и раздававшихся в его адрес обвинениях в коллабо-

рационизме – хотя и этого в советское время было более чем достаточно. В истории литературы начала XX в. Георгий Иванов являлся, да и до сих пор остается, лишь одним из приближенных к великим, не имея ни малейшего шанса стать с ними в один ряд. В истории литературы эмиграции – прежде всего автором «Петербургских зим», вызвавших у большинства «великолепных очевидцев» раздражение и целый поток обвинений в необъективности и откровенных домыслах.

Нельзя сказать, что творчество Георгия Иванова не привлекало внимания исследователей. Его книги – и в первую очередь «Вереск», «Сады» и «Розы» – просто не могли остаться незамеченными. В оценке их, правда, звучала двойственность, заданная еще рецензией молодого тогда В.М. Жирмунского: «Нельзя не любить стихов Георгия Иванова за большое совершенство в выполнении скромной задачи, добровольно ограниченной его поэтической волей. Нельзя не пожалеть о том, что ему не дано стремиться к художественному воплощению жизненных ценностей большей напряженности и глубины и более широкого захвата». Имя писателя было тесно связано с журналами «Аполлон», «Лукоморье» и «Числа» – все они оставили заметный след в русской литературе, хотя и воспринимались по-разному. Привлекала и продолжает привлекать и читателей, и исследователей «Парижская нота», которая, по мнению Вадима Крейда, «утвердилась благодаря многочисленным статьям Георгия Адамовича, но поэтическая музыка заимствована из “Роз” (с. 264). Но все это существовало как бы отдельно, само по себе. За отдельными книгами и произведениями не выделялся «масштаб личности» (пусть простят меня за этот штамп). Одна из причин – то, что Георгий Иванов, по сути дела, оказался «меж двух поколений»: для «старших» он оставался по-прежнему одним из двух «Жоржиков», а для младших долгие годы не мог стать подлинным авторитетом, ибо они либо отвергали авторитеты вообще, либо ориентировались на более признанных и знаменитых.

Вадим Крейд сделал то, что до сих пор не удавалось никому из исследователей творчества Георгия Иванова, – создал целостное жизнеописание, показал человека, сумевшего практически в любой ситуации хранить верность себе – и это в эпоху революций и мировых войн. Ощущение целостности тем более удивительно, что книга, на первый взгляд, как бы складывается из отдельных фрагментов: в ней 35 глав, и основой многих из них послужили прежние работы Вадима Крейда. Но даже повторы, которых здесь немало, выглядят оправданно: напоминая об уже сказанном, автор связывает воедино разные этапы биографии.

Его стремлением воздать должное герою объясняет, по-видимому, и то, что Георгий Иванов постоянно ставится в один ряд со своими «старшими современниками». Это, безусловно, оправдано и историко-литературно, и «по гамбургскому счету». Но сравнение с ровесниками, пусть и не столько яркое, возможно, помогло бы лучше понять специфику поэтики некоторых произведений.

Георгий Иванов родился в 1894 г. Среди его сверстников или тех, кто на один-два года старше или младше, – Н. Бахтин, Н. Еленев, В. Злобин, Н. Оцуп, М. Слоним, Ю. Фельзен, Ю. Росимов, В. Шкловский, Г. Алексеев, Г. Адамович, И. Лукаш, К. Мочульский, Ю. Терапиано, М. Цветаева, В. Вейдле, И. Одоевцева, В. Федоров, А. Дроздов, Р. Гуль, Н. Рощин, А. Ачяар, А. Ладинский, С. Рафальский, О. Савич. Всего на три года младше А. Ветлугин, А. Гингер, Г. Оцуп. Почему-то их упорно не рассматривали и не рассматривают как представителей одного поколения, хотя оно-то, если процитировать название знаменитой книги В. Варшавского, «незамеченным» не осталось. В их творчестве много общего, и Георгий Иванов в этом ряду не является исключением. «Распад атома», например, заставляет вспомнить о «Записках мерзавца» А. Ветлугина, а «Петербургские зимы» связаны с публикациями начала 1920-х гг. В. Шкловского, Ф. Иванова, того же А. Ветлугина...

«Петербургские зимы» Вадим Крейд справедливо называет известнейшей из книг Георгия Иванова. Неслучайно полумемуарная, полубеллетристическая проза писателя даже композиционно оказывается в центре жизнеописания. «Чем исчерпаннее у человека запас будущего, тем чаще он окунается в свое прошлое. Георгий Иванов – не исключение. Он писал воспоминания, как и другие русские писатели-парижане, спутники его жизни – Одоевцева, Ходасевич, Маковский, Бунин, Зайцев, Вейдле, Бахрах, Гиппиус, Терапиано, Дон Аминадо, Померанцев, Яновский, Берберова. Каждый из них пришел к работе над воспоминаниями далеко не в молодом возрасте, чаще всего в конце странствия земного. В этом отношении “Петербургские зимы” – редкое исключение. Ведь воспоминания Г. Иванова выпустили в свет, когда автору шел от рождения тридцать четвертый год», – отмечает Вадим Крейд (с. 220). Стремясь подчеркнуть уникальность подхода Георгия Иванова, он перечисляет тех русских писателей-эмигрантов, кто обратились к мемуаристике уже в зрелом возрасте. Но можно составить и другой список: Алексеев, Ветлугин, Гуль, Дроздов, Коноплин, Шкловский... Отдельное издание «Петербургских зим» Георгия Иванова появилось в 1928 г., а в периодике публикации начались в середине 1924 г. А, скажем, «Живые встречи» Глеба Алексеева – это если мы говорим о классических «литературных воспоминаниях» – вышли отдельным изданием в Берлине в 1923 г., когда автору только исполнилось тридцать, а в берлинской периодике очерки начали печататься в августе 1921 г. В том же 1923 г. в Берлине опубликованы «Сентиментальное путешествие» и «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза». В. Шкловскому было тридцать лет. «Не нужно искать в моих воспоминаниях связанной картины событий, это отрывки, взятые под заведомо неверным углом», – писал В. Шкловский в предисловии «Сентиментальному путешествию». Кажется, что именно отсюда лежит прямая к дороге к прекрасной формуле, найденной Георгием Ивановым в «Петербургских зимах»: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны, как воспомина-

ния. И когда думаешь о бывшем “так недавно и так давно”, никогда не знаешь, где воспоминания, где сны».

Впрочем, даже если не со всем в позиции Вадима Крейда можно полностью согласиться (в биографии Георгия Иванова много спорных моментов), предложенная им интерпретация видится оправданной. В серии «ЖЗЛ» не место литературоведческим спорам: это своего рода пьедестал, на который надо возвести героя. И данное критиком «Последних новостей» определение «Петербургских зим» Георгия Иванова – «Ярко, интересно, талантливо!» – хочется перенести и на книгу Вадима Крейда.

Единственное, что вызывает недоумение, – странная немотивированность редакционных примечаний. К примеру, при естественном избытии в книге имен и фамилий, многие из которых известны, как справедливо пишет сам Вадим Крейд, только «эрудитам-литературоведам», пояснительных сносок удостоились лишь трое – О. Шпенлер, Г. Зиновьев и А. Керенский. Согласитесь, довольно трудно представить себе человека, знающего, кто такая Ксения Эрдели, но в первый раз услышавшего про Керенского...

Д.Д. Николаев

Широкопад А.Б. Великая речная война, 1918–1920 годы. М.: Вече, 2006.– 416 с.

История участия моряков в Гражданской войне еще полна «белых пятен»; казалось бы, появление новых работ по этой теме может только радовать. Однако знакомство с книгой А.Б. Широкопада «Великая речная война. 1918–1920 годы» вызывает совсем иные чувства.

Александр Борисович Широкопад является едва ли не самым активно издающимся автором, пишущим в научно-популярном жанре на военно-исторические темы. Большинство его книг, однако, являются сколоченными «на скорую руку» компиляциями. Но несмотря на обилие отрицательных рецензий, автор, начинавший, кстати, как составитель неплохих справочников по артиллерии, уверенно «держит прежний курс».

Все книги А.Б. Широкопада составлены по одному принципу. За основу берется какое-либо фундаментальное издание, причем текст зачас-

тую заимствуется целыми страницами без всяких изменений. К нему «лепятся» дополнительные сведения из других работ. И все это разбавляется историческими анекдотами и «охотничьими байками».

Не стала исключением и «Великая речная война».

Ее основу составляют три «кита»: два тома из 3-томника «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», изданного в середине 1920-х гг., сборник воспоминаний моряков-эмигрантов «Флот в Белой борьбе» (М., 2002) и справочник «Корабли и вспомогательные суда советского военно-морского флота (1917–1927 гг.)», выпущенный «Воениздатом» в 1981 г. Не пытаюсь критически осмыслить ни источники, ни результаты работы предшественников, А.Б. Широкоград автоматически перенес все ошибки и неточности этих изданий в свою книгу.

Вопросы у думающего читателя возникают с первых же страниц. Так, в предисловии автор пишет: «Никогда в истории войн, ни до 1918 г., ни после, речные флотилии не играли столь важной роли». Утверждение, по меньшей мере, спорное. В большинстве работ по истории речных флотилий (особенно выпущенных в 1930-е гг.), многие из которых приведены Широкоградом в списке литературы, размещенном в конце книги, проводится параллель между речными флотилиями Гражданской войны в России и подобными формированиями, созданными в ходе конфликта между Северными и Южными штатами Америки 1861–1865 гг.

Понятно, что А.Б. Широкограду очень хочется лишний раз подчеркнуть историческое значение описываемых событий и, следовательно, своей книги. Мы не собираемся оспаривать огромное значение Гражданской войны в судьбе нашей Родины, но становится очень грустно, когда «маститый историк отечественной морской артиллерии» сообщает читателю: «Если на кораблях Российского императорского флота в 1904–1917 гг. состояло не более дюжины типов орудий, то на речных флотилиях использовались многие десятки типов отечественных и иностранных артсистем морских и сухопутных образцов». Тут нужно пояснить: А.Б. Широкоград – автор справочника «Корабельная артиллерия Российского флота 1867 – 1922 гг.» (Морская коллекция. 1997. № 2). И в этом справочнике описывается никак не менее той самой «дюжины», причем не типов, а калибров орудий. Естественно, что типов орудий было во много раз больше. При этом в упомянутом справочнике не учитывались образцы орудий, стоявшие на кораблях и вооруженных судах в единичных экземплярах (например, трофейные), а также не фиксировались попавшие на флот полевые пушки и гаубицы. Напрашивается нелюбезный вопрос: автор справочника не помнит, что он сам написал не так уж и давно, или в «Великой речной войне» он «пересматривает» свои более ранние «положения и выводы»?

Приступая к оценке основного текста, сразу отметим некоторые общие моменты.

В книге говорится лишь о тех флотилиях, сведения о которых оказались в распоряжении автора. Некоторые формирования, публикации о которых не попали в поле зрения А.Б. Широкограда, никак не упоминаются.

Все ссылки на архивные материалы «позаимствованы» из других работ. Например из сборников документов «Военные моряки в борьбе за власть Советов...», выпущенных в разных городах в советский период. Причем в послесловии (с. 407) он выдает себя фразой: «Обнаружить сейчас новые документы маловероятно». И обращается ко всем, кто владеют материалами, позволяющими пролить свет на эпизоды войны на реках и озерах, с просьбой помочь ему, так как он и в дальнейшем будет работать по данной тематике». Отчего же не помочь. Сообщаем: только в Российском государственном архиве военно-морского флота в С.-Петербурге хранится около сотни (!) фондов (тысячи архивных дел), содержащих информацию об упоминаемых в книге флотилиях. И значительная часть этих документов до сих пор не введена в научный оборот. При этом РГА ВМФ является федеральным, а не ведомственным архивом, то есть доступным для всех исследователей. Это обстоятельство подчеркиваем особо, так как А.Б. Широкоград и его белорусский коллега и издатель А. Тарас очень любят ссылаться на закрытость архивов. Пусть в последние годы РГА ВМФ был временно закрыт, ну так и серьезные научные исследования создаются годами.

Автор сетует на то, что ему не удалось найти рукопись воспоминаний командующего белой Онежской флотилией А.Д. Кира-Динжана. Однако, с конца 1990-х гг. она хранится в собрании Российского фонда культуры в Москве. Более того, как сама рукопись, так и информация о ее местонахождении вполне доступны всем интересующимся («Каталог военно-морских изданий и рукописей. Из собрания американо-русского общества Российского Фонда Культуры». М., 2000. С. 12.).

Если «заимствование» фальсификация архивных ссылок объясняется тем, что за последние полтора десятка автор не был замечен ни в одном из исторических архивов, то зачем понадобилось придумывать никогда не издававшиеся книги и ссылаться на них – загадка. Так, повествуя о действиях флотилий на Каме в 1919 г., А.Б. Широкоград неоднократно упоминает работу Т.Г. Джеймсона «Экспедиция в Сибирь», указывая, что она была выпущена в Лондоне в 1968 г. Однако такой книги на русском языке (как можно понять из библиографического описания) никогда не выходило ни в Лондоне, ни где-либо еще, а указанные воспоминания были опубликованы в октябре–ноябре 2000 г. в четырех номерах газеты «Русская мысль».

Вообще, просматривая список литературы и примечания, поражаешься, с каким неуважением автор относится к авторам книг, материалами которых он столь активно пользовался. Например, С.В. Волков становится у него Вроковым, А.К. Селяничев – Семяничевым, В. Шамбаров – Шамборовым. Мелочь, конечно, но весьма ярко характеризующая уровень культуры исследования и отношение автора к своим «коллегам по цеху»...

Первая глава, озаглавленная в «ширококордовском», разухабисто-сказочном стиле – «Как два мичмана начали речную войну», посвящена истории Речного боевого флота Народной армии Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), ее действиям на Волге и ее притоках в 1918 г. Но речная война началась не на Волге, а на Дону (донским флотилиям, заметим в скобках, скромно отведено «целых» шесть с половиной страниц в самом конце книги). И начали ее не два мичмана, а группа балтийских и черноморских морских офицеров попыткой захвата вооруженного 152-мм орудием тральщика «Диамантиди» во время неудачного восстания в Ростове-на-Дону. Тогда этого осуществить не удалось, но уже вскоре после захвата донскими казаками Ростова, в апреле 1918 г., были созданы Морские и речные силы Дона, которые фактически послужили основой возрожденного в составе Вооруженных сил на юге России Черноморского флота. Именно на Дону белыми была создана первая в истории Гражданской войны речная флотилия, которая впоследствии послужила основой для создания Днепровской и Волжской военных флотилий. Именно на Дону, а не на Волге началась «Великая речная война» в марте 1918 г.

А.Б. Широкоград пишет: «Появилась у белой флотилии и своя авиация. Еще 4 июня у железнодорожной станции Липяги (под Самарой) моряки гидродивизиона на своей базе “Фельдмаршал Суворов” пытались прорваться к красным, но сели на мель. Чехи огнем с берега убили свыше ста матросов, лишь нескольким из них удалось прорваться в Симбирск на катере “Фрам”. Самолеты гидродивизиона стали добычей чехов. Все офицеры дивизиона перешли на сторону белых» (с. 9). Да, действительно такой бой произошел, но о создании гидроавиации Речного боевого флота ни одного упоминания в мемуарах и документах нет. Напротив, образованный 10 августа 1918 г. в составе красной Волжской военной флотилии гидроавиационный отряд Самарского воздушного дивизиона, состоящий из трех самолетов М-9, немало досаждал белым морякам.

В ходе дальнейшего повествования автор со вкусом описывает (с. 29–30) почти интимные подробности жизни Л.М. Рейснер (иногда интимно именуя ее Лялей), бывшей в 1918 г. комиссаром Волжской военной флотилии. Все это, несомненно, интересно и важно для изучения истории речной войны. Но рядом, в гораздо более принципиальных моментах, автор допускает непростительную путаницу. Так, на той же с. 30 он пишет: «Примерно в это время [август 1918 г.] в Казань прибыл капитан 1-го ранга Михаил Иванович Смирнов». И далее сообщает о том, что Смирнов стал командующим Волжской флотилией (кстати, везде в тексте главы Речной боевой флот именуется именно флотилией, хотя в документах и воспоминаниях это формирование называется «флотом», поскольку Комуч претендовал на власть во всероссийском масштабе). На самом деле в Казань прибыл не М.И. Смирнов, который в это время находился в Америке (он появится в Сибири 17 ноября 1918 г., о чем написано в его подробных и интересных воспоминаниях, по-

священных Камской кампании 1919 г., о существовании которых, пользуясь случаем, в порядке помощи и сообщаем А.Б. Широкограду: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 472), а контр-адмирал Г.К. Старк. Он осуществлял общее командование флотом, непосредственно руководя его 1-м и 3-м дивизионами. Впрочем, на с. 63, описывая действия красной Верхнекамской флотилии, автор упомянул «белую флотилию Старка». Но кто такой этот Старк и откуда он взялся, остается для читателя, знакомого с предметом не лучше самого автора, загадкой.

На с. 66–117 А.Б. Широкоград описывает Камскую кампанию 1919 года. Он подробно описывает уничтожение кораблей Камской флотилии в устье реки Чусовой. Однако, вопреки его утверждению (с. 115), красные тогда не захватили бронекатера «Тигр» и «Барс». Это произошло лишь в январе 1920 г. в Красноярске, а до этого катера успели еще послужить под Андреевскими флагами в составе Обь-Иртышской речной боевой флотилии. Вообще, прочитав об уничтожении кораблей, у любознательного читателя может возникнуть вопрос: куда же делись моряки флотилии – погибли, сдались в плен, испарились? На самом деле из личного состава Речной боевой флотилии, эвакуированного в Тюмень (туда же удалось вывезти и часть имущества), были сформированы команды кораблей Обь-Иртышской речной боевой флотилии, активно действовавшей на сибирских реках осенью 1919 г. Там же действовали и два упомянутых выше бронекатера. Но об этой флотилии А.Б. Широкоград не пишет, ибо публикациям о ней не посчастливилось попасть в его поле зрения. При этом данную флотилию никак нельзя отнести к местным формированиям, состоявшим из нескольких катеров, описанием деятельности которых автор решил не «затруднять» себя, о чем простоудушно признался в предисловии (с. 4). Не узнать ничего из книги и о Енисейской речной боевой флотилии, созданной и воевавшей в 1919 г.

Но, может подумать читатель, так не повезло именно Волжско-Камскому театру? Читаем дальше. Раздел III посвящен действиям на Каспии и Нижней Волге. Он занимает в книге 121 страницу (больше одной четверти), при этом в основном в нем рассказывается о действиях на Каспии. Заметим сразу, что командование Вооруженных сил на юге России, в состав которых входила Каспийская военная флотилия, не относило ее к Речным силам. С таким же успехом в книгу можно было бы включить и боевые действия на Азовском море. Впрочем, скорее всего включение в работу Каспийского театра объясняется только наличием большого количества публикаций, посвященных Гражданской войне в этом регионе. Увы, и это не помогло автору...

«Перлы» в этом разделе встречаются практически на каждой странице (и наверняка встречались бы на каждой, не будь в книге столь объемистых цитат).

На с. 137 фигурирует «отряд Астрахано-Каспийской флотилии в составе пароходов “Припять”...», однако в составе Красной флотилии дей-

ствовала только одна «Припять» – бывший буксир-теплоход, мобилизованный еще в годы Первой мировой войны и ставший заградителем.

Обидно, но некогда считавшийся знатоком морской артиллерии А.Б. Широкоград проявляет странно недобросовестное отношение к калибрам орудий. На с. 135 можно прочитать: «В 1918 г. на пароходе установили одно 120-мм и одно 75-мм английские орудия». Однако британский флот в то время не имел ни вооружении «семидесятипяток».

Неоднократно (не в цитатах, а именно в авторском тексте) упоминается не существовавший в то время калибр отечественной пушки – 100 мм: «красные крейсера “Коломна” (вооружение: четыре 100-мм орудия) и “Макаров I” (два 100-мм орудия)». 100-мм артсистемы появились в нашей стране значительно позже, уже в СССР, а в России выпускались и состояли на вооружении четырехдюймовые орудия. Их можно именовать 102-мм пушками, но округлять калибр до 100 мм по меньшей мере некорректно.

На с. 129 (и далее неоднократно) командующий британской флотилией именуется «командор Норрис», между тем звание Д. Норриса – коммодор.

Вообще все, что касается британцев, оказалось для А.Б. Широкограда «темным лесом». На с. 161 повествуется, как «англичане обзавелись гидроавиацией». Оказывается, «первая партия гидросамолетов под командованием Д. Норриса отправилась на грузовиках из Багдада 27 июля 1918 г. и прибыла в Энзели 6 августа». На самом деле никаких перевозок гидросамолетов из Багдада не осуществлялось. Из Месопотамии британцы отправили на помощь силам генерал-майора Данстервиля (так называемым «Данстрфорс») вполне сухопутные – на колесном шасси, из состава 72-й эскадрильи – «Мартинсайды». К «великой речной войне» эти машины никакого отношения не имели. Гидросамолеты «Шорт» перебрасывались уже после окончания Первой мировой войны – сначала из Средиземного моря в Черное, затем на Каспий через Батуми и Тифлис. Даты отправки самолетов, их серийные номера, фамилии пилотов – все это можно при желании найти в англоязычной литературе, а некоторые статьи даже переведены на русский язык.

Впрочем, отечественные переводчики не всегда работают грамотно, а бездумное использование неудачных переводов добавляет «шарма» последующим трудам. Не избежал этого и А.Б. Широкоград. Описывая налеты британских гидросамолетов на форт Александровский после Тюб-Караганского боя, он сообщает (с. 189), что «Томпсон и Бикнел заявили об одном попадании в торпедный катер». Все бы ничего, но в рапортах британских пилотов фигурирует корабль совсем другого класса – миноносец. Некий «катер» появился по одной-единственной причине: не слишком разбирающиеся в морских терминах знатоки английского сочли, что слово *torpedoboa* надо переводить буквально: «торпедная лодка».

Не повезло и базе гидросамолетов, по поводу которой сказано: «К концу года [1918] в Баку прибыли первые три английских торпедных катера.

В качестве плавбазы для всех шести британских торпедных катеров выбрали самое большое каспийское судно “Волга”. Это был бывший танкер “Аладир Усейнов”, построенный в 1905 г. в Сормово... “Волгу” планировалось вооружить 152-мм британскими пушками. Любопытно, что в архивных документах и мемуарах это судно фигурирует как под старым, так и под новым названием».

Невольно обращает на себя внимание как точность подсчетов (прибыли три торпедных катера, но база для всех шести), так и изящество слога («был бывший»). Не цепляясь к мелочам, проясним для читателей книги А.Б. Широкограда ситуацию с «самым большим каспийским судном» (кстати, и это утверждение действительности не соответствует).

HMS “Alader Youssanoff” («Аладир Усейнов») числился в составе британского флота авиатранспортом. Зачисли его в состав Royal Navy в январе 1919 г., а в боевых действиях корабль участвовал с 30 апреля по 11 июля. Плавбазой торпедных катеров стал в августе, а в «Волгу» его переименовали в октябре 1919 г., уже после передачи белым. Плавбазой торпедных катеров весной 1919 г. служил «Орлёнок» (англичане именовали его HMS “Orlionoch”), ставший носителем гидросамолетов в августе.

Кстати, вооружение «Аладира Усейнова» на период службы гидроавиатранспортом – одна 12-фунтовая (английская 76-мм) пушка. Это опровергает еще одно утверждение А.Б. Широкограда (с. 192): «... Англичане имели возможность полностью уничтожить суда большевиков, но не сделали этого из политических соображений. “Владычице морей” нужна была не победа Деникина, а продолжение Гражданской войны и дальнейший распад государства Российского» (с. 192).

Во-первых, у британцев действительно с боезапасом обстояло неважно. Во-вторых, наши офицеры (в частности, многократно цитируемый А.Б. Широкоградом Н.Н. Лишин) явно преувеличивали огневую мощь «Волги». Потому-то А.В. Колчак, получив доклад о результатах боя, и предположил наличие в действиях союзников злого умысла. Но Верховный правитель не знал того, что просто обязан знать современный исследователь, и его недоверие к представителям Антанты понятно. Зато у А.Б. Широкограда получается некий антибританский памфлет, не имеющий под собой никакого основания, кроме стремления опорочить все и вся.

Между прочим, любопытно узнать, как представляется автору выход из боя по политическим соображениям? Что, британский коммодор кричит своим комендорам: «Прекратите огонь, нам их добывать не велено!»? И как он, морской начальник в не слишком высоком звании, мог определить, сколько «большевиков» надо потопить, а сколько отпустить для того, чтобы Деникин не одержал окончательной победы?

Еще раз убедимся, что А.Б. Широкоград плохо помнит, что писал в своих ранее вышедших книгах. Ведь, с одной стороны, он автор работ о Русско-японской войне; с другой – в «Великой речной войне» (с. 246) он сооб-

щает читателям: «Белые суда, пришедшие в Энзели, были интернированы в полном соответствии с международным правом. К примеру, точно так же были интернированы в китайских портах несколько русских кораблей в 1904–1905 гг., и японцы не посмели их тронуть». А как же печальная история миноносца «Решительный», захваченного японцами в Чифу?

Верх технической неграмотности и авторской недобросовестности – описание налета «славяно-британской» авиации на аэродром красных у деревни Пучуга (с. 285): «Налеты красных стали досажать летчикам славяно-британского легиона, и те решили уничтожить аэродром красных у деревни Пучуга. В налете должны были участвовать шесть истребителей “Сопвич”, пилотируемых русскими летчиками, и шесть бомбардировщиков ДН.9 “Хевиленд”, пилотируемых британцами. Каждый “Сопвич” нес по шесть 250-фунтовых (102-кг) бомб...

Было уничтожено 11 аэропланов Северодвинской флотилии и сожжено множество оборудования и припасов».

Для начала отметим, что называть самолет ДН.9 «Де Хевиленд» просто «Хевилендом» совершенно неграмотно. Поскольку машина получила название по имени вполне конкретного человека, можно провести аналогию: легендарного мушкетера у нас никто просто Артаньяном не именуется. Далее, куда более существенным можно считать то обстоятельство, что «хлипкий» самолет «Сопвич» ни при каких обстоятельствах не мог поднять столько авиабомб. Напомним, что 600-кг бомбовая нагрузка являлась нормальной для советского двухмоторного бомбардировщика СБ, появившегося в 1930-е гг. Чего уж говорить о машине времен Гражданской войны... Впрочем, применение 250-фунтовых бомб действительно планировалось. Только сбрасывать их предполагалось с бомбардировщиков ДН.9. И напоследок сообщим, что согласно как информации 1920-х гг., так и современным работам, потери красных составил один сгоревший «Ньюпор». Еще один «Ньюпор», «Спад» и две летающие лодки М-20 получили серьезные повреждения.

На с. 311 дважды описывается одно и то же событие. Первый раз это выглядит так: «1 июля у острова Кузик гидросамолет атаковал посыльное судно № 2 (“Огюст Бланки”). Бомбой, попавшей в мостик, было убито 4 человека и 5 ранено. Взрывом разворочен мостик, сломана мачта, порван штуртрос, снесены компас и штурвал, разбита труба и вентиляторы. Несмотря на столь тяжкие повреждения материальной части, посыльное судно № 2 своим ходом дошло до Петрозаводска». Через несколько абзацев читаем: «1 июля 1919 г. у острова Кузик бомба с английского гидросамолета сильно повредила посыльное судно № 2 (бывший пароход “Гавриил”). В строй его решили не вводить и 10 июля передали водному транспорту». Чтобы увидеть повтор, следовало просто прочитать текст. А чтобы разобраться, какой из вариантов описания ближе к истине, следовало заглянуть в справочник «Корабли и вспомогательные суда советского Военно-морского

флота (1917–1927 гг.)», значащийся под номером 2 в списке использованной литературы.

Иллюстрации в книге – разговор особый. Фотографии, рисунки и чертежи заимствованы А.Б. Широкоградом отовсюду. Естественно, без ссылок на первоисточник. Особенно «востребованными» оказались замечательные схемы петербургского исследователя И.И. Черникова, созданные на основе архивных материалов и опубликованные в его книгах по истории речных флотилий.

В общем, волей-неволей напрашивается неутешительный вывод: «историографическая ситуация» ныне такова, что полуграмотные компиляторы и плагиаторы «скорострельностью» и «калибрами» халтуры превосходят квалифицированных историков Гражданской войны, добросовестно изучающих огромный массив сохранившихся архивных документов.

Н.А. Кузнецов, Б.В. Соломонов

Пивовар Е.И. Российское Зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Изд-во РГГУ, 2008. – 545 с.

Чем было в прошлом и является в настоящем вот уже полтора столетия существующее Российское зарубежье? Влиятельным фактором русского исторического процесса, вынесенным в силу разнородных причин за его пределы и поэтому, собственно, уникальным? Или в сущности малозначимым для судеб страны собранием культурных анклавов, рассеянных по свету подобно десяткам иных диаспор? Автор представляемой монографии, посвятивший немало лет комплексному изучению проблемы Российского зарубежья на разных этапах его истории предлагает считать последнее «целостным явлением мировой цивилизации», «явлением международного масштаба». Как бы в подтверждение своего тезиса он ненавязчиво вводит определение «Русский мир», постепенно вытесняющий привычную в современной науке и публицистике конструкцию «Российское зарубежье».

Необходимость написания подобного обобщающего труда по истории Российского зарубежья назрела давно. Во-первых, потому, что требовалось понять, насколько равномерно изучены в плане фактологии отдельно взя-

тые этапы формирования и развития российской диаспоры на протяжении всей ее истории. И хотя автор не ставил специально перед собой такой цели, но его попытка «создания общей картины становления и эволюции Российского зарубежья» является, несомненно, новаторской. Она трудна и неблагодарна с точки зрения задачи объять широкие и неравноценные пласты исторической информации и, обработав их, получить некий результат, который покажет, в каких направлениях двигаться историкам Российского зарубежья дальше, какие проблемы считать еще не решенными, а какие – только решенными отчасти. Поэтому такое исследование – не только анализ, но и одновременно прогноз на будущее.

Скажем, период 1920–1940-х гг. в истории Российского зарубежья на сегодня освещен, не в пример остальным, гораздо подробнее. Теперь библиотека истории «белой эмиграции» насчитывает сотни монографий, диссертаций, статей. Зато куда меньшим исследовательским интересом как сейчас, так и раньше, пользуется российская диаспора предшествующих десятилетий. Автор особо отмечает вклад историков Н.Н. Болховитинова и Э.Л. Нитобурга в изучение дореволюционной истории российского зарубежья. Работы этих историков касаются исключительно русской диаспоры, проживавшей на территории США в XVIII–XIX вв. Монографии, исследующие эмиграцию из дореволюционной России в другие страны, действительно можно сосчитать по пальцам. Наглядный пример: труд Е.И. Пивовара вышел в свет практически одновременно с первой крупной в отечественной историографии работой, посвященной Русскому зарубежью в странах Западной Европы в первой половине XIX в., принадлежащей перу В.Я. Гросула. Подобные совпадения наводят мысль: может быть, подлинно научное изучение и осмысление Российского зарубежья еще только на подходе?

Понятно, что если лишить себя в ходе такой масштабной работы, какая была проделана автором, чувства меры, то объема текста без надлежащих переделок хватит еще на несколько томов. А вот постараться сжать почти до предела текст, проведя жесткий отбор понадобившихся фактов, и при этом дать их квалифицированную, порой нестандартную интерпретацию с изложением перспектив дальнейшего углубленного изучения – сверхзадача даже для четырех с половиной сотен страниц почти сплошного текста. Но автор, как нам видится, ее решил успешно. Поэтому книга обязательно найдет своего читателя не только среди ученых, коллег автора, но и среди студентов и аспирантов, стоящих перед выбором темы, так или иначе связанной с отечественной эмиграцией. В этом им остается только позавидовать. Например, даже нашему поколению историков, ушедшему в самостоятельное «плавание» посреди раскрепощенных для научных изысканий 1990-х, приступая к знакомству с белоэмигрантской темой, приходилось опираться лишь на отдельные труды. При этом старые несли на себе условности времени, свежие – заметные следы поверхностной публицистичнос-

ти и надуманной патетики. И речи не было о получении на руки некоего подобия научного свода результатов проделанной к тому времени работы, вышедших в свет книг и статей – западных и эмигрантских. Но любопытно вот что: шли годы, урожайные на книжки, брошюры и сборники по истории русской антибольшевистской эмиграции, но серьезных монографических попыток создания панорамной картины этого яркого исторического феномена не обнаруживалось. Теперь такая книга – перед нами.

Исключительно важной и сложной задачей автора являлось определение и классификация методологических подходов, используемых исследователями в работе над проблематикой Российского зарубежья. Этому, по сути, посвящена начальная глава книги. Е.И. Пивовар склонен рассматривать ее в качестве «краткого обзора», но не секрет, что большинству современных работ, раскрывающих различные аспекты Русского Зарубежья, часто недостает, пусть кратких, но внятных изложений методологических позиций, занимаемых ее авторами. Много пишут об ученых, людях искусства, военных, политиках, даже о детях русской эмиграции, забывая при этом поделиться со своими читателями и коллегами, на какой, собственно, теоретической базе ведется исследование столь сложной проблематики, да еще при столь ущербной источниковой базе. Эмиграцию нельзя рассматривать подобно «вещи в себе», скрывая ее социальные, ментальные особенности и пертурбации за текстами, напоминающими парадные истории полков. Е.И. Пивовар резонно предлагает целый набор методологических подходов, апробированных современной исторической наукой, – культурологический, историко-антропологический, компаративный, гендерный, микроисторический. И это далеко не полный список авторских рекомендаций, порой неожиданных, интригующих, интересных. Например, попытаться ответить в рамках еще малоразработанного раздела новой социальной истории – «ювентологии» – на такой вопрос: как и за «кого» играли «в войну» русские мальчишки в Германии 1930-х гг.? И ответ, как может показаться на первый взгляд, не будет носить отвлеченного значения. Во дворах и на пустырях советских городов, играя «в войну», мальчишки «расставляли политические акценть», отличные от привычных своим сверстникам в эмиграции. И как знать, не последуй попыток эмиссаров Гитлера оградить Вермахт от военных услуг со стороны русских эмигрантов (отнюдь не из этических соображений), сколько бы подросших в эмиграции парней, не желавших быть «красными» в уличных ристалищах, ринулось «освободить Россию от ига коммунистов»?... Но изучение «идейного» наполнения уличных игр эмигрантской детворы может привести и не к столь узким, политизированным выводам. К каким же тогда? Узнаем, когда воспользуемся призывом автора развивать это исключительно интересное направление.

Еще одним важным преимуществом работы Е.И. Пивовара стало включение в нее значительного количества материалов о современном Российском зарубежье. Автор не ограничивается простым ознакомлением читателя

с «новейшими цифрами и фактами». Действительно, немалое их количество он предпочел встроить в разделы, написанные по проблемно-хронологическому принципу. И в результате получилась целостная, преемственная во времени – от середины позапрошлого столетия до начала нынешнего – картина зарождения и эволюции основных географических и, следовательно, политических центров Российского зарубежья, его институтов, взаимоотношений с государственной властью в самой России, наконец, его культурно-исторического наследия. Важно, что сам феномен Российского зарубежья во всех его срезax рассматривается автором на стыке двух неотъемлемых и растущих в своем влиянии на него факторах – Отечества и глобализирующегося мирового пространства. «Российское зарубежье XIX–начала XXI в. с его непрерывной сложной эволюцией, – подытоживает свое исследование автор, – можно рассматривать как часть глобального исторического процесса, которая укоренена в российской и мировой политике и культуре».

И.А. Белоконь

Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. – 464 с.

Затрагивая тему русского военного флота, мы ощущаем звучание некой возвышенной ноты, наполняющей душу живым и горячим патриотическим чувством. Созданный Петром Великим и прославленный трудами его достойных преемников на данном поприще (например, причисленного к лику святых Ф.Ф. Ушакова) русский флот знал немало героического. Но и трагического он изведal не меньше. Так сложилось, что с середины XIX в., с Крымской компании, эти две линии слились в его судьбе воедино. По сию пору в сердцах неравнодушных потомков не проходит чувство горечи от упоминания слова *Цусима*...

Но ничуть не менее должен взволновать нас рассказ о пережитом уже на чужбине русским флотским офицерством, вынесшим на себе две беспримерные для того времени морские войны и заплатившим изгнанием за свое участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Поведадь об этом завершающем этапе коллективной биографии представителей некогда грозного императорского флота непредвзято и интересно сумел моло-

дой, но уже известный историк Никита Анатольевич Кузнецов. Его толковая и обстоятельная монография «Русский флот на чужбине» стала без преувеличения историографическим прорывом, наконец-то приведшим в систему накопившиеся за десятилетия отрывочные сведения о перипетиях борьбы моряков-эмигрантов за право жить и заниматься профессией вдали от родины. Мы привычно уже воспринимаем факты выдающейся роли эмигрантов из России в культурах разных стран мира, но, похоже, даже не подозревали, что и морская наука сослужила добрую службу некоторым странам благодаря офицерам в русской морской форме.

Н.А. Кузнецов, справедливо полагая, что не только этот аспект его научной темы станет открытием для широкой читательской аудитории, посчитал уместным раскрытие собственно эмигрантского периода в жизни флотского офицерства предварить освещением предшествующих этапов истории вначале императорского, а затем белого флотов. И заинтересованный читатель получил возможность увидеть сжатую, но отнюдь не схематичную, а емкую и яркую картину состояния русского флота и его кадров с 1905 по 1922 г. А те россыпи немаловажных деталей из жизни и быта русского морского офицерства дореволюционной эпохи, которыми щедро делится автор, помогают составить представление об абсолютно уникальной природе менталитета этой касты, соперничавшей в этом плане с офицерством элитных частей сухопутных родов войск.

Читая работу Н.А.Кузнецова, нельзя не отметить сдержанную, интеллигентную, подлинно научную манеру его письма, которая украшением текста делает строго выверенные факты и удачно подобранные цитаты из источников, а не эмоционально-пустословные ремарки, которыми изобилуют работы некоторых современных «военных историков» и «историков вообще», удостоивших своим ученым вниманием русскую армию и флот. Именно поэтому читателю книги предоставляется редкая возможность составить объемное представление о том, как и почему, например, оказался революционизирован бывший императорский флот в 1917 г., увидеть не только политические (пресловутая «большевистская агитация»), но и социально-психологические корни этого процесса. Стихия революции, воплощенная в матросской среде, не на жизнь, а на смерть схлестнулась с идеей сословно-кастовой монархической государственности, представителями которой и выступало военно-морское офицерство. Пережившие драму крушения флота офицерские чины не могли остаться в стороне от антибольшевистской борьбы, составив надежную опору белых военных диктатур.

Первая по числу вовлеченных в нее людей драма русского морского офицерства на чужбине, связанная с пребыванием последней белой эскадры в африканском порту Бизерта, заслужила, по замыслу автора, отдельной главы. России всегда не везло на союзников. Не стали исключением и бе-

лые диктатуры, отстаивавшие, как им представлялось, ее интересы в Гражданской войне. Верхом иезуитства выглядело обращение французского командования с русской Черноморской эскадрой, согласившегося помогать ее эвакуации из Крыма исключительно под залог ее тоннажа. Что ж, тем величественнее выглядела ее африканская сага, в которой нашлось место и трем сотням блестящих выпускников Морского корпуса, учрежденного в Бизерте, и выпуску 26 номеров «Морского сборника», разлетевшегося по свету, включая Советскую Россию, и неустанной борьбе за право держать развернутым Андреевский флаг тех, для кого в изгнании он остался единственным символом веры в будущее Великой России. Глава «Африканское солнце Бизерты» – одна из самых удачных в книге.

В символично названной 4-й главе – «Андреевский флаг не спущен» – автор знакомит читателя с организациями незначительной по численности (от 2 до 2,5 тыс.) флотской диаспоры, сумевшей, подобно армейским формированиям белых, не на бумаге сплотиться в различные эмигрантские структуры и даже основать собственные учебные заведения за рубежом. Сколь неожиданным оказывалось порой положение моряков-эмигрантов на карте мира, столь же причудливой выглядела и их профессиональная судьба: от гидрографов, несущих службу бельгийской короне на водах капризной африканской реки Конго, до «отцов-основателей» флотов стран-лимитрофов. Разумеется, чинам русского императорского флота, поступавшим на службу в военно-морские ведомства иностранных государств, с родным мундиром поневоле приходилось расставаться, но, как показывает Н.А. Кузнецов, куда важнее для них было присутствие за границей эмигрантских военно-морских профессиональных и мемориальных обществ, препятствующих растворению русских моряков в иноязычной среде, стиранию национальных особенностей.

5-я глава «Снова в боях» вводит нас в мир истинных, а не присочиненных на досуге, «военных приключений», выпавших на долю представителей флотской диаспоры в странах, наперебой втягивавшихся в водовороты вооруженных конфликтов 1920–1930-х гг. Помимо сознательного и зачастую неразборчивого в средствах и связях антисоветизма тех моряков-эмигрантов, которые участвовали в диверсионной и разведывательной деятельности против СССР, были такие, чей послужной список украсился подвигами поистине фантазмагорического характера, как например, возведение на престол императора Абиссинии или участие в пограничных войнах между странами Латинской Америки. Но как бы ни складывались их судьбы в грозной обстановке «малых войн» и в ходе Второй мировой, всегда и всюду чрезвычайно высоко ставился их профессионализм, положиться на который со спокойным сердцем мог любой «работодатель», потому что это были «русские моряки».

Судьбы морских офицеров в эмиграции – калейдоскоп сюжетов, наполненных скорее горечью, нежели романтизмом, неутраченного боевого духа. Хотя, как убеждает нас автор, запасов этого духа подчас хватало на то, чтобы вознести лишенных крова и средств изгнанников до высот национальных героев чужих государств. Но наиболее важным выводом из работы Н.А. Кузнецова нам видится тот, что даже фатальное разрушение материальных основ привычной жизни и условий службы не выбросило русскую флотскую эмиграцию на жизненное мелководье, и вдали от родины она обрела свои «семь футов под килем». Это пример и назидание нам, подобно современникам рубежа XIX–XX вв., перешагнувшим из одного столетия в другое и пережившим падение и распад своего государства, а ныне, слава Богу, в родном Отечестве желающим и имеющим возможность служить возрождению Великой России.

И.А. Белоконь

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

Ланской Г.Н. Экономическая история России начала XX в. как проблема отечественной историографии 5

Ланской Григорий Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ
gri_lanskoi@list.ru

Статья посвящена особенностям изучения экономической истории России начала XX в. профессиональными историками в советский и постсоветский период. В ней рассмотрена методологическая основа написанных ими исследований, их концептуальная связь с выявлением причин Октябрьской революции 1917 г. и поддержкой коммунистической идеологии.

Экономическая история, историография, историческая наука, Октябрьская революция

Казаковцев С.В. Вятская губерния в 1914–1917 гг.: война, власть и население 18

Казаковцев Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Вятского государственного университета
srg-vk@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы влияния Первой мировой войны на общественную жизнь Вятской губернии, мероприятия губернских властей по сохранению порядка, межнациональные отношения в регионе. Также представлены социально-экономические проблемы Вятской губернии, вызванные военным временем, и деятельность органов государственной власти по регулированию цен на продукты питания, мобилизационные мероприятия.

Первая мировая война, Вятская губерния, местное самоуправление, сухой закон, инфляция, военнопленные

Кулинич Н.Г. Дальневосточные города в 1920–1930-е гг.: «пережитки прошлого» в жизни населения 25

Кулинич Наталья Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
kulinich_n_g@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее распространенные формы девиантного поведения городского населения советского Дальнего Востока: пьянство, наркомания, проституция, хулиганство и суицид. Новая власть признавала их «пережитками прошлого» и пыталась вести борьбу. Однако советская действительность не только не уничтожила причины, вызывавшие девиантное поведение, но и создала новые. В дальневосточных условиях ситуация усугублялась отставанием социальной и культурной сферы от темпов роста городского населения. Большинство приехавших в Дальневосточный регион из центральных районов страны ощущали себя временными жителями и испытывали глубокое разочарование, порожденное конфликтом между ожиданиями и действительностью.

Дальний Восток СССР, «пережитки прошлого», пьянство, наркомания, проституция, хулиганство, суицид

Залеская О.В. Китайские колхозы на советском Дальнем Востоке (1930-е гг.) 37

Залеская Ольга Владимировна – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой китайведения Благовещенского государственного педагогического университета
olgazalasskaya@gmail.com

Статья посвящена малоизученной странице в истории коллективизации – объединению в колхозы китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР. Вовлечение китайских трудящихся в коллективные хозяйства, с учетом накопленного опыта добрососедского сосуществования с русским населением, являлось одним из направлений интеграции китайских мигрантов в социально-экономическую жизнь советского Дальнего Востока, аспектом междивизиационного взаимодействия народов двух стран – России и Китая.

Советский Дальний Восток, китайские мигранты, коллективизация, китайские колхозы, китайцы-колхозники

Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1999–2000 гг.: война и политика 45

Осмаев Аббаз Догиевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Комплексного НИИ РАН (Грозный)
osmaev@mail.ru

В статье рассматриваются военные и политические события 1999–2000 гг. в Чеченской Республике и вокруг нее, противоречия внутри политических и военных сил ЧРИ, политический кризис в РФ, которые обусловили начало военных действий. Проанализированы как ход военных действий, так и попытки политического урегулирования.

Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, А.А. Масхадов, Чеченская республика, Дагестан, специальные операции

Сообщения

Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны ... 58

Кубасов Александр Леонидович – канд. юрид. наук, начальник отдела Управления ФСБ России по Вологодской области
KUBASOV86@mail.ru

В статье рассматривается история создания концентрационных лагерей в 1918–1919 гг. в северных губерниях России. На основе архивных материалов автор показал, что как большевики, так и антибольшевики использовали тюрьмы и концлагеря для изоляции политических противников, подвергали их непосильным тяготам и лишениям. В 1920–1921 гг. в советских концлагерях во внесудебном порядке проводились казни пленных белых офицеров.

ВЧК, внесудебные репрессии, концентрационные лагеря, белая контрразведка

Иоффе Г. (Канада) Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова 66

Иоффе Генрих Зиновьевич – докт. ист. наук, член редколлегии «Нового Журнала» (Нью-Йорк)
ioffe@videotron.ca

Новая работа известного историка посвящена легендарному русскому революционеру Б.В. Савинкову, его взглядам, роли в организации революционного террора партии эсеров против самодержавия, участия в строительстве демократической России в 1917 г., борьбе против большевистского режима.

Б.В. Савинков, А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, Октябрьский переворот, Добровольческая армия, Ярославское восстание

Карпенко С.В. «Крамора на Кубани»: экономика и политика (1919 г.) 81

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
skarpenk@mtu-net.ru

В статье анализируются причины и сущность конфликта между главным командованием Вооруженных сил на юге России и казачьими органами власти Кубанского края в 1919 г., в основе которого лежали прежде всего объективные факторы экономического порядка и нежелание казачьих властей обрекать Кубанский край на разорение ради победы над большевиками в масштабах всей России.

А.И. Деникин, П.Н. Врангель, Кубанское казачье войско, Кубанский край, экономическая политика, снабжение армии

Калугин Ю. Пятая книга «Тихого Дона» 91

Калугин Юрий Георгиевич – кинорежиссер, член Союза кинематографистов и Союза журналистов России, доцент кафедры операторского мастерства С.-Петербургского университета кино и телевидения
tat66360700@yandex.ru

Очерк рассказывает о трагической судьбе донского казака Х.В. Ермакова – прототипа Григория Мелехова, героя романа М. Шолохова «Тихий Дон», – расстрелянного решением ОГПУ в 1927 г. за участие в борьбе против большевиков на Дону.

Гражданская война, Донская область, казаки, антибольшевистское сопротивление, Вешенское восстание, М. Шолохов, роман «Тихий Дон»

События и судьбы

Кулаков В.О. Грузинский царь Вахтанг VI в Астрахани: страницы истории тайной дипломатии России (первая треть XVIII в.) 99

Кулаков Владимир Олегович – аспирант кафедры истории России, ассистент отделения восточных языков Астраханского государственного университета

jahondor1983@yandex.ru

Статья посвящена малоизвестным фактам из жизни грузинского царя Вахтанга VI и его деятельности на службе российского государства в рамках развития русско-персидских политических контактов. Главный акцент делается на том периоде его жизни, когда он проживал вместе с семьей в России, в частности в Астрахани, откуда дважды направлялся в Персию с тайными дипломатическими поручениями императорского двора. На основе анализа различных фактов его пребывания в Астрахани доказывается, насколько его деятельность была важна для России в то время.

Вахтанг VI, Петр I, Астрахань, дипломатия, Персидский поход

Пашков А.М. С.А. Приклонский: от царского чиновника до народнического публициста ... 105

Пашков Александр Михайлович – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета
pashkov@psu.karelia.ru

Статья посвящена жизни и деятельности народнического публициста и исследователя Карелии А.С. Приклонского (1846–1886). Выпускник юридического факультета Московского университета, в 1870–1879 гг. он жил в Петрозаводске и был начальником канцелярии губернатора. В мае 1879 г. Приклонский был вынужден уйти в отставку из-за связей с политическими ссыльными и уехал в Москву. Там он сотрудничал в либеральных и народнических изданиях и опубликовал ряд книг и статей об истории и современном ему положении в Карелии.

А.С. Приклонский, Олонецкая губерния, ссылка, народничество, публицистика

Ревин И.А. Крестьяне Могилевские: родословная семья и история Тихого Дона 115

Ревин Иван Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасск)
ivarev@mail.ru

В статье на основе «Родословной» коренных донских крестьян Могилевских рассматриваются вопросы социально-экономического развития Войска Донского во второй половине XVIII–начале XX вв.: бегство крестьян и оформление крепостного права, образ помещика в восприятии крестьян, решение семейных конфликтов. Особое внимание уделяется описанию положения русских военнопленных в Германии в годы Первой мировой войны и отношению солдат – выходцев из крестьянского сословия к революции и начавшейся гражданской войне.

Войско Донское, колонизация, крестьянство, крепостное право, сословная дифференциация, Первая мировая война, русские военнопленные в Германии, Гражданская война в России

Журавлева В.И. Что мешает пониманию России в США: размышления по поводу книги американского историка 125

Журавлева Виктория Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ
zhuravlevavic@mail.ru

В статье критически анализируется монография американского историка Дэвида Фоглесонга «Американская миссия и “Империя Зла”» (*Foglesong D.S. “The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881”. Cambridge, 2007*). Книга рассказывает о том, как, начиная с 1880-х гг. вплоть до настоящего времени, американцы предпринимали попытки экспорта собственных символов политической и религиозной веры, технологических новаций, экономических теорий, достижений массовой культуры, участвуя в своеобразном «крестовом походе» за обновление Российской империи, СССР и постсоветской России. Фоглесонг акцентирует внимание на «новой мессианской идее», связанной с видением перспектив модернизации России в США, и рассматривает как русский «Другой» использовался для ревитализации американского национализма.

Российско-американские отношения, внешняя политика США, американская идентичность

Николаев Д.Д. Рецензия на книгу: **Крейд В.П. Георгий Иванов. М., 2007.** 132

Николаев Дмитрий Дмитриевич – докт. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ddnikolaev@mail.ru

Кузнецов Н.А., Соломонов Б.В. Рецензия на книгу: **Широкопад А.Б. Великая речная война, 1918–1920 годы. М., 2006.** 135

Кузнецов Никита Анатольевич – старший научный сотрудник сектора военной истории отдела истории российского зарубежья Дома Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына
nikita-k1978@yandex.ru

Соломонов Борис Владимирович – редактор журнала «Моделист-конструктор»
flot-master@mail.ru

Белоконь И.А. Рецензия на книгу: **Пивовар Е.И. Российское Зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.** 143

Белоконь Иван Александрович – старший преподаватель кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
shkapa@rggu.ru

Белоконь И.А. Рецензия на книгу: **Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009.** ... 146

Articles

G. Lanskoj Economic history of Russia in the beginning of the XX c. as a problem of Soviet and post-Soviet historiography 5

Grigori N. Lanskoj – candidate of History, senior lecturer of the department of Audiovisual documents and archives of Institute for History and Archives RSUH
gri_lanskoj@list.ru

The article is devoted to the interpretation by professional soviet and post-soviet historians of economic history of Russia at the beginning of XX c. The author analyses the methodological base of historiography and the influence of it on the research of causes of October revolution of 1917 and support of communist ideology.

Economic history, historiography, history science, October revolution

S. Kazakovtsev Viatka province during 1914–1917: the war, authorities, and people 18

Sergei V. Kazakovtsev – candidate of History, senior lecturer of the department of Russian history of Viatka State University
srg-vk@mail.ru

The article is focused on such questions as: World War I influence on the public life of Viatka province, action of the provincial authorities for order preservation, relations between different nations in region. Also the wartime’s social and economic problems of Viatka province, the attempts of public authorities to control the food-stuff prices, mobilization actions are presented.

World War I, Viatka province, local self-government, prohibition, inflation, prisoners of war

N. Kulnich Far Eastern Cities in 1920–1930’s: “Vestiges of the Past” in life of local population ... 25

Natalia G. Kulnich – candidate of History, senior lecturer of the department of Philosophy and culture of Pacific State University (Khabarovsk)
kulnich_n_g@mail.ru

The author considers the most common forms of negative behavior of Soviet Far Eastern urban population: drunkenness, drug addiction, prostitution, and suicide. New authority considered them as “vestiges of the past” and tried to fight against them. However soviet reality not only didn’t destroy the reasons causing the negative behavior, but also created new ones. In Far Eastern conditions the situation got worse by lag in social and culture sphere from growth rate of urban population. Majority of arrivals from central regions felt themselves as temporary residents and experienced deep disappointment, induced by conflict between expectations and reality.

The Soviet Far East, “vestiges of the past”, drunkenness, drug addiction, prostitution, suicide

O. Zaleskaja The Chinese collective farms on the Soviet Far East in 1930's 37

Olga V. Zaleskaia – candidate of History, senior lecturer, the head of the department of China studies of Blagovescshensk State Pedagogical University
olgazaleskaya@gmail.com

The article is devoted to insufficiently studied page in a history of collectivization – association the Chinese migrants on the Soviet Far East into collective farms. Involving of the Chinese workers into collective farms, under the view of the saved up experience of good-neighborhood coexistence with Russian population, was one of the directions of the Chinese migrants' integration into a social and economic life of the Soviet Far East, and also was the aspect of civil interactions of two countries' people – Russia and China.

The Soviet Far East, Chinese migrants, collectivization, the Chinese collective farms, Chinese collective farmers

A. Osmaev Chechen Republic in 1999–2000: the war and the politics 45

Abbaz D. Osmaev – candidate of History, senior research fellow of General Research and Development Institute of Russian Academy of Science (Groznyi)
osmaev@mail.ru

The article gives consideration to military and political events of 1999–2000 in the Chechen Republic and around it, contradictions in political and military forces in ChRI, political crisis in the Russian Federation, which have caused the beginning of hostilities. Both attempts of political settlement and a course of hostilities are analyzed.

B. Yeltsin, V. Putin, A. Maskhadov, Chechen Republic, Dagestan, antiterrorist operations

Comments

A. Kubasov Concentration camps in the Northern Russia during the Civil war 58

Aleksandr L. Kubasov – candidate of Law science, chief of the FSB department on Vologda region
KUBASOV86@mail.ru

In the article the history of creation of concentration camps in 1918–1919 in the northern provinces of Russia is considered. On the basis of archival materials the author has shown, that both, Bolsheviks and anti-Bolsheviks, used prisons and concentration camps for isolation of political opponents, subjected to their excessive burdens and deprivations. In 1920–1921 in the Soviet concentration camps extrajudicial executions of the captured White Army officers were made.

The Cheka, extrajudicial repressions, concentration camps, the White counterespionage

The Anti-Bolshevik Russia

G. Ioffe (Canada) The Revolutionary: Life and death of Boris Savinkov 66

Genrikh Z. Ioffe – doctor of History, the associate editor of “Novyi Zhurnal” (New York)
ioffe@videotron.ca

The new work of the famous historian covers the life of legendary Russian revolutionary Boris Savinkov, his political views, his role in organization of socialist-revolutionary party's terror against Russian autocracy, his participation in constructing of democratic Russia in 1917, his struggle against Bolshevik regime.

B. Savinkov, A. Kerenskii, L. Kornilov, the October Revolt, the Volunteer army, Yaroslavl rebellion

S. Karpenko “Sedition in Cuban Cossack region”: economy and politics (1919) 81

Sergei V. Karpenko – candidate of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Institute for History and Archives RSUH
skarpenk@mtu-net.ru

The article deals with the problem of origin and causes of the conflict between local Cossacks' authorities of Cuban region and High Command of Armed forces of South Russia in 1919. The author considers that the conflict was caused, first of all, by local authorities' aspirations to avoid the economic disaster of Cuban region as a result of struggle with Bolsheviks.

A. Denikin, P. Vrangel, Cuban Cossacks' armed forces, Cuban Cossack region, economic policy, military logistics

Ju. Kalugin The fifth volume of “Quite stream of the Don” 91

Juriy G. Kalugin – film director, member of Union of Cinematographers and journalist, senior lecturer of S.-Petersburg Cinema and TV University
tat66360700@yandex.ru

The essay is devoted to the tragic fate of Don Cossack Kh.V. Ermakov, who was the prototype of Grigori Melekhov, the main hero of M. Sholokhov novel “Quite stream of the Don”, and who was sentenced to death by OGPU in 1927 because of taking part in anti-bolshevik struggle in Don region.

The Civil War, Don Region, Cossacks, anti-bolsheviks movement, Veshenki Revolt, M. Sholokhov, novel “Quite stream of the Don”

Landmarks in Human History

V. Kulakov The Georgian tsar Vakhtang VI in Astrakhan: pages of history of secret diplomacy of Russia (first third XVIII c.) 99

Vladimir O. Kulakov – post-graduate student of chair History of Russia, the assistant to branch of East languages of Astrakhan State University
jahondor1983@yandex.ru

Article is devoted to the little-known facts from a life of Georgian tsar Vakhtang VI and its activity on service of the Russian state within the limits of development of the Russian-Persian political contacts. The main accent becomes on that period of his life when he lived together with a family in Russia and in, particulars in Astrakhan, whence went to Persia with secret diplomatic commissions of an imperial court yard twice. On the basis of the analysis of the various facts of its stay in Astrakhan it is proved, how much its activity was important for Russia at that time.

Vakhtang VI, Peter I, Astrakhan, diplomacy, the Persian campaign
A. Pashkov S. Priklonsky: from Tsarist official to narodnik political journalist 105

Alexandr M. Pashkov – candidate of History, senior lecturer, head of the Department of the pre-1917 Russian History of Petrozavodsk State University
pashkov@psu.karelia.ru

The article is devoted to the life and activity of Russian populist (Narodnik), journalist and researcher of Russian Karelia Sergei Priklonsky (1846–1886). He graduated from the Department of Law, University of Moscow, and lived in Petrozavodsk in 1870–1879, where he was the Head of the Governor’s office. In May, 1879, Priklonsky was forced to retire because of his contacts with political exiles and departed to Moscow. There he contributed to liberal and populist periodicals and published some books and articles devoted the history and the present of Russian Karelia.

S.A. Priklonsky, Olonets province, internal exile, Russian populism (Narodnik movement), political journalism

I. Revin The Mogilevsky: Genealogy of the Peasant Family and History of the Tikhii Don 115

Ivan A. Revin – candidate of History, senior lecturer of the department of Theory of state and law and Russian history of South-Russian State Technical University (Novocherkassk)
ivarev@mail.ru

Dealing with genealogy data of Don native peasant family (the Mogilevsky) the article considers the problems of social and economical progress of Don Host region in the second half of XVIII–beginning of XX cc.: genesis of serfdom and serf peasants escapes, landlord’s image in the mind of peasants, settlement of family conflicts. Special attention is granted to description of Russian prisoners of war conditions in Germany during the World War I and attitude of soldiers – natives of peasantry – to the revolution and started Civil war.

Don Host, colonization, peasantry, serfdom, estate differentiation, World War I, Russian prisoners of war in Germany, Civil war in Russia

Book Reviews

V. Zhuravleva What is Hindering a Better Understanding of Russia in the United States: Thinking about the Book of an American Historian 125

Victoria I. Zhuravleva – candidate of History, senior lecturer of the department of international policy and relations RSUH
zhuravlevavic@mail.ru

This article is devoted to the reflection on **David Foglesong’s** book “**The American Mission and the “Evil Empire”:** The Crusade for a “Free Russia” since 1881” (Cambridge, 2007). The book dwells on the American attempts, beginning in the 1880s and up till now, to export their own symbols of political and religious beliefs, technological innovations, economic theories, and mass culture products as part of their peculiar crusade to regenerate the Russian Empire, the Soviet Union, and post-Soviet Russia. Foglesong focuses on “the new messianic idea” which is linked with the way Russia’s modernization prospects are viewed in the US and demonstrates how the Russian Other serves to revitalize the American nationalism.

Russian-American relations, U.S. foreign policy, American identity

D. Nikolaev *Craid V. Georgi Ivanov. Moscow, 2007.* 132

Dmitri D. Nikolaev – doctor of Philology, senior research fellow of the department of contemporary Russian and Russian emigres literature of the Institute of world literature of Russian academy of science
ddnikolaev@mail.ru

N. Kuznetsov, B. Solomonov *Shirokorad A. Great River War, 1918–1920.* 135

Nikita A. Kuznetsov – senior research fellow of the military history branch of the Russian emigres history department of the House of Russian emigres named after A. Solzhenitsyn
nikita-k1978@yandex.ru

Boris V. Solomonov – editor of “Modelist-Constructor” magazine
flot-master@mail.ru

I. Belokon’ *Pivovarov E. Russian emigres: Social-historic phenomenon, role and meaning in cultural-historic heritage. Moscow, 2008.* 143

Ivan A. Belokon’ – candidate of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives RSUH
shkapa@rggu.ru

I. Belokon’ *Kuznetsov N. Russian Navy in strange land. Moscow, 2009.* 146

Научное издание

**НОВЫЙ
исторический вестник**

Корректор Л.И. Трифонова
Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Гигиенический сертификат № 515204 от 28.06.2002
Подписано в печать 23.07.2009
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10
Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон: (495) 970-72-63
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru
Отпечатано в Издательском центре РГГУ
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: (495) 973-42-00